

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6
ЧАСТЬ V
2026

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 6 (609) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюоань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Николай Михайлович Карамзин* (1766–1826), русский писатель и историк.

Карамзин родился в дворянской семье. Точное место рождения историка до сих пор обсуждается: одни источники указывают село Михайловка в Оренбургской губернии, другие — село Знаменское в Симбирской губернии. Его отец, Михаил Егорович Карамзин, владел имениями в Оренбургской и Симбирской губерниях. Мать, Екатерина Петровна Пазухина, умерла, когда Николаю было всего три года. С раннего детства Николай проявлял страсть к чтению и языкам: уже в восемь лет читал Тита Ливия на латыни, а к десяти годам свободно говорил на французском и немецком, позже освоив английский, итальянский и греческий.

Образование Карамзин получил в частных пансионах Симбирска и Москвы, также учился в пансионе профессора Иоганна Матиаса Шадена при Московском университете. В 1781 году, по обычаю того времени, он был зачислен в Преображенский гвардейский полк, но военная служба была ему не по душе. Не дождавшись 18-летия, он подал в отставку с чином поручика, чтобы посвятить себя литературе и науке.

Вернувшись к гражданской жизни, Карамзин быстро вошел в московские интеллигентские круги, где общался с переводчиками и публицистами. Его литературная карьера началась с переводов, в первую очередь с немецкого. В 1791 году он основал и редактировал «Московский журнал» — первый русский литературный журнал, в котором публиковались не только художественные произведения, но и критические статьи, рецензии и театральные разборы.

Именно в «Московском журнале» в 1792 году появилась повесть, принесшая Карамзину всероссийскую славу, — «Бедная Лиза». Это произведение стало вершиной русского сентиментализма: трогательная история любви крестьянки к дворянину, завершающаяся трагедией, глубоко взволновала читателей. Карамзин умел передать внутренний мир героя с невиданной ранее тонкостью, сделав чувства центром художественного произведения.

Позже он создал альманах «Аглая» (1794–1795) и поэтическую антологию «Аониды» (1796–1799), где публиковал не только свои стихи, но и произведения современников — Державина, Дмитриева, Хераскова. В 1798 году вышел сборник «Пантеон иностранной словесности», в который вошли его прозаические переводы.

Наиболее значительным художественным трудом Карамзина стали «Письма русского путешественника» (1791–1792), написанные по итогам его двухлетнего путешествия по Европе (1789–1790). В этих письмах сочетаются философские размышления, лирические зарисовки природы, культурные наблюдения и глубокая рефлексия. Это произведение стало настоящим прорывом в русской

литературе — оно ввело в обиход «новую чувствительность», сменив холодный классицизм на живое, личное, эмоциональное слово.

Карамзин сыграл ключевую роль в формировании современного русского литературного языка. Он сознательно отказался от церковнославянской лексики и тяжеловесных синтаксических конструкций, ориентируясь на живую разговорную речь и французский стиль. Он ввел в язык множество новых слов: «благотворительность», «влюбленность», «достопримечательность», «промышленность» (в современном значении), «ответственность», «трогательный», «занимателеный» и многие другие. Именно он популяризовал букву «ё», впервые использовав ее в журнале «Аониды» в 1797 году.

Эта реформа вызвала ожесточенные споры, в частности с академиком Шишковым, который выступал за сохранение старославянизмов. Но именно карамзинский стиль стал основой дальнейшего развития русской литературы и повлиял на Пушкина, Батюшкова, Баратынского и других писателей золотого века.

С 1803 года Карамзин полностью посвятил себя созданию масштабного труда — «Истории государства Российского». По указу императора Александра I он был назначен единственным официальным историографом России. Работа над этим 12-томным трудом заняла более двух десятилетий. Первые восемь томов были опубликованы в 1818 году и разошлись за месяц.

«История государства Российского» охватывает период с древнейших времен до Смутного времени. Карамзин не просто пересказывал летописи — он создал цельное, художественно выстроенное повествование, наполненное драматизмом, афоризмами и глубокими размышлениями. Его стиль сочетал архаизмы с простотой и ясностью, придавая тексту величие и достоверность.

В 1811 году Карамзин написал «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» — консервативный политический трактат, в котором выступал против радикальных реформ. Он утверждал, что Россия должна развиваться постепенно, опираясь на традиции и монархию. Эта «Записка» сыграла важную роль в отставке реформатора Михаила Сперанского в 1812 году и была одобрена императором Александром I.

Николай Михайлович умер 22 мая (3 июня) 1826 года в Санкт-Петербурге. Его похоронили на Ново-Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Он был удостоен высоких почестей при жизни: стал действительным статским советником, почетным членом Петербургской академии наук (1818), кавалером ордена Святого Владимира III степени и ордена Святой Анны I степени.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Сафина Ю. К., Борзунов М. А.	
Проблема задержания подозреваемого в уголовном процессе.....	303
Сафина Ю. К., Борзунов М. А.	
Допуск работника к выполнению трудовой функции как признак отношений	304
Соколова А. В.	
Нормативно-правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления в сфере культуры и образования	306
Тошов С. Х.	
Правовое регулирование договорных правоотношений в сфере возмездного оказания услуг.....	308
Троценко А. Г.	
Административная ответственность за нарушения требований пожарной безопасности, повлекшие возникновение пожара	311
Троценко А. Г.	
Применение административного приостановления деятельности за нарушения требований в области пожарной безопасности.....	314
Тютюнникова А. С.	
Вопросы определения субъекта коррупционных преступлений	316
Фадеева Ю. Н.	
Рамочный договор в гражданском праве России: правовая природа, особенности содержания и исполнения.....	321
Фахретдинова Д. Ф.	
Ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов	323
Хайруллин И. Ф.	
Значение причинно-следственной связи для уголовно-правовой характеристики деяний, связанных с уклонением от уплаты налогов ...	326
Хайрутдинова С. Р.	
Сущность и особенности административно-правового спора	328

Хайсумов М. А.

Правовые аспекты экономического пространства ЕАЭС	330
---	-----

Харитонова К. А.

Процедурные аспекты проведения налоговых проверок: актуальные проблемы правоприменительной практики	331
---	-----

Храмова Е. С.

Электронные доказательства и принцип непосредственности в гражданском процессе ...	336
--	-----

Чимитцыренова Э. В.

Понятие, цели, задачи и значение стадии возбуждения уголовного дела	338
---	-----

Чимитцыренова Э. В.

Постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании как самостоятельный повод для возбуждения уголовного дела.....	341
---	-----

Шидаков А. Б.

Общая характеристика преступлений против чести и достоинства личности.....	344
--	-----

Шудрук А. В.

Актуальные проблемы правового регулирования рабочего времени	348
--	-----

Ялаева А. Р.

Лицензирование в механизме государственного регулирования энергетического рынка: проблемные аспекты и направления совершенствования ...	349
---	-----

Ялаева А. Р.

Некоторые проблемы правовой регламентации энергетических рынков	351
---	-----

ПОЛИТОЛОГИЯ

Атаева Д. Д., Атаева Я. М., Мухаммедова Г. М.

Страна нейтралитета под знаком крылатых скакунов	354
--	-----

Игнатенко С. В., Чередова Л. А.

Политика зеленой инфраструктуры в условиях ресурсно-ориентированной экономики на примере России и Норвегии	356
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ**Малханов А.Д.**

Государственная политика в сфере культуры:
основные направления, механизмы
реализации, проблемы и перспективы
развития 360

**ФИЛОЛОГИЯ,
ЛИНГВИСТИКА****Джораева К.К.**

Концепты «ан-Нур» («свет») и «'акль»
(«разум») как основа семантического поля
«просвещение» в Священном Коране 365

Коваленко М.Н.

Неология как развивающаяся область
языкоznания: углубленный анализ
теоретических подходов и критериев
определения неологизмов 367

Свиридова Д.С.

Лингвистические и когнитивные трудности
усвоения английского языка взрослыми 371

Старкова Е.И.

Евангельский сюжет «Моление о чаше»
в картине Н. Н. Ге «Христос в Гефсиманском
саду» и в поэме Н. М. Минского
«Гефсиманская ночь» 374

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблема задержания подозреваемого в уголовном процессе

Сафина Юлия Константиновна, студент;

Борзунов Максим Александрович, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Проблема правовой сущности и уголовно-процессуального регулирования задержания подозреваемого на протяжении долгого времени привлекает внимание ученых. Многочисленные исследования ученых-процессуалистов не привели в теории к единой позиции, что привело к целому ряду научных дискуссий по проблеме правовой природы и сущности задержания.

Ключевые слова: подозреваемый, уголовный процесс, задержание подозреваемого, фактическое задержание.

На современном этапе развития уголовного процесса невозможно представить общие (досудебные) стадии без задержания подозреваемого. Данное задержание регламентируется главой 12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1, С. 150–151]. Одной из отличительных особенностей уголовно-процессуального права является возможность применения к лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство, мер государственного принуждения. Наиболее серьезными из всех мер уголовно-процессуального принуждения являются те из них, которые связаны с ограничением неприкосновенности личности и ее свободы. К таковым, без сомнения, относятся задержание подозреваемого.

Многие ученые-процессуалисты выделяют единую проблему, в том числе и Россинский С. Б. В своей научной работе он указывает на то, что на общем фоне доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, охватывающих задержание подозреваемого в уголовном судопроизводстве, особый интерес в настоящее время приобретают вопросы, связанные с так называемым фактическим задержанием и доставлением лица, т. е. неким комплексом оперативно-розыскных, административных и иных непроцессуальных мероприятий правоохранительных органов, связанных не с формальным, а с сугубо реальным (физическим) ограничением возможности человека (индивида) на свободу передвижения и предопределяющим его принудительное перемещение в орган дознания или к следователю [2, с. 70–72].

На данный момент в п. 15 ст. 5 УПК РФ присутствует определение фактического задержания, но сам кодекс не содержит четкого определения момента, с которого лицо считается фактически задержанным.

Точки зрения ученых об определении момента задержания в современной процессуальной литературе делятся на два «лагеря». Так, например, Гуляев А. П. и Петрухин И. Л. определяют фактическое задержание с момента ограничения свободы. А Шейфер С. А. и Божьев В. П. считают, что момент фактического задержания наступает после составления протокола о задержании.

Булатов Б. Б. и Кальницкий В. В. указывают на то, что в современном нормативном контексте понятие «фактическое задержание» наполнено совершенно иным смыслом. В действующем законодательстве под фактическим задержанием понимаются ситуации, когда лицо застигнуто (на него указали, на нем явные следы...) при совершении преступления до возникновения по этому поводу уголовно-процессуальных отношений. Такое сформировавшееся понимание фактического задержания фактически смешивает и ставит знак равно между фактическим задержанием и уголовно-процессуальным. Это, в свою очередь, оказалось обратное воздействие на трактовку меры принуждения [3, с. 25].

Категорией «задержание подозреваемого» в уголовно-процессуальном значении этого термина охватывается целый комплекс процессуальных действий, урегулированных гл. 12 УПК РФ, куда наряду с составлением протокола входит допрос подозреваемого (ч. 4 ст. 92 УПК РФ), его личный обыск (ст. 93 УПК РФ), направление уведомлений (ч. 3 ст. 92, ст. 96 УПК РФ) и т. д. [5]. Под таким углом зрения задержание подозреваемого уже вряд ли может быть представлено исключительно как мера процессуального принуждения. В его структуру включаются и отдельные поисково-познавательные элементы, обуславли-

вающие возможность созиания (формирования) новых или проверки имеющихся доказательств, о чем в своих работах как раз и писали И. Е. Быховский, С. А. Шейфер и другие авторы.

На наш взгляд, фактическое задержание еще не является процессуальным действием, но оно в том числе и не является «обычным действием», которое законом не урегулировано. Можно предположить, что фактическое задержание согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ осуществляется до момента оформления протокола задержания при появлении оснований к задержанию. Уголовно-процессуальное задержание может осуществляться с того момента, когда следователем или дознавателем закреплено через систему доказательств основания к задержанию, в связи с чем у них появляется возможность составить протокол задержания. Основная проблема, с этим связанная, заключается в том, что права и обязанности подозреваемого возникают с момента составления протокола задержания, то есть с момента приобретения подозреваемым своего статуса в порядке ст. 46 УПК РФ.

Во время фактического задержания лицо не является подозреваемым по смыслу УПК РФ, но уже подвергается ограничениям (обязанность участвовать в следственных действиях, обязанность не скрываться от органов расследования и др.) со стороны следователя, дознавателя или

органа дознания, которые можно определять как задержание. По факту лицо находится в положение заподозренного лица.

Мы придерживаемся точки зрения Гуляева А. П. и Петрухина И. Л., потому что любые действия со стороны уполномоченных лиц, ограничивающие свободу передвижения лица (например, применение физической силы, надевание наручников, помещение в служебный автомобиль), уже затрагивают конституционные гарантии. Признание момента задержания исключительно после составления протокола о задержании создаёт правовую ошибку, когда человек фактически не свободен, но ещё не обладает процессуальным статусом подозреваемого и лишён механизмов защиты своих прав. Поэтому данные действия будут противоречить принципу законности и презумпции невиновности.

В связи с этим мы предлагаем дополнить п. 15 ст. 5 УПК РФ следующей формулировкой: «момент фактического задержания — момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, реального ограничения свободы передвижения лица уполномоченными на то лицами, выражаящегося в невозможности покинуть место по собственной воле вследствие применения физической силы, специальных средств или прямых указаний органа дознания, дознавателя или следователя».

Литература:

- Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В. П. Божьев. — М.: Юрид. лит., 1975. — 176 с. — Текст: непосредственный.
- Булатов, Б. Б. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие / Б. Б. Булатов, В. В. Кальницкий. — Текст: непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — Омск: Федеральное гос. казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская акад. М-вовнутренних дел Российской Федерации», 2023. — С. 5–11.
- Россинский, С. Б. К вопросу о сущности и правовой природе задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве / С. Б. Россинский. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 1. — С. 174–185.
- Россинский, С. Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого / С. Б. Россинский. — Текст: непосредственный // Lex Russica. — 2018. — № 8. — С. 68–80.
- Шейфер, С. А. Сущность и способы созиания доказательств в советском уголовном процессе / С. А. Шейфер. — М.: «РИО ВЮЗИ», 1972. — 130 с. — Текст: непосредственный.

Допуск работника к выполнению трудовой функции как признак отношений

Сафина Юлия Константиновна, студент;

Борзунов Максим Александрович, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В современной правовой практике особое значение имеет правильное определение характера отношений между работодателем и лицом, выполняющим трудовые обязанности. Часто на практике возникают ситуации,

когда работодатель не оформляет трудовой договор, однако фактически допускает лицо к работе. Возникает вопрос: считаются ли такие отношения трудовыми? Ключевым критерием признания трудовых отношений

в таких случаях является допуск к выполнению трудовой функции.

С юридической точки зрения, «допуск к работе» — это не просто начало выполнения задач. Это действие работодателя (или его представителя), выражющееся в предоставлении работнику возможности реально приступить к выполнению обусловленной трудовой функции в условиях, подконтрольных работодателю.

Согласно статье 15 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) трудовые отношения — это отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем, в силу которых работник обязуется лично выполнять определенную трудовую функцию, подчиняясь внутреннему трудовому распорядку, а работодатель обязуется предоставлять работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечивать условия труда и выплачивать заработную плату. Наличие письменного трудового договора — это важное, но не единственное условие для возникновения трудовых отношений. На практике они могут возникнуть и в силу фактического допуска к работе, что так же находит свое подтверждение в абзаце 3 статьи 16 ТК РФ. [1].

Это означает, что трудовые отношения могут возникнуть де-факто, даже при отсутствии надлежащего оформленного письменного договора. Фактический допуск к работе является исключением из общепринятого правила, при котором сначала оформляется трудовой договор, а затем работник приступает к выполнению своей трудовой функции. В случае, если после фактического допуска работодатель не оформит надлежащим образом трудовой договор и не издаст приказ или распоряжение о приеме на работу сотрудника, то последнему предоставляется возможность защитить и отстоять свои права, так как по трудовому законодательству такие трудовые отношения считаются установленными [2, с. 877].

Юридическое значение этого факта заключается в том, что он устанавливает права и обязанности сторон, аналогичные тем, что возникают по письменному трудовому договору. Работник получает право на оплату труда, защиту своих прав в суде, социальные гарантии (отпуск, больничный и т. д.), страховые взносы и пенсионные начисления и т. д.

М. С. Сагандыков отмечает, что право работника на заключение трудового договора предполагает возможность требовать заключения трудового договора в письменном виде. Кроме того, закон определяет порядок заключения трудового договора, предъявляет жесткие требования работодателю, что снижает вероятность злоупотреблений с его стороны [3, с. 107].

Таким образом, в случае неисполнения работодателем своих обязанностей по надлежащему оформлению на работу (по истечении трех дней с момента фактического допуска к работе), работник вправе пойти в суд с иском о признании трудового договора заключенным на определенных условиях. Наряду с этим требованием, работник может заявить любое иное требование, которое

соответствует трудовому законодательству и вытекает из прав работника (например, требование о взыскании заработной платы, о восстановлении на работе и т. д.). Если суд удовлетворит иск и признает трудовой договор заключенным, то работодатель обязан внести соответствующую запись в трудовую книжку работника.

Суды нередко рассматривают споры, когда работодатели отказываются признавать трудовые отношения, утверждая, что человек работал «по гражданско-правовому договору» или «без оформления». Они, рассматривая споры о квалификации отношений, исследуют не формальные признаки (название договора), а фактическую сторону: выполнялась ли работа лично, в рамках трудового распорядка, на постоянной основе, с подчинением распоряжениям руководства. Наличие этих обстоятельств, подтвержденных доказательствами, является бесспорным основанием для признания отношений трудовыми.

Так, например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2024 N 127-КГ24-14-К4 суд установил факт допуска истца к работе с ведома ответчика (работодателя), постоянный характер этой работы, личное выполнение истцом определенной трудовой функции в интересах работодателя, а также нашло подтверждение то обстоятельство, что истец был ознакомлен с внутренним трудовым распорядком ответчика и подчинялся ему [4, с. 5].

Таким образом, суд установил, что между сторонами существовали фактические трудовые отношения. Это означает, что на них распространяются все нормы трудового законодательства, включая право работника на оплату труда, отдых, оплату больничных листов, компенсации и защиту его прав. Неформирование трудового договора надлежащим образом не лишает работника прав и гарантий, предусмотренных законом. Работодатель будет обязан признать эти отношения трудовыми и выполнить все вытекающие из этого обязанности.

Важно отличать допуск к работе по трудовому договору от выполнения работ по гражданско-правовому договору (подряд, оказание услуг).

Главное различие состоит в том, что при трудовых отношениях работник включается в хозяйственную сферу работодателя, подчиняется правилам внутреннего трудового распорядка, работает в определенное время, на оборудовании и территории работодателя, а при выполнении работ по гражданско-правовому договору исполнитель организует свой труд самостоятельно, не подчиняясь внутренним правилам заказчика. Здесь будет важен результат, а не процесс [5, с. 64–65].

Если лицо фактически допущено к работе в условиях, где присутствуют признаки подчиненности, регулярности, то данные отношения будут считаться трудовыми, независимо от того, как назван заключаемый договор.

В Решении от 29 апреля 2025 года г. о. Подольск Московская область № 2-4471/2025 суд установил, что место оказания услуг находится на территории ответчика, от-

ветчик обеспечивает истца необходимым оборудованием, организовывает рабочее место, осуществляет выплаты, которые для истца являются основным источником дохода [6].

Можно сделать вывод, что перечисленные обстоятельства напрямую указывают на то, что сложившиеся отношения носят характер трудовых, а не гражданско-правовых.

Однако судебная практика не является единообразной, как отметила Л. А. Чиканова, «к сожалению, как показывает судебная практика, рассматривая соответствующую категорию споров, суды далеко не всегда исследуют характер отношений, фактически возникших между работником и работодателем, не учитывают такие признаки трудового отношения, как выполнение трудовой функции — работы по определённой должности, подчинение правилам внутреннего распорядка и др. Нередко в основу решения кладутся лишь формальные мо-

менты (отсутствие заявления, трудовой книжки, приказа о приёме на работу и др.). При этом не берётся во внимание то, что издание приказа о приёме на работу и оформление трудовой книжки — это обязанность работодателя» [7, с. 198].

Допуск работника к выполнению трудовой функции — это не просто техническое действие, а юридический факт, имеющий правообразующее значение. Российское трудовое законодательство защищает интересы работников, признавая факт допуска основанием для возникновения трудовых отношений. Ненадлежащее оформление трудовых отношений с работником, фактически допущенным к работе, создает для работодателя значительные правовые и налоговые риски. В качестве мер ответственности законодательством предусмотрено применение к такому работодателю санкций, в числе которых взыскание штрафов, пеней, а также доначисление сумм налогов и страховых взносов.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ [Электронный ресурс] // Документы. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17706> — Президент Российской Федерации. Официальный сайт.
2. Казурова, Н. А. Права и обязанности сторон при фактическом допуске к работе / Н. А. Казурова, Н. А. Якубов. — Текст: непосредственный // Форум молодых ученых. — Самара: ООО «Институт упр. и социально-экономического развития», 2017. — С. 876–879.
3. Сагандыков, М. С. Реализация конституционных принципов в правовом статусе работника и работодателя по нормам трудового права / М. С. Сагандыков. — Текст: непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — Челябинск: Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высшего проф. образования «Южно-Уральский гос. ун-т (национальный исследовательский университет)», 2014. — С. 106–109.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2024 N 127-КГ24-14-К4 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации Правосудие: интернет-портал. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2420806 (дата обращения: 27.11.2025).
5. Шувалова Трудовое право России: Учебное пособие / Шувалова, И. А. Шувалова, А. И. — 2-е изд. — Москва: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М. — М., 2018. — 251 с.
6. Решение от 29 апреля 2025 года г. о. Подольск Московская область № 2-4471/2025 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации Правосудие: интернет-портал. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EILOQswfrWJX/> (дата обращения: 27.11.2025).
7. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Ю. П. Орловский. Москва: Контракт: Инфра-М, 2014.

Нормативно-правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления в сфере культуры и образования

Соколова Анастасия Вадимовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Культура — это характерная часть любого общества, поэтому вопрос правового регулирования отношений в этой сфере является одним из актуальных для России.

В настоящий момент защита культурного наследия России очевидна, и система культурных прав граждан имеет особое значение. В настоящее время сфера культуры регулируется немалым числом нормативных актов.

Право на образование также является одним из основных прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году, и в конституциях большинства стран мира, включая Россию. Право человека на образование — это систематическое получение знаний об окружающем мире и приобретение определенных практических навыков в определенном возрасте, которое оказывает существенное влияние на дальнейшую судьбу человека.

Конституция Российской Федерации упоминает права, связанные с культурой и образованием, например, каждый имеет право на участие в культурной жизни использование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям, гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях и т. д.

Отраслевое законодательство включает общие положения и законы, регулирующие управление культурой и образованием и все вытекающие вопросы, связанные с ней.

Так, конкретные полномочия в сфере культуры закреплены в ряде федеральных законов, например, в Законе РФ от 09.10.92 № 3612-1 «Основы законодательства в Российской Федерации о культуре» (далее — Основах законодательства Российской Федерации о культуре), а также в федеральных законах № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах», № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия и памятниках истории и культуры народов Российской Федерации» и касается всей сферы культуры.

В сфере образования основным законом является Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Этот закон является ключевым для определения конкретных полномочий в сфере образования.

Необходимо отметить, что полномочия в сфере культуры и образования органов местного самоуправления закреплены и в Федеральном законе от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Полномочия органов местного самоуправления в сфере культуры и образования теперь рассматриваются как локальный уровень реализации единой государственной культурно-образовательной политики. Это означает, что деятельность муниципальных учреждений культуры и образования должна быть синхронизирована с федеральными и региональными стратегиями и национальными проектами, например, «Культура».

Федеральный закон № 33-ФЗ упрощает сложную систему разграничения полномочий между поселениями и районами, которая была характерна для ФЗ № 131-ФЗ. Основным уровнем, наделенным полным комплексом полномочий, становится муниципальный или городской округ. Это ведет к упрощению перечня вопросов местного значения в сфере культуры и образования.

Затрагивая сферу охраны объектов культурного наследия, которая также является одной из важнейших задач государства и общества, необходимо отметить, что местное самоуправление, как наиболее близкий к населению уровень власти, играет ключевую роль в обеспечении сохранности памятников истории и культуры, расположенных на территории муниципалитетов. Основным правовым актом, регулирующим данную деятельность, является Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ. Закон разделяет объекты культурного наследия на три категории: федерального, регионального и местного (муниципального) значения. Основной объем полномочий органов местного самоуправления сосредоточен вокруг объектов местного значения.

Российская Федерация — многонациональное государство, где сохранение этнокультурного многообразия является приоритетом государственной политики.

Важнейшим инструментом реализации культурных прав этнических общин является Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Данный закон наделяет органы местного самоуправления специфическим набором полномочий, направленных на поддержку самоорганизации граждан для сохранения их идентичности, языка и культуры.

К ключевым полномочиям в данной сфере можно отнести содействие в реализации культурных прав. Это означает, что муниципальные власти наделены полномочиями по всесторонней поддержке национальных культурных инициатив, а именно в организации массовых мероприятий, т. е. содействие национально-культурным автономиям в проведении национальных праздников, фестивалей, смотров и выставок народного творчества.

Также можно отнести и поддержку учреждений культуры, которая реализуется в помощи создания национальных культурных центров, библиотек, секций и кружков при муниципальных домах культуры и клубах. Сохранение фольклора и ремесел. Участие в программах по возрождению и развитию традиционных промыслов и народных художественных ремесел.

Народные художественные промыслы также являются неотъемлемой частью культурного наследия России, отражая уникальность и самобытность каждого региона. Их сохранение, развитие и популяризация требуют системной работы на всех уровнях публичной власти.

Органы местного самоуправления разрабатывают программы и мероприятия по поддержке мастеров и ремесленников, организуют выставки, ярмарки и конкурсы, способствующие популяризации народного искусства.

В рамках своих полномочий органы местного самоуправления занимаются инвентаризацией и охраной объектов культурного наследия, связанных с народными художественными промыслами, а также проводят работу по их восстановлению и реставрации.

Органы местного самоуправления всегда придавали большое значение образованию. Однако, их деятельность в этой сфере не ограничивается только образованием,

включая также все возможные меры по воспитанию, обучению и социализации населения.

Затрагивая сам механизм определения полномочий органов местного самоуправления в сфере образования согласно положениям ФЗ № 33-ФЗ от 20.03.2025. Необходимо сказать, что основная цель регулирования в сфере образования по закону — обеспечение единого образовательного пространства и государственных гарантий реализации прав граждан на образование вне зависимости от места проживания.

Исходя из характера полномочий, осуществляемых в сфере образования, в структуре компетенции местных органов власти выделяются следующее:

1. Муниципальные меры, направленные на организацию образовательного процесса, включают обеспечение учебниками, оборудованием и методической литературой.

2. Органы местного самоуправления контролируют выполнение требований образовательной деятельности и других нормативных актов, регулирующих работу учреждений образования.

3. Защита участников образовательного процесса включает выявление мер воздействия на родителей, которые не выполняют свои обязанности по воспитанию

детей, помочь детям, нуждающимся в государственной опеке, и обеспечение надлежащего образования для детей с ограниченными возможностями.

4. Совершенствование образовательного процесса включает проверку образовательных программ, внедрение инновационных процессов, координацию деятельности общественных советов по развитию и усовершенствованию образования.

5. Кадровое обеспечение образовательного процесса включает обеспечение непрерывности образования детей, помочь учителям и родителям, анализ кадрового потенциала и организацию стажировок и повышения квалификации специалистов муниципальных образовательных учреждений, а также избрание директоров этих учреждений. Местные органы власти могут также различного рода помочь семьям, которые воспитывают детей дошкольного возраста на дому.

Местные органы власти обладают широким спектром полномочий в области культуры и образования и управляют рядом культурных объектов, образовательных учреждений. Вместе они создают систему условий, необходимых для удовлетворения потребностей людей, проживающих на данной территории.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.07.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — № 237; 2020. — № 144.
2. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995 № 67; 1998.
3. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Российская газета. 2025. N 65–66.
4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1; ред. от 28.12.2022) // Российская газета. 1992. № 248; 2022. № 297. Ст. 40.
5. Федеральный закон от 17.06.1996 N 74-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства РФ. 1996 г. № 25. ст. 2965; 2022 г. № 14 ст. 2202.
6. Федеральный закон от 06.01.1999 N 7-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О народных художественных промыслах» // Российская газета. 1999. № 7; 2017. № 172.
7. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 116–117; 2023. № 82.
8. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. № 303; 2023. № 38.

Правовое регулирование договорных правоотношений в сфере возмездного оказания услуг

Тошов Сардор Хамза угли, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В этой статье исследуется то, как в российском гражданском праве регулируется договор об оказании платных услуг. На основе анализа законодательства и доктринальных подходов автор отмечает, что дальнейшее развитие правоприменения требует повышения согласованности между общей и специальной нормами. Отмечено, что Закон «О защите

прав потребителей» играет важную роль как специальный регулятор. В заключение автор приходит к выводу, что создана устоявшаяся нормативная база, сочетающая свободу договора с обязательными гарантиями (например, право на одностороннее расторжение) для защиты интересов обеих сторон в условиях развития рынка услуг.

Ключевые слова: гражданское право, правовое регулирование, договор возмездного оказания услуг, заказчик, исполнитель.

В российском гражданском праве договор возмездного оказания услуг — это самостоятельный вид обязательства, при котором одна сторона (исполнитель) за плату обязуется оказать по заданию другой стороны (заказчика) определенные услуги (совершить те или иные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги [1]. Этот договор носит консенсуальный, двусторонне обязывающий и возмездный характер.

Впервые как отдельный договорный тип он был закреплен именно в ГК РФ (ч. II) 1996 г.– до этого момента общая модель договора услуг в законодательстве отсутствовала. Ранее отношения по оказанию услуг оформлялись либо смежными договорами (например, поручение, комиссия, хранение и пр.), либо охватывались договорами подряда и трудовыми договорами. Законодательная новелла 1996 года восполнила этот пробел, предложив универсальную конструкцию для многочисленных сервисных отношений, не урегулированных специальными нормами. Как указывают М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, действующий Кодекс впервые ввел родовую модель для договоров об оказании услуг по аналогии с моделью подряда для договоров о выполнении работ [2].

Существенной особенностью этой модели стало то, что предметом здесь являются действия как таковые, а не овеществленный результат работы: если результат в подрядных обязательствах можно охарактеризовать условным «сделать» (создать вещь или иной материальный объект), то в договоре услуг ключевым является «делать» — процесс совершения действий [3].

Таким образом, в услугах отсутствует материальный итог, отчуждаемый исполнителем заказчику; экономический смысл состоит в самом процессе деятельности исполнителя, направленном на удовлетворение нематериальных потребностей заказчика. Еще советскими цивилистами (например, О. А. Красавчиковым) подчеркивалось, что в ряде обязательств действия одной стороны направлены на удовлетворение интересов другой стороны без передачи материального объекта — такие несознаемые блага и составляют сущность услуги как объекта гражданских прав [4].

Именно нематериальный характер результата услуги отличает ее от подрядных работ, хотя грань между ними порой условна и исторически вызывала дискуссии в науке (например, проблема индивидуального пошива вещи как услуги или как подряда и т. п.).

Основные нормы о рассматриваемом договоре сконцентрированы в главе 39 ГК РФ (статьи 779–783). Закон дает легальное определение: согласно п. 1 ст. 779 ГК РФ,

под возмездным оказанием услуг понимается обязательство исполнителя совершить определенные действия или деятельность по заданию заказчика за плату, которую заказчик обязан внести [5]. В п. 2 той же статьи очерчивается сфера применения главы: ее положения распространяются на широкий круг договоров оказания услуг — связь, медицинские, ветеринарные, аудиторские, консультационные, информационные услуги, обучение, туристское обслуживание и другие — кроме тех услуг, которые регулируются отдельными главами Кодекса.

Иными словами, гл. 39 ГК РФ носит восполнительный характер: она применяется к договорам об услугах, не урегулированным специальными нормами. В самом ГК содержится исчерпывающий перечень исключенных из главы 39 договоров, на которые ее нормы не распространяются, поскольку для них предусмотрено отдельное регулирование. В этот перечень вошли, в частности, договор подряда (гл. 37), договор на выполнение НИОКР (гл. 38), перевозка (гл. 40), транспортная экспедиция (гл. 41), банковский вклад и счет (гл. 44–45), расчетные отношения (гл. 46), хранение (гл. 47), поручение (гл. 49), комиссия (гл. 51), доверительное управление имуществом (гл. 53) [6]. Многие из названных соглашений по своей сути тоже относятся к сфере услуг, однако они обладают особыми признаками и потому выделены законодателем отдельно. Нормы главы 39 могут применяться к таким поименованным договорам лишь субсидиарно, по аналогии, если это не противоречит их специальному регулированию [7].

В то же время перечень охватываемых главой 39 услуг не полон. Закон сам приводит примеры услуг, подпадающих под общий режим (связь, медицина, обучение, туризм и др.), но фактически в гражданском обороте существуют десятки иных разновидностей сервисных договоров. Так, нормы главы 39 прямо не упоминают, но охватывают своим действием, например, рекламные услуги, риэлторские и иные посреднические услуги, банковско-финансовые услуги вне рамок банковского счета (например, консультационные, брокерские), разнообразные бытовые сервисы, услуги по управлению бизнесом, информационному обслуживанию бизнеса и пр. По мере развития экономики появляются все новые виды услуг, которые претендуют на самостоятельное правовое признание. Современный этап характеризуется формированием договоров оказания услуг самых разных видов, зачастую сложных и смешанных по природе (например, ИТ-услуги, облачные сервисы, услуги платформ и агрегаторов и т. д.), и гражданское законодательство сталкивается с задачей охватить эти феномены действующими нормами либо разработать для них специальные правила.

Общие положения главы 39 ГК РФ устанавливают базовые права и обязанности сторон. Помимо упомянутой обязанности исполнителя лично оказывать услуги (если иное не предусмотрено договором — ст. 780 ГК РФ), центральное значение имеют нормы об оплате и одностороннем отказе [8]. Оплата услуг должна производиться в сроки и порядке, указанные в договоре (п. 1 ст. 781 ГК). Если заказчик виновно создал невозможность оказания услуги, он все равно обязан оплатить ее полностью (п. 2 ст. 781); если же оказание стало невозможным по независящим от сторон обстоятельствам — заказчик возмещает исполнителю фактически понесенные расходы (п. 3 ст. 781). Эти правила отражают специфику услуг: даже при отсутствии результата исполнитель, затративший труд и средства, не должен остаться без компенсации, если только в законе или договоре не предусмотрено иное.

Кроме ГК РФ, целый ряд нормативных актов регулирует специфические аспекты договоров услуг. Закон РФ «О защите прав потребителей» (ЗоЗПП) играет ключевую роль, когда исполнителем выступает коммерческая организация или ИП, а заказчиком — гражданин-потребитель, приобретающий услуги для личных нужд [9].

ЗоЗПП устанавливает императивные требования к качеству услуг (они должны соответствовать обычно предъявляемым требованиям и условиям договора, ст. 4), опре-

деляет права потребителя при обнаружении недостатков услуги, а также при просрочке оказания.

Анализ действующего законодательства и судебной практики свидетельствует о том, что нормативная модель договора возмездного оказания услуг характеризуется повышенной степенью диспозитивности, сочетающейся с императивными ограничениями, направленными на защиту слабой стороны договора и обеспечение баланса интересов участников гражданского оборота. К числу таких императивных элементов относится, в частности, право на односторонний отказ от договора, которое рассматривается законодателем как неотъемлемая часть правового режима договоров возмездного оказания услуг и не подлежит ограничению соглашением сторон.

Подводя итог, можно сказать, о том, что правовое регулирование договорных правоотношений в сфере возмездного оказания услуг представляет собой особую нормативную модель, сочетающую общие положения гражданского законодательства с нормами специального регулирования и судебной практики, что предопределяет специфику содержания договорных прав и обязанностей сторон. Указанные особенности правового регулирования служат теоретической основой для исполнения обязательств по договорам возмездного оказания услуг.

Литература:

1. Ковалев, А. К. Услуга как особый предмет договора возмездного оказания услуг / А. К. Ковалев // Научное сообщество студентов XXI века: экономика, финансы, управление, цифровизация, психология, дизайн, право: сборник материалов VI Межвузовской студенческой научно-практической конференции, Москва, 10 апреля 2025 года. — Москва: Московский экономический институт, 2025. — С. 840–846.
2. Брагинский М. И. Договорное право: общие положения / Брагинский М. И., Витрянский В. В. — Москва: Статут, 2020, с. 65.
3. Бисалиева, А. А. Доктринальные подходы к понятию услуги в договоре возмездного оказания услуг: проблемы определения понятия и выявления сущности / А. А. Бисалиева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 1-1(76). — С. 85–87.
4. Красавчиков О. С. Советская наука гражданского права. Свердловск, 1961. С. 303.
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/a397ec4ca2dd0c96c211ee4e4436628f0cf581a3/?ysclid=mks7gqobvd527653457
6. Бекмамбетова, Д. М. Проблемы правового регулирования договора возмездного оказания услуг / Д. М. Бекмамбетова. — Текст: непосредственный // Молодой учёный. — 2016. — № 11 (115). — С. 606–609.
7. Беляева, Ю. П. Актуальные проблемы применения договора возмездного оказания услуг на практике / Ю. П. Беляева, М. Е. Любимова // Матрица научного познания. — 2022. — № 4–2. — С. 262–271.
8. Чаплыгина, Я. В. Гражданко-правовая сущность возмездного оказания услуг / Я. В. Чаплыгина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10–4 (49). С. 133–136.
9. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 28.12.2025) «О защите прав потребителей».

Административная ответственность за нарушения требований пожарной безопасности, повлекшие возникновение пожара

Троценко Алексей Геннадьевич, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье рассматривается понятие и содержание административной ответственности за нарушения требований пожарной безопасности, повлекшие возникновение пожара, в Российской Федерации. Автор анализирует состав административных правонарушений, предусмотренных данной статьей, а также особенности применения административных наказаний к физическим и юридическим лицам. Особое внимание уделяется правовым последствиям нарушений, которые приводят к возникновению пожара. Вносятся предложения по внесению изменений в законодательство, направленных на устранение пробелов и совершенствование правоприменительной практики.

Ключевые слова: пожар, пожарная безопасность, нарушение требований пожарной безопасности, административная ответственность, юридическая ответственность, нормативно-правовые акты.

Administrative liability for violation of fire safety requirements that resulted in a fire

The article examines the concept and content of administrative liability for violation of fire safety requirements that resulted in a fire in the Russian Federation. Regulatory legal acts that determine fire safety, as well as existing types of administrative liability, are analyzed. The problems of law enforcement practice are considered. The possibility of applying the minimum administrative penalty for persons who violated fire safety requirements that resulted in a fire is considered. Based on theoretical and practical aspects, recommendations for bringing to administrative liability for violation of fire safety requirements are formulated.

Keywords: fire, fire safety, violation of fire safety requirements, administrative liability, legal liability, regulatory legal acts.

Административная ответственность в Российской Федерации представляет собой один из видов юридической ответственности, который выражается в применении к лицу мер административного наказания за совершение административного правонарушения.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим данную сферу, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [1], а также принимаемые в соответствии с ним законы субъектов Российской Федерации. Особое значение в системе административного права имеет статья 20.4 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение требований пожарной безопасности. Учитывая высокую общественную опасность таких нарушений, представляется важным провести комплексный анализ указанной статьи,

Требования пожарной безопасности в Российской Федерации устанавливаются различными нормативными документами, основными из которых являются: Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [2]; Федеральный закон от 22.07.2008 № 123ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [3]; Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» [4].

Согласно статьи 1 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [2], пожар — это неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства.

Зона пожара — территория, на которой существует угроза причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу физических и юридических лиц в результате воздействия опасных факторов пожара и (или) осуществляются действия по тушению пожара и проведению аварийно-спасательных работ, связанных с тушением пожара [2].

Обязательные требования пожарной безопасности (далее — требования пожарной безопасности) — специальные условия социального и (или) технического характера, установленные в целях обеспечения пожарной безопасности федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также нормативными документами по пожарной безопасности [2].

Нарушение требований пожарной безопасности — это нарушение и неисполнение требований пожарной безопасности [2].

Статья 20.4 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение требований пожарной безопасности.

Административные правонарушения, предусмотренные статьей 20.4 КоАП РФ, отличаются повышенной общественной опасностью.

Объектом административного правонарушения в сфере обеспечения пожарной безопасности выступает совокупность общественных отношений в сфере пожарной безопасности.

Субъектами правонарушения являются граждане; должностные лица, которые отвечают за обеспечение выполнения правил, норм и стандартов пожарной безопас-

ности на вверенном им участке работы; лица, осуществляющие деятельность без образования юридического лица; юридические лица.

Объективная сторона рассматриваемых правонарушений выражается в нарушении или неисполнении субъектами административной ответственности требований пожарной безопасности.

Поскольку диспозиция статьи 20.4 КоАП РФ является бланкетной, для привлечения виновных лиц к административной ответственности нужно установить, какие конкретные правила были нарушены или не выполнены.

Правонарушения, предусмотренные частями 1, 2, 2.1, 7, 9, 10, 11 статьи 20.4 КоАП РФ, относятся к формальным составам. Для привлечения к административной ответственности достаточно самого факта нарушения (не выполнения) требований пожарной безопасности. Указанные административные правонарушения считаются оконченными с момента совершения противоправных деяний [5].

Правонарушения, предусмотренные частями 6 и 6.1 статьи 20.4 КоАП РФ, относятся к материальным составам.

Диспозиция части 6 статьи 20.4 КоАП РФ — нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара и уничтожение или повреждение чужого имущества либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью человека.

Диспозиция части 6.1 статьи 20.4 КоАП РФ — нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара и причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть человека.

Правонарушения, предусмотренные частями 1, 2, 2.1, 7, 9, 10, 11 статьи 20.4 КоАП РФ, являются формальными составами. Для привлечения к ответственности достаточно самого факта нарушения [5]..

Правонарушения, предусмотренные частями 6 и 6.1 статьи 20.4 КоАП РФ, являются материальными составами. Они подразумевают наличие таких условий, как: нарушение требований пожарной безопасности; возникновение пожара; уничтожение или повреждение чужого имущества, либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью человека, либо причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть человека [6].

Для привлечения к ответственности по данным составам необходимо установить прямую причинно-следственную связь между нарушением и возникновением пожара.

Однако в случае возникновения пожара не всегда может быть причинен вред чужому имуществу, а также здоровью человека, поэтому необходимо обратиться к части 1 статьи 20.4 КоАП РФ — нарушение требований пожарной безопасности.

Видами административной ответственности за нарушение данной статьи являются: предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до пятнадцати тысяч рублей; на должностных лиц — от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую

деятельность без образования юридического лица, — от сорока тысяч до шестидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от трехсот тысяч до четырехсот тысяч рублей.

Согласно статье 23.34 КоАП РФ, дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 20.4 КоАП РФ, рассматривают органы, осуществляющие федеральный государственный пожарный надзор.

Согласно статье 3.4 КоАП РФ, предупреждение не может быть применено, если нарушение привело к возникновению пожара. Это связано с тем, что пожар как неконтролируемый процесс горения представляет угрозу для жизни и здоровья людей, окружающей среды, объектов культурного наследия и других важных общественных благ.

Таким образом, единственной допустимой мерой административного наказания в таких случаях является наложение штрафа.

Часть 1.3–3 статьи 32.2 КоАП РФ предусматривает возможность оплаты половины назначенного штрафа за административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, лицом, привлеченным к административной ответственности за совершение данного административного правонарушения, либо иным физическим или юридическим лицом не позднее двадцати дней со дня вынесения постановления о наложении административного штрафа административный штраф может быть уплачен в размере половины суммы наложенного административного штрафа, за исключением административных правонарушений, предусмотренных некоторыми статьями КоАП РФ.

Однако, согласно части 3 статьи 1 Федерального закона № 248-ФЗ, мероприятия по проверке заявлений и сообщений о происшествиях, в том числе о пожарах, не относятся к государственному контролю (надзору). Таким образом, если нарушение требований пожарной безопасности повлекло возникновение пожара, право на скидку не применяется.

Административное правонарушение, предусмотренное статьей 20.4 КоАП РФ, не включено в перечень исключений, к которым не применяются при уплате административного штрафа положения части 1.3–3 статьи 32.2 КоАП РФ.

Ввиду изложенного, для получения права на оплату половины от назначенного штрафа в порядке части 1.3–3 статьи 32.2 КоАП РФ, необходимо соблюдение 3-х условий:

Административное правонарушение должно быть выявлено в ходе осуществления государственного контроля (надзора); оплата лицом, привлеченным к ответственности, должна быть совершена в течение 20 дней со дня вынесения постановления о наложении штрафа; вмененное административное правонарушение не должно входить в перечень исключений по статьям КоАП РФ, указанный в части 1.3–3 статьи 32.2 КоАП РФ.

Однако в отношении лица, нарушившего требования пожарной безопасности, в случае, если нарушение при-

вело к возникновению пожара, применения возможности оплаты половины штрафа нет, поскольку в соответствии с частью 3 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» — к государственному контролю (надзору), муниципальному контролю не относятся мероприятия по проверке заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции органов внутренних дел и иных органов дознания.

Дознание по делам о пожарах и их последствиях относится к компетенции органов государственного пожарного надзора МЧС России, однако данный вид деятельности не относится к государственному контролю (надзору).

Следовательно, если нарушение требований пожарной безопасности привело к возникновению пожара, к лицу, нарушившему эти требования, невозможно применить право на оплату половины от назначенного штрафа.

Проанализировав нормативно-правовые документы было установлено, что законные возможности для послабления и применения минимального административного наказания в виде предупреждения за нарушения требований пожарной безопасности, повлекшее за собой возникновение пожара отсутствуют. Чтобы в этом разобраться, помимо обращения к статье 20.4 КоАП РФ было необходимо дополнительно обращаться к некоторым статьям КоАП РФ и другим нормативно-правовым актам.

С целью однозначного понимания законодательных норм в части привлечения к административной ответственности лиц, нарушивших требования пожарной безопасности, которые повлекли возникновению пожара, предлагается необходимым внести изменения в действующее законодательство:

1. Дополнить статью 20.4 КоАП РФ частью 1.1 и изложить следующее: «Нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара, за ис-

ключением случаев, указанных в части 1 настоящей статьи, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на должностных лиц — от тридцати тысяч до сорока тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от пятидесяти тысяч до семидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от четырехсот тысяч до пятисот тысяч рублей».

2. Дополнить статью 20.4 КоАП РФ частью 2.2 и изложить следующее: «Нарушение требований пожарной безопасности, совершенные в условиях особого противопожарного режима, повлекшее возникновение пожара, за исключением случаев, за исключением случаев, указанных в части 1 настоящей статьи, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей; на должностных лиц — от сорока тысяч до семидесяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от семидесяти тысяч до девяноста тысяч рублей; на юридических лиц — от пятисот тысяч до девятисот тысяч рублей».

Эти предложения направлены на устранение пробелов в законодательстве и обеспечение более точного и справедливого применения норм.

Статья 20.4 КоАП РФ играет важную роль в обеспечении пожарной безопасности и предотвращении чрезвычайных ситуаций. Анализ показывает, что действующее законодательство в целом эффективно, однако требует некоторых уточнений и дополнений для более чёткого применения на практике.

Внесение предложенных изменений позволит сделать норму более понятной, усилить ответственность за нарушения, повлекшие возникновение пожара, а также сделать систему административных наказаний более сбалансированной и соответствующей современным вызовам.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 09.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О пожарной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 26.12.1994. — № 35. — Ст. 3649.
3. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 28.07.2008. — № 30 (ч. 1). — Ст. 3579.
4. Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 16 сентября 2020 г. № 1479 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 28.09.2020. — № 39. — Ст. 6056
5. Громова, О. Н. Административная ответственность за нарушение требований пожарной безопасности в условиях особого противопожарного режима / О. Н. Громова, А. В. Смирнова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 43 (333). — С. 189–192. — URL: <https://moluch.ru/archive/333/74410>.
6. Жежелев, Т. В. Административная ответственность за нарушения требований пожарной безопасности: теоретические и практические аспекты / Т. В. Жежелев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 42 (541). — С. 112–114. — URL: <https://moluch.ru/archive/541/118414>.

Применение административного приостановления деятельности за нарушения требований в области пожарной безопасности

Троценко Алексей Геннадьевич, студент магистратуры

Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

Частое возникновение пожаров в России связано с несоблюдением требований, установленных законодательством и нормативными документами по пожарной безопасности. Подобные нарушения могут привести к трагическим последствиям, таким как гибель людей, а также причинению значительного материального ущерба, часто приводя к чрезвычайным ситуациям.

Учитывая значимость пожаров как последствий нарушений требований пожарной безопасности (далее — ПБ) для общественной и государственной безопасности, законодатель предусмотрел такую меру повышенной ответственности виновных лиц, как административное наказание в виде административного приостановления деятельности.

Согласно части 1 статьи 3.12. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, административное приостановление деятельности предполагает временное прекращение работы физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг применяемого за нарушение обязательных требований установленных законодательством нашей страны [1].

Специфика данного вида наказания заключается в том, что оно является максимальной по значимости, санкцией по сравнению с другими мерами ответственности, предусмотренными административным законодательством в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в том числе к публичным организациям, а также к государственным некоммерческим учреждениям, которые в этой ситуации несут административную ответственность. Социальную значимость данный вид наказания приобретает и в связи с тем, что оно назначается коллективно организованным субъектам, а не их должностным лицам. Этот вид наказания не распространяется на физических лиц и назначается по статьям, включенным в особенную часть КоАП РФ [6].

По сравнению с административным штрафом приостановление деятельности не носит ярко выраженного самостоятельного характера, т. е. не может однозначно применяться в том или ином случае. Если для назначения административного штрафа необходимо установить событие административного правонарушения, его состав и ущерб, причиненный правонарушителем, то при рассмотрении вопроса о назначении наказания в виде административного приостановления деятельности помимо указанных факторов должны в обязательном порядке

учитываться обстоятельства и основания, указанные в ч.1 ст. 3.12 КоАП РФ. Одним из таких обстоятельств является угроза жизни или здоровью людей [1].

Несоблюдение требований пожарной безопасности является одной из распространенных причин для выбора такой меры административного наказания, как административное приостановление деятельности организации. Особенно актуально это в связи с тем, что требование соблюдения норм пожарной безопасности распространяется на все организации без исключения, вне зависимости от их отраслевой принадлежности. [6].

Отличительными признаками административного приостановления деятельности также являются судебный порядок его назначения, определенный законом максимальный срок действия и возможность досрочного прекращения административного наказания.

Административная ответственность в виде административного приостановления деятельности в сфере пожарной безопасности предусмотрена: ч.4 ст.14.1; ч. 2.1, ч.6, ч.6.1 ст.20.4 КоАП РФ, а также ч.14 ст.19.5 КоАП РФ (за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч.1 ст. 20.4 КоАП РФ, за нарушения требований, повлекших возникновение пожара и повреждение или уничтожения имущества, причинение различной степени тяжести вреда здоровью человека или смерти человека, а также за повторное неисполнение в установленный срок законного предписания органа ГПН об устранении выявленных нарушений с указанием разумных сроков их устранения, если нарушение было совершено впервые, но задействованы объекты защиты, на которых осуществляется деятельность в сфере здравоохранения, образования и социального обслуживания, то есть объектах, отнесенным к категории высокого риска) [6].

Для примера рассмотрим подробнее ч. 2.1 ст.20.4 КоАП РФ -повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 настоящей статьи, если оно совершено на объекте защиты, отнесенном к категории чрезвычайно высокого, высокого или значительного риска, и выражается в необеспечении работоспособности или исправности источников противопожарного водоснабжения, электроустановок, электрооборудования, автоматических или автономных установок пожаротушения, систем пожарной сигнализации, технических средств оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре или систем противодымной защиты либо в несответствии эвакуационных путей и эвакуационных выходов требованиям пожарной безопасности.

Правонарушение, предусмотренное ч. 2.1 ст. 20.4 Кодекса, относится к правонарушениям с так называемым

формальным составом и признается общественно опасным уже самим фактом нарушения требований пожарной безопасности. Оно считается оконченным с момента начала совершения противоправного деяния. Влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двенадцати тысяч до двадцати тысяч рублей; на должностных лиц — от тридцати тысяч до шестидесяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от шестидесяти тысяч до восьмидесяти тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до тридцати суток; на юридических лиц — от четырехсот тысяч до восьмисот тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до тридцати суток.

Объектом административного правонарушения, предусмотренного ч. 2.1 ст. 20.4 КоАП РФ, является пожарная безопасность, которая понимается как состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров.

Как непосредственный объект административного нарушения требований пожарной безопасности она представляет собой совокупность общественных отношений по предотвращению пожаров и воздействия их опасных факторов на людей, материальные ценности и нормальную деятельность различных объектов [2].

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ч. 2.1 ст. 20.4 Кодекса, заключается в повторном нарушении требований пожарной безопасности, установленных стандартами, нормами, правилами.

Субъектом данного правонарушения могут выступать граждане, должностные лица, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридические лица.

С субъективной стороны правонарушение характеризуется умышленной формой вины (бездействие).

Проблемой, связанной с применением административного приостановления деятельности, является то, что после истечения установленного срока действия меры административного наказания она автоматически прекращается, даже если причины, по которым было наложено наказание, не были устраниены. В таких случаях исполнительное производство подлежит окончанию в соответствии с подпунктом 1 пункта 1 статьи 47 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [3]. После истечения срока приостановления деятельности пожарный инспектор проводит повторную проверку объекта защиты, чтобы убедиться в устраниении обстоятельств, послуживших основанием для наложения административного приостановления деятельности [4]. Если эти обстоятельства не устраниены, то имеет место новое административное правонарушение, за которое инспектор может составить новый протокол об административном правонарушении, наложить временный запрет деятельности и направить материалы в районный суд. Таким образом, нарушителю снова будет назначено административное наказание, что в свою очередь может привести

к бесконечному вынесению постановлений об административном приостановлении деятельности [6].

В связи с вышеизложенным предлагаю внести изменение в некоторые статьи, которые непосредственно или косвенно касаются вопроса обеспечения пожарной безопасности.

Дополнить часть 2 ст. 3.12 КоАП РФ и изложить в следующей редакции:

Административное приостановление деятельности устанавливается на срок до девяноста суток. Срок административного приостановления деятельности исчисляется с момента фактического приостановления деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг.

Административное приостановление деятельности установить до момента устранения угрожающих факторов в следующих случаях:

При непосредственной угрозе причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан; при непосредственной угрозе обороне страны и безопасности государства; при непосредственной угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера.

В связи с чем также внести изменения в следующие статьи кодекса об административных правонарушениях:

Часть 14. статьи 19.5 изложить в следующей редакции:

Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 12 или 13 настоящей статьи, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц — от пятнадцати тысяч до двадцати тысяч рублей или дисквалификацию на срок до трех лет; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток; на юридических лиц — от ста пятидесяти тысяч до двухсот тысяч рублей или административное приостановление деятельности — слова «на срок до девяносто суток», заменить словами — «до момента устранения угрожающих факторов».

Часть 2.1 ст. 20.4 «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ изложить в следующей редакции:

Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 настоящей статьи, если оно совершено на объекте защиты, отнесенном к категории чрезвычайно высокого, высокого или значительного риска, и выражается в необеспечении работоспособности или исправности источников противопожарного водоснабжения, электроустановок, электрооборудования, автоматических или автономных установок пожа-

ротушения, систем пожарной сигнализации, технических средств оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре или систем противодымной защиты либо в несогласии с требованиями пожарной безопасности, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двенадцати тысяч до двадцати тысяч рублей; на должностных лиц — от тридцати тысяч до шестидесяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от шестидесяти тысяч до восьмидесяти тысяч рублей или административное приостановление деятель-

ности на срок до тридцати суток; на юридических лиц — от четырехсот тысяч до восьмисот тысяч рублей или административное приостановление деятельности — слова «на срок до тридцати суток», заменить словами — «до момента устранения угрожающих факторов».

Административное приостановление деятельности является эффективным средством защиты прав и законных интересов граждан и государства в целом, однако в настоящий момент институт административного приостановления деятельности находится на стадии развития и нуждается в дальнейшей разработке, в том числе в части упрощения порядка его назначения.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 09.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О пожарной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 26.12.1994. — № 35. — Ст. 3649.
3. Федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 29.10.2025) «Об исполнительном производстве»: // Собрание законодательства Российской Федерации. — 08.10.2007. — № 41 — Ст. 4849.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»: // Собрание законодательства Российской Федерации. — 03.08.2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5007.
5. О федеральном государственном пожарном надзоре: Постановление Правительства Российской Федерации 12 апреля 2012 № 290 (ред. от 27.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 17. — Ст. 1964.
6. Кузиков И. И., Михайлова Л. Л. Административное приостановление деятельности в системе мер по обеспечению пожарной безопасности в Российской Федерации // Вестник науки № 3 (60) том 4. С. 98–113. 2023 г. ISSN 2712-8849 — URL: <https://www.vestnik-nauki.ru/article/7594>.

Вопросы определения субъекта коррупционных преступлений

Тютюникова Алиса Станиславовна, студент

Научный руководитель: Ярмухамедов Ринат Фаридович, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Целью исследования являются актуальные проблемы определения субъекта коррупционных преступлений в современном уголовном праве России. Авторы анализируют существующие подходы к пониманию специального субъекта получения взятки, выявляют пробелы в правовом регулировании и правоприменительной практике.

На основе анализа судебной практики и теоретических исследований рассматриваются случаи квалификации действий лиц, фактически обладающих организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, но формально не являющихся должностными. Особое внимание уделяется проблемам разграничения коррупционных и экономических составов преступлений.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ и системный подход. В работе обосновывается необходимость расширения понятия субъекта коррупционного преступления с учетом современных реалий.

Практическая значимость исследования заключается в формулировании предложений по совершенствованию уголовного законодательства в сфере противодействия коррупции. Авторы приходят к выводу о необходимости включения в число субъектов коррупционных преступлений лиц, фактически осуществляющих управленческие функции в институтах публичной власти, а также от имени юридического лица, осуществляющего публичные функции власти.

В результате проведенного исследования получены следующие выводы:

Признается узкое толкование понятия субъекта коррупционных преступлений в действующем законодательстве, ограничивающее круг ответственных только должностными лицами.

Установлены проблемные аспекты квалификации действий лиц, фактически обладающих управленческими функциями, но формально не являющихся должностными.

Определены основные правоприменимые коллизии, возникающие при квалификации коррупционных деяний медицинских работников и сотрудников аналогичных учреждений.

Выявлена необходимость расширения понятия субъекта коррупционного преступления с учетом фактически выполняемых функций и обеспечения интересов публичной власти.

Обоснована целесообразность включения в число субъектов коррупционных преступлений лиц, фактически осуществляющих управленческие функции в интересах публичной власти, независимо от их формального статуса.

Обозначена необходимость проведения дополнительных следственных действий для точного установления мотива и характера действий взяткополучателя, их направленности на обеспечение интересов публичной власти.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, субъект преступления, должностное лицо, получение взятки, управленческие функции, правоприменимая практика, противодействие коррупции, уголовно-правовая квалификация, специальный субъект.

Issues of defining the subject of corruption offences

Tyutyunnikova Alisa Stanislavovna, student

Scientific advisor: Yarmukhamedov Rinat Faridovich, candidate of legal sciences, associate professor
Kuban State University (Krasnodar)

The purpose of the research is to address current problems in defining the subject of corruption crimes in modern criminal law of Russia. The authors analyze existing approaches to understanding the special subject of bribery receipt, identify gaps in legal regulation and law enforcement practice.

Based on the analysis of judicial practice and theoretical research, the paper examines cases of qualifying actions of individuals who actually possess organizational and administrative or managerial functions but are not formally classified as officials. Special attention is paid to the problems of distinguishing between corruption and economic crime compositions.

The methodological basis of the research includes the formal legal method, comparative legal analysis, and systematic approach. The paper substantiates the need to expand the concept of the subject of corruption crime considering modern realities.

The practical significance of the research lies in formulating proposals to improve criminal legislation in the field of anti-corruption. The authors conclude that it is necessary to include individuals who actually perform managerial functions in the interests of public authority, as well as those acting on behalf of a legal entity performing public authority functions, among the subjects of corruption crimes.

The research yielded the following conclusions:

Narrow interpretation of the concept of the subject of corruption crimes in current legislation was revealed, limiting the circle of responsible parties only to officials.

Problematic aspects of qualifying actions of individuals with actual managerial functions but not formally classified as officials were identified.

Main law enforcement conflicts arising in qualification of corruption acts by medical workers and employees of similar institutions were determined.

The need to expand the concept of the subject of corruption crime considering actual functions performed and public authority interests was revealed.

The expediency of including individuals who actually perform managerial functions in the interests of public authority, regardless of their formal status, among the subjects of corruption crimes was substantiated.

The need for additional investigative actions to accurately determine the nature of the actions of the bribe recipient and their focus on ensuring public authority interests was emphasized.

Keywords: corruption, corruption crime, subject of crime, official, bribery receipt, managerial functions, law enforcement practice, anti-corruption, criminal legal qualification, special subject.

Введение

Коррупция — негативное явление, присущее любому государству, которое связано с проявлением человеческих пороков, прорывающихся вопреки огромному количеству моральных и правовых запретов.

Коррупция (лат. corruption — подкуп) определяется как преступная деятельность, которая заключается в ис-

пользовании должностными лицами властных полномочий для личного обогащения. Определение corrumptire в римском праве понималось как «разрушать, ломать, подкупать» и являлось противоправным действием в отношении должностных лиц [13, с. 137].

В современной России понятие коррупции дано в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», которая определяет

ее как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение вышеуказанных деяний от имени или в интересах юридического лица [6].

Одними из самых распространенных уголовно-наказуемых коррупционных деяний являются получение и дача взятки. Эти доводы подтверждаются данными судебной статистики, согласно которой в 2024 году судами было рассмотрено 2 122 дела по статье 290 Уголовного Кодекса РФ (далее по тексту — УК РФ) (получение взятки), 3 890 дел — по статье 291 УК РФ (дача взятки), 3 435 дел — по статье 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество) [11].

Методы исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой анализ и системный подход.

Научная дискуссия

Решающим аспектом в деятельности по расследованию преступлений, привлечению виновного лица к ответственности и назначению справедливого наказания служит правильная квалификация содеянного.

Вопросы существа уголовно-правовой оценки коррупционных деяний и проблемы их доказывания неоднократно рассматривались в отечественной правовой науке. В работах Рарог А. И. [9], Агламовой Г. М. [1], Борковой В. Н. [3], сформированы ключевые признаки субъекта должностных преступлений.

Между тем, дискуссии о субъекте коррупционных преступлений не утихают. А в условиях противоречивой следственно-судебной практики приобретают особую актуальность.

Дело в том, что существенных противоречий не возникает, когда коррупционное преступление совершено лицами, субъектные характеристики которых в той или иной степени совпадают с определением должностного лица, указанного в примечании к ст. 285 УК РФ.

Как отмечает Волков Ф. С., кроме общих показателей субъекта преступления (физическая природа, возраст и вменяемость) закон устанавливает дополнительные (специальные) признаки: это должностное лицо, обладающее одним из трех обязательных признаков, перечисленных в примечании 1 к статье 285 УК РФ (наличие функций представителя власти, выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций) [5].

Однако преобладающая в практике и теории трактовка организационно-распорядительных, административно-

хозяйственных функций не отражает в полной мере круг лиц, наделенных управленческой функцией, присущей должностному лицу, как субъекту коррупции. Кроме того, существование коррупции в условиях трансформации преступности, криминализации различных бытовых сфер жизни граждан, зачастую не требует наличия у преступника прямых управленческих полномочий.

В соответствии с ч. 1 ст. 290 УК РФ, уголовно-наказуемым деянием является получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе [12].

Часть 1 ст. 291 УК РФ закрепляет ответственность за дачу взятки специальному субъекту, указанному в ст. 290 УК РФ. Такая же характеристика взяткополучателя предусмотрена и в иных статьях, разница лишь в том, что в ст. 291.1 УК РФ лицо выступает посредником для передачи взятки специальному субъекту, а ст. 291.2 УК РФ характеризует меньший размер взятки всё тому же специальному субъекту.

То есть в статье 290 УК РФ, которая является отправной точкой для остальных перечисленных статей, закрепляются признаки специального субъекта, а именно: должностное лицо, иностранное должностное лицо либо должностное лицо публичной международной организации.

Таким образом, свойства указанного специального субъекта распространяются и на иные составы преступлений. Однако, полагаем, такое толкование специального субъекта является слишком узким.

На первый взгляд, даже Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 09 июля 2013 года № 24 [7] не расширил понимание субъекта, а, по сути, оставил его таким же, каким его закрепил УК РФ. Однако в другом своем Постановлении от 30 ноября 2017 года № 48, субъект по ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения) расширен, так как к нему законодатель относит должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными пунктом 1 примечаний к статье 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным пунктом 1 примечаний к статье 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или ад-

министративно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации) [8].

Больше всего обращает на себя внимание формулировка «иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным пунктом 1 примечаний к статье 201 УК РФ», то есть лица, выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции и т. д.

Почему же мы считаем, что специальный субъект в ст. 290 УК РФ — недостаточно полный в своем понимании и содержании?

Так существует судебная и правоприменительная практика, когда следователь сталкивается ситуацией, где лицо по законодательной конструкции не является должностным, но при этом фактически получил взятку взамен на определенные действия в интересах взяткодателя. Наиболее часто сложности правоприменения возникают при оценке действий работников предприятий и организаций, созданных для осуществления задач государственных органов.

Примером такой ситуации могут служить противоправные действия младшего медицинского персонала (медицинские сестры/ братья), которые должностными лицами не являются, но в силу фактическисложившихся обстоятельств имеют возможность выполнять организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. Так медицинской сестрой, много лет работавшей в больнице, формируются доверительные, дружественные отношения с должностными сотрудниками медучреждения, а соответственно она может оказать на них определенное влияние. В ситуации, когда пациент обратился к ней с просьбой о содействии прооперировать «вне очереди», выдать лекарства «вне очереди», передает ей денежные средства, медсестра взамен договаривается «по-дружески» с иными сотрудниками лечебного учреждения, при этом не передавая им денежных средств, или действует самостоятельно без их участия.

Более того, медицинская сестра может влиять на принятие таких решений в силу фактически исполняемых обязанностей по работе, которые нередко ложатся на плечи младшего медицинского персонала. Но как правильно квалифицировать содеянное?

Казалось бы, в данном примере есть признаки получения взятки. Но законодатель не включил лиц, фактически обладающих организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, в перечень специальных субъектов.

На практике правоприменителям приходится квалифицировать подобные случаи как мошенничество, то есть по ст. 159 УК РФ. Но не кажется ли это странным, ведь состав данного преступления охватывает хищение путем обмана или злоупотреблением доверия. В упомянутом выше Постановлении Пленума Верховного Суда РФ регламентировано, что обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) за-ведомо ложных, не соответствующих действительности

сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. Злоупотребление же доверием имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него.

При этом медицинская сестра взятые на себя обязательства выполнила, никого не обманывала, ничьим доверием не злоупотребляла. Правоприменителям буквально приходится втискивать доказательства и весь ход расследования уголовного дела в жесткие рамки статьи 159 УК РФ вопреки тому, что все объективные и логические доводы указывают на получение взятки.

В итоге происходит подмена понятий, и правоприменители, понимая, что содеянное — это взятка, вынужденно квалифицируют деяние как мошенничество.

Такая интерпретация понятий также кардинально меняет направление всего следствия. Например, в ходе допросов и осмотров предметов и документов следователям приходится искусственно «не замечать» выполнение обещанных действий со стороны виновного, появляются упомянутые выше обман и злоупотребление доверием, которых не существовало. Более того, они вынужденно отражают в процессуальных документах иную цель и содержание деяний виновного, чтобы они встроились в концепцию «мошенничества».

Например, Солнцевский районный суд г. Москвы вынес приговор по уголовному делу в отношении бывшего сотрудника одного из столичных медицинских центров. Он осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество), п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ (вымогательство). По версии следствия, осужденный, являясь врачом-нейрохирургом, используя свое служебное положение, получил от потерпевших денежные средства в размере более 1 млн рублей за операционные вмешательства и проведение МРТ-исследований.

При этом врач, злоупотребляя доверием родителей малолетних пациентов, обманывал их, зная о предоставлении медицинским центром этого лечения бесплатно на основе бюджетных средств города Москвы [4].

Следует отметить, что суд апелляционной инстанции согласился с изначальной квалификацией. При этом из существа показаний потерпевшей следовало, что деньги передавались не только «из чувства благодарности, но и в связи с тем, что если не отблагодарит этого человека, то в лучшем варианте с ней не будут общаться и у нее будет мало информации, что происходит с ее ребенком, в худшем — она не знала, насколько хорошо будет проведено лечение, насколько человек будет стараться ... При этом П. В. (врач) лично говорил о необходимости материально благодарить его после операций» [2]. Мотив и цели незаконного вознаграждения для врача позволяют сделать вывод о соответствии рассматриваемого предмета преступления понятию взятки.

При таких обстоятельствах практика конкретных дел свидетельствует о сложном разграничении коррупционных и экономических составов с учетом разных подходов к пониманию критерии субъекта преступлений.

Следует отметить, что для состава получения и дачи взятки чрезвычайно важен умысел, который направлен на незаконный оборот денежных средств, имущества или иных благ, взамен целенаправленных действий (бездействий) со стороны взяточника, для которого эти блага и обогащение становятся целью таких деяний.

В этом контексте для признания субъектом коррупционного преступления необходимо выявление не только осуществление должностным лицом управляемых функций в организации, сколько совершение действий от имени юридического лица, обеспечивающего публичные интересы или функции публичной власти.

Схожая и обоснованная позиция предложена Сорочкиным Р. А. Так, для признания субъекта преступления должностным лицом должно иметь осуществление им управляемых функций от имени обеспечивающего интересы публичной власти юридического лица, а не в таком юридическом лице. В противном случае деятельность по осуществлению управляемых функций в обеспечивающих интересы публичной власти юридических лицах не обеспечивается уголовно-правовой охраной от коррупции в должной мере. Так, сейчас указанные представители подлежат ответственности лишь за совершение преступлений в сфере экономики. Умышленное корыстное посягательство такого представителя с использованием своих управляемых полномочий на отношения, обеспечивающие интересы публичной власти, остается за пределами, установленным уголовным законом [10].

В такой ситуации определение критериев надлежащего субъекта коррупционного преступления тесно связано с проведением ряда следственных действий, направленных на точное определение мотивов передачи денежного вознаграждения, установление содержания и предполагаемого «результата» от взятки, доказывание характера и признаков публичных действий взяточника от имени организации.

Литература:

1. Аглямова Г. М. Кriminologicheskaya xarakteristika korrupcionnoy pronestupnosti v sfere mestnogo samoupravleniya i ee preduprezhdenie: Avtoreferat dissertratsii kandidata yuridicheskikh nauk / G. M. Aglyamova. Kazan, 2016. 37 c.
2. Apelляционное определение Московского городского суда от 25.07.2023 по делу N 10-6748/2023 (УИД 77RS0025-02-2022-007788-12) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Борков В. Н. Новый способ получения взятки и реабилитации «мелких» взяточников // Современное право. 2017. № 1. С. 83.
4. В Москве суд вынес приговор по уголовному делу в отношении бывшего врача, мошенническим путем вымогавшего денежные средства под предлогом оплаты операций и исследований. Новости Генеральной прокуратуры. <https://epp.genproc.gov.ru/gprf/mass-media/news/archive/e598194/?ysclid=mhyx77taek991824140> (дата обращения 14.11.2025)
5. Волков Ф. С. Объект преступлений главы 30 УК РФ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 2 (15). С. 127–131.

Подводя итог, предлагаются следующие выводы:

В действующем уголовном законодательстве предусмотрено чрезмерно узкое толкование понятия субъекта коррупционных преступлений, что ограничивает круг ответственности за коррупционные преступления только должностными лицами.

Действующая нормативная база в недостаточной мере учитывает реальное многообразие субъектов, вовлечённых в преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ. Узкое толкование специального субъекта, ограниченного только должностными лицами, вызывает трудности при квалификации фактов получения взятки лицами, в силу фактически сложившихся обстоятельств обладающими организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, но формально не являющимися должностными лицами. Такая правоприменительная коллизия вынуждает переквалифицировать действия обвиняемых по другим статьям Уголовного кодекса РФ, что нарушает требования объективности и точности уголовно-правовой квалификации. Подмена понятий и неправильное определение субъекта преступления препятствуют расследованию и справедливому наказанию, ослабляя государственную антикоррупционную политику.

При рассмотрении сообщений о преступлениях и расследовании уголовных дел представляется обоснованным расширение законодательного понимания специального субъекта преступления по ст. 290 УК РФ, а также взяточника по ст. 291–291.2 УК РФ с включением лиц, в силу фактически сложившихся обстоятельств обладающих организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями, вне зависимости от формального признания их должностными. Кроме того, к субъекту коррупционного преступления следует отнести работника, действующего от имени юридического лица, обеспечивающего интересы публичной власти.

Такой подход позволит повысить эффективность борьбы с коррупцией, обеспечить соответствие уголовного преследования реальному содержанию противоправных деяний и восстановить баланс между формальными и материальными критериями в уголовном праве.

6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.
7. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 года № 24 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.
8. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.
9. Рарог А. И. Уголовно-правовые средства воздействия на организованную преступность / А. И. Рарог // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. N 3. С. 104–107.
10. Сорочкин Р. А. Управленческие функции и понятие должностного лица как субъекта коррупционного преступления // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-funktsii-i-ponyatie-dolzhnostnogo-litsa-kak-subekta-korruptsionnogo-prestupleniya> (дата обращения: 14.11.2025).
11. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://stat.apr-prесс.рф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения 09.11.2025).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
13. Фиалковская И. Д. Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник ННГУ. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-ponyatie-priznaki-vidy> (дата обращения: 29.11.2025).

Рамочный договор в гражданском праве России: правовая природа, особенности содержания и исполнения

Фадеева Юлия Николаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется институт рамочного договора, введенный в российское гражданское законодательство Федеральным законом от 01.05.2019 № 76-ФЗ. Автор анализирует правовую природу рамочного договора, его соотношение с предварительным договором, договором присоединения и иными договорными конструкциями, выявляет особенности содержания и исполнения. На основе анализа судебной практики Верховного Суда РФ и Арбитражных судов обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования нормативного регулирования с целью устранения пробелов в правовом регулировании условий определенности и механизма конкретизации обязательств в рамках рамочного договора.

Ключевые слова: рамочный договор, Гражданский кодекс РФ, договорная свобода, предварительный договор, существенные условия, судебная практика, договорная конструкция.

Framework contract in Russian civil law: legal nature, peculiarities of content and performance

The article examines the institution of a framework contract, which was introduced into Russian civil legislation by Federal Law No. 76-FZ dated May 1, 2019. The author analyzes the legal nature of a framework contract, its relationship with a preliminary contract, an adhesion contract, and other contractual structures, and identifies the specific features of its content and execution. Based on the analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and Arbitration Courts, the paper substantiates the need for further improvement of regulatory regulation in order to eliminate gaps in the legal regulation of the conditions of certainty and the mechanism for specifying obligations under a framework agreement.

Keywords: framework contract, Civil Code of the Russian Federation, contractual freedom, preliminary contract, essential conditions, judicial practice, contractual structure.

Институт рамочного договора, закрепленный в ст. 429.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), представляет собой одно из наиболее значимых нововведений в договорном праве России по-

следнего десятилетия. Его появление обусловлено потребностями современного гражданского оборота, где участники все чаще стремятся закрепить долгосрочные отношения через установление общих принципов взаи-

модействия с последующей конкретизацией отдельных обязательств. Несмотря на нормативное закрепление, рамочный договор остается малоизученным в доктрине объектом, а его практическое применение сопровождается рядом правовых неопределенностей.

Рамочный договор определяется законодателем как «договор, по которому стороны устанавливают общие условия, на которых впоследствии будут заключаться отдельные договоры» (п. 1 ст. 429.3 ГК РФ). Данное определение позволяет выделить ключевые характеристики института:

— генеральный характер — рамочный договор не порождает самостоятельного обязательства по передаче имущества, выполнению работ или оказанию услуг. Он создает правовую основу для будущих конкретных договоров;

— обязательность для сторон — в отличие от протокола намерений, рамочный договор является гражданско-правовой сделкой, порождающей юридические последствия. Стороны обязаны действовать добросовестно при заключении последующих договоров на условиях, согласованных в рамочном соглашении (п. 3 ст. 429.3 ГК РФ);

— гибкость содержания — стороны вправе определить любые условия, необходимые для регулирования будущих отношений: порядок согласования цен, сроки поставок, качество товаров, механизм разрешения споров и др.

Важно подчеркнуть, что рамочный договор не тождествен предварительному договору (ст. 429 ГК РФ). Предварительный договор обязывает стороны заключить основной договор в будущем, тогда как рамочный договор устанавливает условия, на которых будут заключаться последующие самостоятельные договоры. Разграничение этих конструкций имеет практическое значение: нарушение предварительного договора влечет ответственность за неисполнение обязательства заключить договор, тогда как нарушение рамочного договора может повлечь ответственность за недобросовестное поведение при переговорах (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ).

Сравнительный анализ позволяет выявить особенности российского подхода к регулированию рамочных договоров. В правовых системах стран континентальной Европы (Германия, Франция) подобные конструкции получили распространение еще в конце XX века и регулируются как договоры о сотрудничестве (*Rahmenvertrag, contrat-cadre*). В отличие от российской модели, где рамочный договор прямо закреплен в кодифицированном акте, в зарубежных системах его правовая природа формировалась преимущественно через судебную практику.

Особый интерес представляет регулирование рамочных договоров в сфере публичных закупок. Согласно ст. 34 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», рамочные соглашения могут заключаться с единственным поставщиком на срок до трех лет. При этом законодатель четко разграничивает рамочное соглашение (устанавливающее общие условия) и конкретные кон-

тракты, заключаемые в его рамках. Такой подход демонстрирует возможность гармоничного сочетания рамочной конструкции с требованиями публичного права.

Одной из ключевых проблем правоприменения рамочных договоров является обеспечение баланса между гибкостью конструкции и требованием определенности условий договора (ст. 432 ГК РФ). Судебная практика демонстрирует неоднозначный подход к оценке достаточности условий рамочного договора.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 14.03.2022 по делу № А40-187654/2021 суд указал, что рамочный договор, не содержащий механизма определения цены последующих поставок, не может считаться заключенным, поскольку отсутствует существенное условие. В то же время в Определении Верховного Суда РФ от 25.01.2023 № 305-ЭС22-24871 суд поддержал позицию нижестоящих инстанций, признав допустимым установление в рамочном договоре формулы расчета цены с привязкой к рыночным индексам, даже если конкретные значения не определены на момент заключения.

Данная коллизия свидетельствует о необходимости разработки критериев оценки достаточной определенности условий рамочного договора.

Представляется целесообразным исходить из следующих принципов:

— рамочный договор должен содержать механизм конкретизации условий последующих договоров (формула расчета, порядок согласования, ссылка на объективные критерии);

— отсутствие конкретных значений параметров (цена, объем) не препятствует заключению рамочного договора при наличии четкого алгоритма их определения;

— добросовестность сторон при реализации рамочного договора является императивным требованием, нарушение которого влечет гражданско-правовую ответственность.

Анализ арбитражной практики за 2020–2024 гг. позволяет выделить три основные категории споров, связанных с рамочными договорами:

— споры о заключенности рамочного договора — стороны оспаривают наличие или отсутствие договора вследствие недостаточной определенности условий. Суды все чаще применяют доктрину «договора с открытыми условиями», признавая рамочные договоры заключенными при наличии механизма конкретизации (Постановление АС Волго-Вятского округа от 10.11.2023 № Ф01-5678/2023);

— споры о недобросовестном поведении при заключении последующих договоров — одна из сторон отказывается от заключения конкретного договора или настаивает на условиях, противоречащих рамочному соглашению. В таких случаях суды применяют положения п. 3 ст. 429.3 ГК РФ и взыскивают убытки, вызванные упущенной выгодой (Определение ВС РФ от 15.09.2022 № 305-ЭС22-14562);

— споры о толковании условий рамочного договора — разногласия относительно применения согласованных механизмов конкретизации. Суды при толковании исходят из принципа добросовестности и разумности (ст. 10 ГК РФ), а также из цели рамочного договора как инструмента долгосрочного сотрудничества.

Особую сложность представляют споры, возникающие при банкротстве одной из сторон рамочного договора. Вопрос о том, могут ли требования по неисполненным последующим договорам быть включены в реестр требований кредиторов, остается дискуссионным. Большинство арбитражных судов исходит из того, что рамочный договор сам по себе не создает денежного обязательства, поэтому требования по нему не подлежат включению в реестр (Постановление АС Северо-Западного округа от 22.06.2023 № Ф07-8945/2023).

Рамочный договор как правовой институт занял прочное место в системе российского гражданского права, отвечая потребностям современного экономического оборота в гибких и долгосрочных договорных конструкциях. Однако его эффективное применение сдерживается рядом факторов: недостаточной проработанностью нормативных требований к определенности условий, отсутствием единого

образия в судебной практике, а также пробелами в регулировании последствий нарушения рамочного договора.

Для дальнейшего развития института представляется необходимым:

— принятие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, устанавливающих критерии оценки достаточной определенности условий рамочного договора и порядок применения положений о добросовестности при его исполнении;

— внесение изменений в ст. 429.3 ГК РФ с уточнением механизма ответственности за нарушение рамочного договора, включая возможность взыскания упущенной выгоды;

— развитие доктринальных исследований, направленных на систематизацию рамочного договора в общей теории обязательственного права.

Рамочный договор демонстрирует эволюцию гражданского права от жестких формальных конструкций к гибким инструментам регулирования долгосрочных отношений. Его правильное применение способствует снижению трансакционных издержек, повышению предсказуемости хозяйственных связей и укреплению договорной дисциплины в российском гражданском обороте.

Литература:

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- Федеральный закон от 01.05.2019 № 76-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 19. Ст. 2746.
- Абрамов А. В. Рамочный договор: новеллы гражданского законодательства и проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 89–101.
- Васильев Е. А. Договорные конструкции в современном гражданском праве России. М.: Статут, 2022. 312 с.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения судами норм ГК РФ об обязательствах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.
- Определение Верховного Суда РФ от 25.01.2023 № 305-ЭС22-24871 // СПС «КонсультантПлюс».
- Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. 656 с.
- Шмитт Г. Рамочные договоры в немецком праве: теория и практика // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 45–62.
- Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.03.2022 по делу № А40-187654/2021 // СПС «Гарант».
- Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

Ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов

Фахретдинова Даляя Файрузовна, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена анализу правовой защиты жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов. Рассматриваются законодательные нормы, меры государственной поддержки, судебная практика и зарубежный опыт регулирования посягательств на жизнь и здоровье сотрудников. Отдельное внимание уделено вопросам квалификации преступлений, психологической подготовке персонала и профилактическим мероприятиям, направленным на снижение

рисков. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, включающего законодательные, организационные, психологические и технические меры, для обеспечения безопасности сотрудников и повышения эффективности их служебной деятельности.

Ключевые слова: правовая защита, сотрудники правоохранительных органов, посягательство на жизнь и здоровье, судебная практика, профилактические меры, психологическая подготовка, государственная поддержка.

Введение

Развитие современных правоохранительных практик сопровождается увеличением требований к профессиональной подготовке сотрудников, их моральной и психологической устойчивости. Особое внимание уделяется вопросам сохранения безопасности как самих сотрудников, так и граждан, с которыми они взаимодействуют. Исследование факторов, влияющих на принятие решений в экстремальных ситуациях, позволяет выявлять закономерности поведения, характерные для разных категорий служащих, и разрабатывать методы минимизации риска. Важным аспектом становится анализ условий, при которых сотрудники сталкиваются с угрозами жизни, и выявление стратегий эффективного реагирования.

Практический опыт показывает, что работа в условиях повышенного риска формирует специфические профессиональные навыки, требующие постоянного совершенствования. Психологическая подготовка выступает не только как инструмент снижения стрессовой нагрузки, но и как механизм, способствующий повышению качества выполнения служебных обязанностей. Современные исследования подчеркивают значимость комплексного подхода, включающего обучение, тренировки, а также организационные меры по обеспечению безопасности персонала.

Особое значение приобретает изучение факторов, определяющих поведение сотрудников при столкновении с непосредственной угрозой жизни. Анализ этих факторов позволяет выявить ключевые элементы, влияющие на скорость и точность принимаемых решений, а также оценить влияние стрессовых и экстремальных условий на когнитивные и эмоциональные процессы. В научной литературе активно обсуждаются методы прогнозирования реакций сотрудников и разработки профилактических программ, направленных на снижение вероятности негативных исходов.

Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования существующих систем подготовки, оценки и поддержки сотрудников, работающих в условиях потенциальной опасности. Выявление закономерностей поведения в критических ситуациях способствует повышению общей эффективности работы правоохранительных органов. Кроме того, это открывает возможности для разработки инновационных программ обучения и психологической поддержки, ориентированных на индивидуальные особенности сотрудников и специфику выполняемых ими задач.

Таким образом, проведение системного анализа профессиональной деятельности сотрудников в условиях

угрозы жизни позволяет формировать рекомендации по улучшению организационно-психологической подготовки, снижению риска и повышению устойчивости к стрессовым ситуациям. Результаты исследования имеют практическое значение для служб кадрового планирования, тренинговых центров и научных подразделений, занимающихся изучением безопасности и эффективности работы персонала. Они могут стать основой для дальнейших разработок в области психологии экстремальных ситуаций и формирования профессиональных компетенций сотрудников, обеспечивающих безопасное и качественное выполнение их служебных обязанностей.

Результаты исследования. Современная правовая система уделяет особое внимание защите жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов, признавая их труд сопряжённым с повышенной опасностью. Анализ зарубежного опыта показывает, что государства применяют комплексный подход, объединяющий уголовно-правовые нормы, меры государственной защиты и профилактические программы, направленные на снижение риска для сотрудников [1]. Комплекс мер предполагает не только наказание за совершённое преступление, но и создание условий, способствующих предупреждению посягательств.

В российской практике уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов закреплена в Уголовном кодексе РФ, где предусмотрены отдельные составы преступлений с учётом обстоятельств, связанных с выполнением служебных обязанностей [3]. Квалификация подобных деяний требует тщательного анализа мотива, обстоятельств совершения и последствий, позволяя суду принимать объективные решения. Правильная квалификация деяния напрямую влияет на уровень защиты сотрудников и эффективность правоприменения [2].

Федеральный закон «О полиции» устанавливает рамки деятельности правоохранительных органов, определяя права, обязанности и меры защиты сотрудников, включая возможность применения специальных средств и мероприятий для предотвращения посягательств [5]. Законодательное закрепление таких мер создаёт основу для обеспечения безопасности персонала при выполнении служебных обязанностей, а также формирует правовую культуру в обществе относительно неприкосновенности жизни работников органов правопорядка.

Особое значение в системе защиты имеют меры государственной поддержки, предусмотренные Федеральным законом «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»

[4]. Закон предусматривает комплекс мер, включающий физическую охрану, технические средства защиты и правовое сопровождение, способствующие снижению рисков при выполнении профессиональных задач. Эффективность данных мер подтверждается статистическими данными и практикой работы специальных подразделений.

Исторический анализ судебной практики свидетельствует о постепенном усложнении подходов к квалификации преступлений против сотрудников правоохранительных органов [6]. Постановления Пленума Верховного Суда РФ демонстрируют необходимость учитывать специфику служебной деятельности, эмоциональное и психологическое состояние сотрудника, а также условия, при которых совершено преступление. Учет этих факторов позволяет суду объективно оценивать опасность деяния и принимать справедливое решение.

Актуальность исследования определяется ростом числа инцидентов с применением насилия против сотрудников правоохранительных органов в крупных городах. Современные угрозы включают не только физическое насилие, но и целенаправленные действия, направленные на подрыв авторитета и эффективности работы органов правопорядка [1]. Такой контекст требует анализа правоприменимской практики и разработки рекомендаций для повышения уровня защиты.

Психологические аспекты деятельности сотрудников правоохранительных органов играют ключевую роль в предотвращении посягательств. Способность адекватно оценивать опасность, управлять стрессом и принимать решения в экстремальных ситуациях обеспечивает минимизацию риска для жизни и здоровья [2]. Подготовка сотрудников в таких условиях включает как физическую, так и психологическую подготовку, ориентированную на повышение устойчивости к стрессовым факторам.

Современные исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к предотвращению посягательств, объединяющего законодательные, организационные и технические меры. Внедрение систем видеонаблюдения, тревожной сигнализации и контроля доступа позволяет оперативно реагировать на угрозы [4]. Использование таких средств снижает вероятность несчастных случаев и повышает уровень защиты сотрудников в процессе выполнения служебных обязанностей.

Важным элементом является взаимодействие правоохранительных органов с органами прокуратуры и судами для своевременного выявления и квалификации преступлений [3]. Координация действий различных институтов правопорядка обеспечивает единообразие в правоприменимской практике и снижает вероятность судебных ошибок при рассмотрении дел о посягательствах на жизнь и здоровье сотрудников.

Не менее значима роль правового просвещения населения в формировании уважительного отношения к сотрудникам органов правопорядка. Социальные кампании, образовательные программы и публичные обсуждения способствуют повышению уровня правовой культуры

и предупреждают совершение преступлений против сотрудников [1]. Комплекс подобных мер создаёт условия, при которых риск посягательств значительно снижается.

Анализ зарубежного опыта показывает, что наиболее эффективными являются системы, где наказание за преступления против сотрудников сочетается с профилактическими мероприятиями и психологической поддержкой [1]. Применение аналогичных подходов в российской практике требует адаптации с учётом национальной правовой системы и социальных условий, но потенциально повышает эффективность защиты сотрудников.

Особое внимание уделяется разработке программ профессиональной подготовки, направленных на формирование навыков реагирования в опасных ситуациях. Обучение включает тактику, основы самообороны, психологическую устойчивость и взаимодействие с коллегами в кризисных условиях [2]. Эффективность данных мероприятий подтверждается практикой работы специализированных подразделений и снижением числа травматических инцидентов.

Важным аспектом является совершенствование нормативной базы, регулирующей ответственность за посягательства. Анализ действующих законов и судебной практики позволяет выявлять пробелы, вносить корректировки и обеспечивать единство в правоприменении [3,6]. Применение этих мер повышает предсказуемость правовой системы и укрепляет доверие сотрудников к институтам защиты.

Внедрение современных технологий контроля и аналитики способствует быстрому реагированию на угрозы и предотвращению правонарушений. Использование автоматизированных систем мониторинга, баз данных и алгоритмов прогнозирования повышает эффективность работы органов правопорядка [4,5]. Применение таких инструментов создаёт дополнительные уровни защиты для сотрудников и позволяет оптимизировать распределение ресурсов, можно отметить, что защита сотрудников правоохранительных органов требует комплексного подхода, включающего законодательные, организационные, психологические и технические меры. Системный анализ зарубежного опыта, изучение судебной практики и внедрение инновационных методов позволяет повысить уровень безопасности, снизить риски и создать условия для эффективного выполнения профессиональных обязанностей.

Заключение

Проведённый анализ законодательства, судебной практики и зарубежного опыта показывает, что защита жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов требует комплексного подхода. Законодательные меры, меры государственной поддержки, психологическая подготовка и техническое оснащение создают многоуровневую систему защиты, способствующую снижению риска и повышению эффективности служебной деятельности.

ности. Особое значение имеет правильная квалификация преступлений и своевременное реагирование на угрозы, что обеспечивает справедливое применение закона и защищает права сотрудников.

Рассмотренные примеры и статистические данные свидетельствуют о том, что внедрение комплексных профилактических программ и систем мониторинга позволяет минимизировать последствия посягательств. Разработка профессиональных программ подготовки и постоянное совершенствование нормативной базы создают условия для формирования устойчивых профессиональных навыков и психологической готовности к экстремальным ситуациям. При этом взаимодействие различных инсти-

тутов правопорядка и правовое просвещение населения усиливают общий эффект защиты сотрудников.

В целом, изучение вопросов защиты жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов подтверждает необходимость дальнейших научных исследований и практических разработок в данной области. Совокупность законодательных, организационных, психологических и технических мер создаёт условия для безопасного и эффективного выполнения профессиональных обязанностей. Дальнейшее совершенствование системы защиты позволит снизить количество инцидентов, повысить профессиональную устойчивость сотрудников и укрепить доверие общества к правоохранительным органам.

Литература:

1. Агаев Г. А., Чигринец В. С. Зарубежный опыт правового регулирования ответственности за посягательство на жизнь, здоровье сотрудника правоохранительного органа и их состоятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opty-pravovogo-regulirovaniya-otvetstvennosti-za-posyagatelstvo-na-zhizn-zdorovie-sotrudnika-pravoohranitelnogo-organa> (дата обращения: 31.01.2026).
2. Батракова В. Д. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа: вопросы квалификации // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-posyagatelstvo-na-zhizn-sotrudnika-pravoohranitelnogo-organa-voprosy-kvalifikatsii> (дата обращения: 31.01.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021)
4. Федеральный закон от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (с изменениями и дополнениями).
5. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции». данные электронного ресурса
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.09.1991 N 3 (ред. от 21.12.1993) О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка.

Значение причинно-следственной связи для уголовно-правовой характеристики деяний, связанных с уклонением от уплаты налогов

Хайруллин Ильдар Фанихович, аспирант
Севастопольский государственный университет

Статья посвящена анализу значения причинно-следственной связи для уголовно-правовой характеристики деяний, связанных с уклонением от уплаты налогов. Причинно-следственная связь выступает в качестве необходимого условия — согласования между действием (бездействием) — уклонением от исполнения налоговой обязанности и негативным последствием, выразившимся в недополучении государственной или муниципальной казнью ожидаемых финансовых вливаний при правомерном поведении налогоплательщиков.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, уклонение от уплаты, налоги, налоговое преступление, налоговая декларация, налогоплательщик, общественная опасность, причина, следствие, значимость.

Уклонение от уплаты налогов относится к правонарушениям, которые влекут и административную, и уголовную ответственность. Не утихает познавательный и аналитический интерес и в настоящее время, в особенности, учитывая, что число выявляемых налоговых преступлений растет.

Общественная опасность налоговых преступлений не вызывает сомнений. Необходимо отметить, что налоговые преступления не ограничиваются единственным составом, что в свою очередь обуславливает потребность в проведении классификации преступлений соответствующей группы экономических противоправных деяний.

В процессе анализа составов преступлений, предусмотренных диспозициями статей 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], следует обозначить значение не только объективной стороны, но и одного из необходимых элементов — причинно-следственной связи.

Причинно-следственная связь выступает в качестве необходимого условия — согласования между действием (бездействием) — уклонением от исполнения налоговой обязанности и негативным последствием, выразившимся в недополучении государственной или муниципальной казной ожидаемых финансовых вливаний при правомерном поведении налогоплательщиков.

Следует подчеркнуть, что причинно-следственные связи в юридической науке неоднократно подвергалось изучению, привлекая внимание ученых разной отраслевой направленности. М. Е. Игнатьевым в своем диссертационном исследовании сформулирован специфический категориальный аппарат, в котором предложено понятие «причинный комплекс», а также обозначены формы анализируемой связи, которые возникают между основным фактом — причиной, основным фактом — следствием и существующими средствами доказывания [4, с. 23].

Причинно-следственная связь является особым типом связи, который определяет обычное течение естественного порядка вещей. Взаимосвязанный характер коррелирующих между событий является требуемым условием любого вида юридической ответственности, не только уголовной.

Причинно-следственная связь определяет последовательность между событием и последствием, где последствию всегда предшествует соответствующее деяние. Осуществление незаконной деятельности в виде внесения в налоговую декларацию сведений, не соответствующих действительности, является причиной отрицательных последствий для экономики Российской Федерации, соответствующих субъектов РФ, муниципальных образований, недополучивших соответствующие финансовые средства.

Уголовно-правовая квалификация налоговых преступных деяний производится при совместном использовании норм статьи 8 Налогового кодекса Российской Федерации [2], которая дефинирует ряд понятий, а именно «налог», «страховой взнос».

Необходимо отметить, что следствием налогового преступления является не потенциальная, но фактическая и действительная возможность причинения вреда в виде уменьшения суммы налоговых поступлений. Пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» апеллирует к вреду бюджетной системе, который увязан с реальным размером налоговых и страховых обязательств [3].

Необходимым свойством причинно-следственной связи при квалификации деяния является юридическая значимость, которая сопрягает действие (бездействие)

и последствие. Незначительность данной связи устраняет уголовную ответственность по налоговым составам.

Исследуя природу причинно-следственной связи, В. С. Михайлов в своих научных изысканиях проводит дифференциацию обычной или явной связи между противоправным деянием — причиной и негативными последствиями — следствием, а также осложненными (альтернативной, дублирующей, опережающей и вытесняющей) видами связи [5, с. 23–27].

Альтернативная связь характеризуется множественностью субъектов, распределение вины между которыми представляется затруднительным или невозможным. Так, в ряде случаев могут иметь место параллельные действия контролирующего органа — директора и лица, ведущего бухгалтерский учет в организации. О. В. Смоленская выделяет причинно-следственную связь в действиях бухгалтера при ведении бухгалтерского учета [6, с. 310]. Стоит согласиться с автором, что для бухгалтера существуют повышенные профессиональные риски, даже при условии он не является преступного замысла на уклонение от уплаты налогов. Безусловно необходимо быть особенно внимательным, поскольку отсутствие своей вины при непредставлении корректной декларации для целей налогового учета доказать непросто. Несмотря на существующую презумпцию невиновности, бухгалтер является профессиональным субъектом, которые не может апеллировать к незнанию о наличии каких-либо недостоверных сведений. В связи с этим причинно-следственная связь обычно обнаруживается в подобных случаях.

Налоговый учет при дублирующей причинной связи ведется одновременно несколькими лицами, при этом отсутствует говор межними, поскольку в противном случае это порождает квалифицированный состав по статьям 199 и 199.4 УК РФ. Вместе с тем одновременные действия, направленные на уклонение от уплаты налогов, которые бы при этом не сопровождались предварительной договоренностью, крайне редко имеют место.

Подход законодателя является в настоящее время достаточно взвешенным и отличается логичностью. В частности, уголовно-правовые нормы, регламентирующие налоговые преступления, указывают на то, что если вред — последствие не причинен, то и привлекать к уголовной ответственности виновное лицо не следует.

Действительно, если отрицательные последствия не возникают при их предотвращении самим налогоплательщиком, когда он добровольно возмещает все недоимки по налогам и сборам, то и смысла привлекать его к уголовной ответственности не имеется. Данный подход представляется разумным и справедливым.

При подобном развитии событий невозможно обнаружить связующее звено между непредставлением налоговой декларации или представлением её с недостоверным содержанием и отрицательными последствиями.

Кроме того, при прочем подходе будет отсутствовать мотивация виновного субъекта восполнить недоплаченные денежные суммы, если положительного для себя эффекта он всё равно не добьется.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Игнатьев М. Е. Криминалистическая теория и практики установления причинно-следственных связей в расследовании преступлений: автореф. дис.... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2021. 54 с.
5. Михайлов В. С. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 29 с.
6. Смоленская О. В. Профессиональные риски бухгалтера: причинно-следственные связи // Инновации и инвестиции. 2022. № 11. С.309–311.

Сущность и особенности административно-правового спора

Хайрутдинова Снежана Расиховна, студент магистратуры

Научный руководитель: Круглова Юлия Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный университет

В статье проводится комплексный анализ научных трудов ученых, рассматривающих теоретические основы административно-правового спора. Делается акцент на выделении ключевых признаков данного понятия, отличающие его от других правовых споров. Проводится анализ роли административно-правового спора и предлагается авторское понимание данной дефиниции.

Ключевые слова: административно-правовые споры, публичная власть, субъекты административно-правовых отношений, юридический конфликт.

В науке отсутствует единый подход относительно сущности административно-правового спора. Существующая теоретическая неопределенность существенно осложняет процесс квалификации административно-правовых отношений. Ключевым фактором является отсутствие закрепления в действующем законодательстве дефиниции «административно-правовой спор».

Для формирования представления об административно-правовом споре необходимо раскрыть его сущность через систему признаков и определить научно-практическое значение в рамках общей теории административного права.

Исследование понятия административного-правового спора следует начать с понятия «спор». В словаре С. И. Ожегова «спор» понимается, с одной стороны, как словесное состязание, обсуждение чего-нибудь, в котором каждый отстаивает своё мнение, а с другой — как разногласие, разрешаемое судом [8]. Дмитрий Николаевич Ушаков называет «спор» — взаимное притязание на обладание чем-нибудь [9].

В рамках административно-правовой методологии выработаны различные подходы к пониманию администра-

тивного спора и его соотношения с административными процедурами обжалования. Одни ученые считают, что административный спор является разновидностью юридического конфликта [6, с. 271], другие — разногласием по поводу различно понимаемых прав и обязанностей [1, с. 61], результатом нарушения административными органами субъективных прав.

По мнению А. С. Порываева «административно-правовой спор — это документально заявленное несогласие субъекта административных или административно-процессуальных правоотношений либо представителя неопределенного круга субъектов данных правоотношений с решением, действием или бездействием органа (должностного лица) публичной администрации либо иного субъекта, реализующего либо оказывающего содействие в реализации административно-публичных функций, которое, по мнению заявителя, нарушает, ущемляет или обременяет его субъективное право, публичное полномочие или реабилитационную гарантию и поэтому обращено к компетентному органу в целях разрешения данного несогласия в специальном внесудебном либо судебном административно-процессуальном порядке, а именно: по-

средством административно-защитного производства либо посредством административно-защитного судопроизводства» [5, с. 47]. На наш взгляд, его позиция отличается наибольшей системностью и аргументированностью.

Д. М. Лифанов раскрывает административно-правовой спор как «разногласия, возникающие между субъектами права по поводу различно понимаемых прав и обязанностей в сфере административных и иных публичных правоотношений, разрешение которых обеспечивается посредством различных процедурных, процессуальных и иных форм реализации механизма административно-правового регулирования» [3, с. 45].

Анализируя разнообразие дефиниций, представленных в научной юридической литературе, представляется возможным сформулировать ключевые черты, присущие административно-правовому спору.

Во-первых, административно-правовые споры связаны с областью государственного управления, при этом одним из субъектов непременно является публично-властный орган или его должностное лицо, выполняющее управленческую деятельность. Как справедливо подчеркивает А. В. Полтавцева, среди указанных субъектов могут выступать не только структуры федерального уровня, но и муниципальные образования в случаях делегирования им отдельных полномочий [4, с. 41]. Второй стороной зачастую становится гражданин или юридическое лицо, считавший, что принятые административным органом решения нарушают принадлежащие ему субъективные права и законные интересы. В таком случае указанное лицо приобретает статус инициатора указанного спора, обладая компетенцией формулирования конкретных юридически значимых претензий к соответствующему органу.

Однако некоторые учёные отмечают признаки гражданско-правовых отношений относительно участников административно-правового спора, наделенных процессуально-управленческим характером. Данные отношения могут быть горизонтальными в связи с отсутствием субъекта, обладающего властными полномочиями, что приводит к равенству участников [2, с. 100–104].

Во-вторых, административно-правовым спорам характерна особая процедура формирования и урегулирования, а также наличие особых инструментов и методов защиты прав, используемых сторонами. Возникновение спора возможно как по инициативе управомоченной го-

сударственной инстанции, так и частного лица. Так, прокурор обладает правом направления протеста в соответствующий орган или уполномоченному лицу против незаконных актов. Наряду с этим, частный субъект — будь то физическое или юридическое лицо, — имеет возможность самостоятельно направить жалобу в соответствующее ведомство.

В-третьих, особенностью административно-правового спора выступает использование современных информационных технологий, способствующих реализации взаимодействия между его участниками. Как справедливо отмечают Е. Г. Стрельцова, А. В. Чайкина, сегодня «происходит трансформация традиционной модели разрешения споров, основанной на личном непосредственном взаимодействии суда и сторон». Информационные технологии, выступая в качестве «посредника», применяются в досудебном (внесудебном) урегулировании спора за счет «пр предоставления возможности проведения дистанционных переговоров и прогнозирования для сторон исхода дела», а также в судебной деятельности [7, с. 284].

Особого внимания заслуживает значение правовой категории административно-правового спора. Во-первых, спор выступает связующим звеном между материальными и процессуальными административно-правовыми отношениями. Во-вторых, возможность субъектов административных правоотношений оспаривать решения иных участников спора является ключевой гарантией обеспечения прав и законных интересов граждан и организаций. Особую значимость данное положение приобретает ввиду длительного периода существования в нашей стране ограничений оспаривания решений органов публичной власти. В-третьих, спор выступает эффективным инструментом защиты не только частных лиц, но также интересов самого государства.

Таким образом, анализ имеющейся литературы свидетельствует о том, что разработка определения административно-правового спора порождает серьезную методологическую сложность, обусловленную соотношением различных категорий. Основываясь на многообразии научных подходов, представляется обоснованным рассматривать административно-правовой спор как разногласие, возникающее между субъектами административно-правовых отношений, вызванное нарушением прав физических или юридических лиц.

Литература:

1. Кипер, Н. Г. Административно-правовой спор (теоретические проблемы) / Н. Г. Кипер // Юридический мир. — 2007. — № 12. — С. 59–62.
2. Козлов, Ю. М. Административные правоотношения. Москва: юрид. лит., 1976. С. 186.
3. Лифанов, Д. М. Административно-правовой спор и тенденции его трансформации в современных условиях / Д. М. Лифанов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2023. — № 6. — С. 41–57.
4. Полтавцева, А. В. Альтернативные способы разрешения административно-правовых споров: диссертация... кандидата юридических наук / А. В. Полтавцева. — Краснодар, 2023. 199 с.
5. Порываев, С. А. К вопросу о понимании и систематизации административных споров в Российской Федерации / С. А. Порываев // Административное право и процесс. — 2023. — № 1. — С. 46–51.

6. Рахматова, З. М. Теоретическое осмысление административно-правового спора как предмета административного судопроизводства / З. М. Рахматова //
7. Стрельцова, Е. Г. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова, А. В. Чайкина; под ред. Е. Г. Стрельцовой. — Москва: Инфотропик Медиа, 2022. — 336 с.
8. Толковый словарь Ожегова. — Текст: электронный. — URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 31.01.2026).
9. Толковый словарь Ушакова. — Текст: электронный. — URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 31.01.2026).

Правовые аспекты экономического пространства ЕАЭС

Хайсумов Магомед-Салах Абуевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует правовую основу ЕАЭС.

Ключевые слова: право, правовые основы, договор, экономика, экономическое пространство.

Правовые аспекты экономики Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз) базируются на Договоре о Евразийском экономическом союзе 2014 года (далее — Договор), формируя единый рынок товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Правовая система включает международные договоры, решения Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК) и таможенное законодательство, обеспечивая недискриминацию, свободу движения факторов производства и единое таможенное регулирование.

Обращаю ваше внимание на статью Н. А. Соколовой «Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права» [1], опубликованную в журнале Lex russica.

ЕАЭС как субъект международного права

ЕАЭС учрежден Договором, на основании анализа содержания которого очевидно, что полномочия ЕАЭС, хотя и представляющее объединение суверенных государств, и создаваемый им правопорядок отличают Союз от многих известных международных межправительственных организаций. Отмечается, что «у ЕАЭС имеются некоторые черты, сближающие его с международными наднациональными организациями». Сочетание этих факторов порождает вызовы и угрозы долгосрочного, системного характера, в результате чего существенно возрастает уязвимость всех членов данного международного сообщества.

Если в настоящее время острых теоретических разногласий по поводу роли и места межправительственных организаций в международных отношениях, равно как и в международном праве, не прослеживается, то это утверждение неприменимо к международным организациям такого типа.

Компетенция наднационального Союза расширяется до вопросов, традиционно входящих в компетенцию пра-

вительств, а решения органов международного института распространяются на физических и юридических лиц, действующих на территории государств-членов. Кроме того, организация наднационального типа принимает на себя и функции в области международных отношений с третьими государствами и другими международными организациями.

Если говорить о составляющих права ЕАЭС, то акты Суда ЕАЭС (далее — Суд), хотя и влияют на развитие и структуру интеграционного процесса, являются право-применительными актами.

Как определено в Статуте Суда, «решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых» (п. 102). При осуществлении правосудия Суд применяет не только право ЕАЭС, но и общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, участниками которых являются государства — стороны спора, международный обычай.

Основные правовые аспекты экономики ЕАЭС

- **Источники права.** Основу составляют Договор, международные договоры внутри Союза и с третьими сторонами, а также решения Высшего Евразийского экономического совета и ЕЭК.

- **Фундаментальные свободы.** Правовое обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы между участниками (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия).

- **Таможенное регулирование.** Единый Таможенный кодекс и таможенная территория, унификация таможенных правил и тарифов.

- **Единая экономическая политика.** Правовое регулирование конкуренции, промышленной политики, тех-

нического регулирования, а также развитие общего финансового рынка.

• **Принципы функционирования.** Правовая определенность, субсидиарность, пропорциональность и недискриминация.

Говоря о правосубъектности, нельзя не отметить статью 1 Договора о ЕАЭС [2]. В ней сказано следующее:

1. Настоящим Договором Стороны учреждают Евразийский экономический союз (далее — Союз, ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

2. Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Выше был упомянут Статут Суда. В его первой главе говорится об **общих положениях и правовом статусе Суда:**

1. Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд) является судебным органом Евразийского экономического союза (далее — Союз), который образуется и действует на постоянной основе в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор) и настоящим Статутом.

Литература:

- Соколова Н. А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // Lex russica. — 2017. — № 11. — С. 47–57.
- Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) / Евразийский экономический союз, Астана, 29 мая 2014 года. — Статья 1. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/1d1e47868b48435f3a896000e73a8604eba0539a

2. Целью деятельности Суда является обеспечение в соответствии с положениями настоящего Статута единогообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Для целей настоящего Статута под органами Союза понимаются органы Союза, за исключением Суда.

3. Суд пользуется правами юридического лица.

4. Суд ведет свою документацию, имеет печать и бланки со своим наименованием, учреждает свой официальный интернет-сайт и официальный бюллетень.

5. Суд разрабатывает предложения о финансировании деятельности Суда и распоряжается средствами, выделенными на обеспечение его деятельности, в соответствии с Положением о бюджете Союза.

6. Условия оплаты труда судей, должностных лиц и сотрудников Суда определяются Высшим Евразийским экономическим советом.

Вывод

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что ЕАЭС обладает своей правосубъектностью, имеет свои фундаментальные и принципиальные основы, которые вытекают из таких источников, как Договор и т.д.

Процедурные аспекты проведения налоговых проверок: актуальные проблемы правоприменительной практики

Харитонова Ксения Анатольевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуются процедурные аспекты проведения налоговых проверок в Российской Федерации в контексте современных тенденций налогового администрирования. Анализируются нормативные положения Налогового кодекса Российской Федерации, регламентирующие порядок назначения и проведения камеральных и выездных налоговых проверок, а также правоприменительная практика, демонстрирующая актуальные проблемы реализации процессуальных норм. Особое внимание уделяется защите прав налогоплательщиков в рамках контрольных мероприятий и механизмам обжалования результатов налоговых проверок. Автор исследует трансформацию системы налогового контроля, характеризующуюся усилением аналитической составляющей, внедрением цифровых технологий и смещением акцента на превентивные формы контроля. В работе обосновывается необходимость совершенствования процедурного регулирования налоговых проверок с учетом требований соблюдения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: налоговый контроль, налоговые проверки, камеральная налоговая проверка, выездная налоговая проверка, процедурные нарушения, права налогоплательщиков, обжалование результатов проверок, налоговое администрирование, Налоговый кодекс Российской Федерации.

Налоговый контроль представляет собой ключевой элемент налогового администрирования, обеспечивающий реализацию фискальной функции государства и соблюдение налогоплательщиками законодательства о налогах и сборах. В условиях динамичного развития экономических отношений и цифровизации налогового администрирования особую актуальность приобретают вопросы процедурного обеспечения контрольной деятельности налоговых органов, соблюдения баланса между эффективностью налогового контроля и защитой прав налогоплательщиков.

Согласно официальным данным Федеральной налоговой службы Российской Федерации, в 2024 году наблюдается устойчивая тенденция к сокращению количества выездных налоговых проверок при одновременном увеличении средних сумм доначислений по их результатам. Так, в первом квартале 2025 года в целом по Российской Федерации было проведено 1148 выездных проверок организаций, из которых результативными признаны 1131 проверка [1]. Средняя сумма дополнительно начисленных налогов на одну результативную выездную проверку организаций по России за 2024 год составила 65 миллионов рублей, что на 3 процента больше показателя 2023 года. В столичном регионе данный показатель достиг 101 миллиона рублей, продемонстрировав увеличение на 20 процентов по сравнению с предыдущим периодом [1].

Представленная статистика свидетельствует о качественной трансформации системы налогового контроля, где на смену массовым проверкам приходит точечный, риск-ориентированный подход, основанный на глубокой аналитике и предроверочном анализе деятельности налогоплательщиков. Данная тенденция, с одной стороны, повышает эффективность использования ресурсов налоговых органов, а с другой — усиливает значимость процедурных гарантий для налогоплательщиков, попадающих в сферу налогового контроля.

Налоговые проверки представляют собой основную форму налогового контроля, посредством которой налоговые органы осуществляют надзор за соблюдением налогоплательщиками, плательщиками сборов и налоговыми агентами законодательства о налогах и сборах [2, с. 1]. Правовое регулирование порядка проведения налоговых проверок осуществляется статьями 87–101 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), которые определяют основные принципы, формы и процедуры контрольной деятельности налоговых органов.

На основании подпункта 2 пункта 1 статьи 32 НК РФ налоговые органы обязаны осуществлять контроль за соблюдением законодательства о налогах и сборах, принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов [3, с. 1]. Согласно пункту 1 статьи 82 НК РФ налоговый контроль осуществляется в целях обеспечения правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации.

В соответствии со статьей 87 НК РФ налоговые органы проводят следующие виды налоговых проверок: ка-

меральные налоговые проверки (статья 88 НК РФ) и выездные налоговые проверки (статья 89 НК РФ) [4, с. 1]. Каждый из указанных видов проверок обладает специфическими характеристиками, определяющими их место и роль в системе налогового контроля.

Представляется необходимым подчеркнуть, что выездная и камеральная проверки имеют различные предметы и включают в себя различные комплексы контрольных мероприятий. Выездная налоговая проверка предусматривает более широкие контрольные полномочия налогового органа, выраженные в порядке проведения, условиях, а также объеме подлежащих проверке документов, по сравнению с камеральной налоговой проверкой. Принципиальное различие между ними состоит в предмете и составе допустимых контрольных мероприятий, поскольку выездная налоговая проверка ориентирована на выявление тех нарушений законодательства о налогах и сборах, которые не всегда можно обнаружить в рамках камеральной налоговой проверки: для их выявления требуется углубленное изучение документов бухгалтерского и налогового учета, а также проведение ряда специальных мероприятий контроля, например осмотра и выемки документов и предметов [5, с. 3].

Камеральная налоговая проверка проводится по месту нахождения налогового органа на основе налоговых деклараций (расчетов) и документов, представленных налогоплательщиком, а также других документов о деятельности налогоплательщика, имеющихся у налогового органа [6, с. 1]. При этом, пунктом 7 статьи 88 НК РФ предусмотрено, что при проведении камеральной налоговой проверки налоговый орган не вправе истребовать у налогоплательщика дополнительные сведения и документы, если иное не предусмотрено этой статьей или если представление таких документов вместе с налоговой декларацией (расчетом) не предусмотрено НК РФ [7, с. 2].

Выездная налоговая проверка проводится на территории (в помещении) налогоплательщика на основании решения руководителя (заместителя руководителя) налогового органа. В случае, если у налогоплательщика отсутствует возможность предоставить помещение для проведения выездной налоговой проверки, выездная налоговая проверка может проводиться по месту нахождения налогового органа [8, с. 1]. Предметом выездной налоговой проверки является правильность исчисления и своевременность уплаты налогов. В рамках выездной налоговой проверки может быть проверен период, не превышающий трех календарных лет, предшествующих году, в котором вынесено решение о проведении проверки [9, с. 2].

Современная практика налогового контроля демонстрирует смещение акцента с выездных на камеральные налоговые проверки, что обусловлено развитием информационных технологий и автоматизированных систем контроля. Как отмечают специалисты, в настоящее время камеральная проверка стала основным видом налогового контроля, так как все возрастающее число налогоплательщиков не позволяет обеспечить стопроцентный

охват выездными налоговыми проверками всех налогоплательщиков. Налоговый контроль в форме выездных налоговых проверок проводится точечно, в отношении небольшого числа налогоплательщиков, отвечающих специальным признакам (индикаторам, налоговым рискам), свидетельствующим, что в их деятельности возможны нарушения законодательства о налогах и сборах [10, с. 2].

Представленная в налоговый орган первичная или уточнённая декларация уже является основанием для проведения камеральной проверки. Уведомление о начале камеральной проверки налогоплательщику не направляется. Проверка деклараций происходит автоматически по контрольным соотношениям с использованием современных информационных систем, таких как АСК НДС-3, СУР ACK, АИС «Налог-3» [11, с. 2].

Основная цель камерального контроля заключается в том, чтобы налогоплательщики самостоятельно исправили ошибки, устранили нарушения и доплатили суммы налогов. Камеральная проверка проводится в течение трёх месяцев со дня представления декларации в налоговый орган. Камеральная проверка декларации по НДС проводится в течение двух месяцев со дня представления этой декларации (пункт 2 статьи 88 НК РФ). Если в ходе камеральной проверки обнаружатся признаки возможного налогового нарушения, срок проверки может быть продлён до трёх месяцев со дня представления декларации по НДС [12, с. 3].

Важно отметить, что через общую камеральную проверку проходят все налогоплательщики, которые сдают в налоговую декларации и другую отчётность. Однако по-водом для углублённой проверки бизнеса со стороны ФНС могут стать неувязки в показателях, разрыв в цепочке начисления налогов или возмещение НДС. Кроме того, после камеральной проверки налоговая может назначить выездную проверку в соответствии со статьей 89 НК РФ [13, с. 2].

При проведении камеральной налоговой проверки налоговый орган вправе истребовать у налогоплательщика дополнительные сведения и документы только в случаях, предусмотренных статьей 88 НК РФ. Все случаи, когда могут быть запрошены документы в рамках камеральной проверки, предусмотрены в статье 88 НК РФ. Срок на исполнение требования составляет 10 рабочих дней [14, с. 4].

Иное противоречит сущности камеральной налоговой проверки и выходит за пределы конкретных полномочий должностных лиц налоговых органов, предоставленных им при проведении камеральной проверки. Установление соответствия представленной отчетности первичным документам является предметом выездной налоговой проверки, для проведения которой НК РФ предусмотрен особый порядок [15, с. 3].

Представляется обоснованным вывод о том, что законодательное ограничение прав налоговых органов по истребованию документов в рамках камеральной проверки направлено на обеспечение баланса частных и публичных интересов, защиту прав налогоплательщиков от избыточного административного давления при одновременном сохранении эффективности налогового контроля.

Выездная налоговая проверка представляет собой наиболее глубокую и всестороннюю форму налогового контроля, предполагающую непосредственное присутствие должностных лиц налоговых органов на территории налогоплательщика и проведение широкого спектра контрольных мероприятий. Решение о проведении выездной налоговой проверки выносит налоговый орган по месту нахождения организации, или по месту жительства физического лица, или налоговый орган, уполномоченный федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов [16, с. 2].

Предметом выездной налоговой проверки является правильность исчисления и своевременность уплаты налогов, если иное не предусмотрено главой 14 НК РФ. В рамках выездной налоговой проверки может быть проверен период, не превышающий трех календарных лет, предшествующих году, в котором вынесено решение о проведении проверки, если иное не предусмотрено Налоговым кодексом [17, с. 3].

Статистические данные свидетельствуют о существенном сокращении количества выездных налоговых проверок за последние годы при одновременном увеличении их результативности. За десять лет количество выездных проверок снизилось в десять раз. Основное снижение числа пришлось на 2015–2019 годы, и далее число проверок стало снижаться более медленными темпами [18, с. 1].

Так, в 2024 году проведено менее пяти тысяч выездных проверок (на 10 процентов меньше по сравнению с 2023 годом), по результатам которых доначислено 293 миллиарда рублей налогов (без учета штрафов и пени). При этом средний объем доначислений по проверке составил примерно 60 миллионов рублей [19, с. 2].

Указанная тенденция свидетельствует о переходе налоговых органов к качественно новой модели контрольной деятельности, основанной на использовании аналитических процедур и систем предпроверочного анализа, которые помогают выявлять зоны риска и использовать человеческие ресурсы ФНС более эффективно. Более половины доначислений приходится на НДС (60 процентов), 33 процента — на налог на прибыль. Приходят с выездной проверкой к тем компаниям, которые попали на радары риск-ориентированных систем ФНС, то есть еще до выездной проверки известны правонарушения и даже суммы возможных доначислений [20, с. 3].

Приказом ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ установлено 12 критериев, по которым налоговая может принять решение о выездной проверке. Подозрения могут вызвать, например, низкая налоговая нагрузка, деятельность, убыточная более двух лет, большие налоговые вычеты, рост расходов по сравнению с доходами [21, с. 3].

Одной из актуальных проблем правоприменительной практики является вопрос о последствиях нарушения налоговыми органами процедурных сроков при проведении налоговых проверок, рассмотрении их материалов и принятии решений. В настоящее время имеется негативная для налогоплательщиков судебная практика: на-

рушение сроков налоговой проверки (процедурных) со стороны налогового органа, связанных с проведением мероприятий налогового контроля, оформлением их результатов, рассмотрением дел о налоговых правонарушениях, не является безусловным основанием для отмены решения налогового органа по пункту 14 статьи 101 НК РФ и не нарушает права и законные интересы налогоплательщика [22, с. 1].

Представляется, что обжалование налогоплательщиком разного рода бездействий налоговых органов, связанных с нарушением процедурных сроков на этапе рассмотрения материалов налоговой проверки и принятия решения по ней, а также оспаривание итогов самой налоговой проверки по подобным основаниям в настоящее время не имеет какого-либо практического смысла [23, с. 2]. Причем зачастую арбитражные суды полагают, что нарушения сроков налоговой проверки не влекут для налогового органа негативных правовых последствий, способных повлиять на законность итогового решения по результатам налоговой проверки в смысле применения пункта 14 статьи 101 НК РФ.

Вместе с тем, по мнению экспертов, выводы Верховного Суда Российской Федерации пока кардинально не влияют на сложившуюся практику, когда повсеместно налоговые органы затягивают разного рода процедурные сроки (на проведение налоговых проверок, на вынесение и направление налогоплательщику актов и решений по итогам налоговой проверки и тому подобное), поскольку довольно редко подобные нарушения сроков превышают обозначенный Верховным Судом РФ двухлетний предельный срок для взыскания налоговых доначислений, а если и превышают — суды продолжают поддерживать налоговый орган [24, с. 4].

Другой важной проблемой является систематическое нарушение процедурных норм при осуществлении налогового контроля и возбуждении производства по делам о налоговых правонарушениях. При определении процессуальных прав налогоплательщика при производстве дела в налоговых органах законодатель не может не предоставить ему право знать о появившихся у налогового органа претензиях, заявлять возражения против них, представлять доказательства незаконности или необоснованности принятого решения. Иное не соответствовало бы положениям Конституции Российской Федерации [25, с. 3].

Эффективная защита прав налогоплательщиков при проведении налоговых проверок представляет собой важнейший элемент обеспечения баланса публичных и частных интересов в сфере налоговых правоотношений. В некоторых случаях выводы налоговиков могут быть ошибочными — из-за допущения неумышленных ошибок или злоупотребления своими полномочиями. Для таких случаев в НК РФ предусмотрена статья 137, закрепляющая право налогоплательщиков на обжалование [26, с. 1].

Обжаловать можно не только акты налоговых органов ненормативного характера, но и действия, бездействие проверяющих, если при этом нарушаются права органи-

зации. Порядку обжалования посвящена глава VII НК РФ. Для обжалования решения налоговых органов предусмотрен обязательный досудебный порядок [27, с. 2].

С 1 января 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2023 № 389-ФЗ об упрощении порядка обжалования решений и действий (бездействия) налоговых органов. Теперь обжаловать действия налоговиков можно в той же налоговой инспекции, которая и приняла спорный акт, а сроки рассмотрения жалобы сокращены в несколько раз [28, с. 1].

Согласно статье 140.1 НК РФ право на упрощенное обжалование действий и решений налоговых органов предоставлено как организациям и индивидуальным предпринимателям, так и налогоплательщикам-физическими лицам. Упрощенные жалобы можно направлять в электронной форме через личный кабинет налогоплательщика, а рассматривать их должны в сокращенные сроки [29, с. 2].

Важно подчеркнуть, что нельзя обжаловать в упрощенном порядке решения налоговых органов, принятые в соответствии со статьями 101 и 101.4 НК РФ. Таким образом, упрощенный порядок не распространяется на обжалование решений, вынесенных по итогам проведенных налоговых проверок, и решений о привлечении лица к ответственности за совершенное налоговое правонарушение [30, с. 3].

Жалоба подается в вышестоящий налоговый орган через налоговый орган, акты ненормативного характера, действия или бездействие должностных лиц которого обжалуются. Жалоба на вступившее в силу решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, которое не было обжаловано в апелляционном порядке, может быть подана в течение одного года со дня вынесения обжалуемого решения [31, с. 1].

Практика налоговых юристов показывает, что многие доначисления по актам налоговых проверок можно оспорить на стадии досудебного разбирательства. В 2024 году удовлетворено 26 процентов жалоб на акты проверок. Успешными признаются жалобы при наличии процессуальных нарушений, неправомерной налоговой реконструкции и противоречий с судебной практикой [32, с. 2].

Обратите внимание, что с 01.01.2025 досудебное обжалование будет обязательно также перед подачей иска в суд с требованием имущественного характера, возникшим в результате реализации актов налоговых органов ненормативного характера (за исключением актов ФНС России), а также действий (бездействия) должностных лиц налоговых органов [33, с. 4].

Проведенное исследование процедурных аспектов проведения налоговых проверок в Российской Федерации позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, современная система налогового контроля переживает период качественной трансформации, характеризующейся переходом от массовых проверок к точечному, риск-ориентированному подходу. Статистические данные свидетельствуют о десятикратном сокращении количества

выездных налоговых проверок за последнее десятилетие при одновременном существенном увеличении средних сумм доначислений, что подтверждает повышение эффективности контрольной деятельности налоговых органов.

Во-вторых, цифровизация налогового администрирования и внедрение автоматизированных систем контроля (ACK НДС-3, СУР ACK, АИС «Налог-3») существенно расширили возможности налоговых органов по проведению аналитической работы и предпроверочного анализа, что позволяет выявлять налоговые риски на ранних стадиях и стимулировать налогоплательщиков к добровольному уточнению налоговых обязательств.

В-третьих, несмотря на развитие правовой регламентации процедур налогового контроля, сохраняются существенные проблемы в правоприменительной практике. Особую озабоченность вызывает позиция судов,

согласно которой нарушение налоговыми органами процедурных сроков не является безусловным основанием для отмены решений по результатам налоговых проверок. Такой подход создает предпосылки для ослабления процессуальных гарантий прав налогоплательщиков и может способствовать злоупотреблениям со стороны контролирующих органов.

Дальнейшее развитие системы налогового контроля должно осуществляться с соблюдением баланса между необходимостью обеспечения эффективности фискальной функции государства и защитой прав и законных интересов налогоплательщиков. Только при соблюдении данного условия возможно формирование эффективной и справедливой системы налогового администрирования, способствующей развитию экономики и укреплению доверия между государством и бизнесом.

Литература:

1. Статистика ФНС 2024–2025 // Правовест Аудит. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh/> (дата обращения: 18.10.2025).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 18.10.2025).
3. Налоговые проверки в 2025 году // Налог-Налог. URL: https://nalog-nalog.ru/nalogovaya_proverka/provedenie_nalogovyh_proverok/nalogovye_proverki_-_spisok_organizacij-23/ (дата обращения: 18.10.2025).
4. Проверки бизнеса в 2024 году // Audit-it.ru. URL: <https://www.audit-it.ru/articles/account/court/a53/1104337.html> (дата обращения: 18.10.2025).
5. Комментарии к Статье 89 Налогового кодекса РФ // Налоговый кодекс РФ. URL: <https://www.nalkod.ru/komentarii-k-st-89-nk-rf> (дата обращения: 18.10.2025).
6. Статья 88 НК РФ. Камеральная налоговая проверка // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/d063bb6c0a9ecaf015d02a2e02e66e8d0dd6ba21/ (дата обращения: 18.10.2025).
7. Камеральная налоговая проверка (ст. 88 НК РФ.) // Скан Архив. URL: <https://scan-archive.ru/news/documentflow/cameral/> (дата обращения: 18.10.2025).
8. Статья 89. НК РФ Выездная налоговая проверка // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/10900200/1f48af6d902343d6260a9c412b50d7d2/> (дата обращения: 18.10.2025).
9. НК РФ Статья 89. Выездная налоговая проверка // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/575046595bc7e01efd9a0a0d2f6c0ffb64442868/ (дата обращения: 18.10.2025).
10. Статья 89 НК РФ с Комментарием 2025 // Налоговый кодекс РФ. URL: <https://www.nalkod.ru/statia89> (дата обращения: 18.10.2025).
11. Налоговый контроль 2025: усиление аналитики, цифровая прозрачность и акцент на досудебное урегулирование // Lawyers21. URL: <https://lawyers21.ru/novosti/nalogovij-kontrol-2025-usilenie-analitiki,-czifrovaya-prozrachnost-i-akcent-na-dosudebnoe-uregulirovanie> (дата обращения: 18.10.2025).
12. Ст. 88 НК РФ. Камеральная налоговая проверка // Rulaws. URL: <https://rulaws.ru/nk-rf-chast-1/Razdel-V/Glava-14/Statya-88/> (дата обращения: 18.10.2025).
13. Камеральные налоговые проверки: порядок проведения // Астрал. URL: https://astral.ru/aj/elem/kameralnye_proverki/ (дата обращения: 18.10.2025).
14. Статья 88 НК РФ с Комментарием 2025 // Налоговый кодекс РФ. URL: <https://www.nalkod.ru/statia88> (дата обращения: 18.10.2025).
15. Порядок проведения налоговой камеральной проверки // Фирммейкер. URL: <https://firmmaker.ru/blog/poryadok-provedeniya-nalogovoy> (дата обращения: 18.10.2025).
16. Общие правила проведения камеральных налоговых проверок // Что делать Аудит. URL: <https://audit4dk.ru/article/obshchie-pravila-provedeniya-kameralnykh-nalogovykh-proverok/> (дата обращения: 18.10.2025).
17. Выездные налоговые проверки 2024 // Правовест Аудит. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/vyezdnaya-nalogovaya-proverka-ctho-zhdat-i-kak-gotovitsya/> (дата обращения: 18.10.2025).
18. Итоги контрольной деятельности ФНС в 2024 // Клерк. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/641430/> (дата обращения: 18.10.2025).

19. ГАЙД ПО РИСКАМ — 2025 // Правовест Аудит. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/gayd-po-riskam-2024-2025/> (дата обращения: 18.10.2025).
20. Налоговые проверки в 2024 году // РИАМО. URL: <https://riamo.ru/articles/aktsenty/nalogovye-proverki-v-2024-godu-chto-i-kak-proverjajut-nalogoviki-u-predstavitelej-biznesa/> (дата обращения: 18.10.2025).
21. Налоговые проверки в 2025 году // Российская Налоговая Компания. URL: <https://наилучшийзащитник.рф/blog/nalogovye-proverki-kompanij> (дата обращения: 18.10.2025).
22. Нарушение сроков налоговой проверки налоговым органом // Правовест Аудит. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-narushila-processualnye-sroki-chto-delat/> (дата обращения: 18.10.2025).
23. НК РФ Статья 101. Вынесение решения по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/57a56875a8d21ff9e1f5af7ca590433c573150f4/ (дата обращения: 18.10.2025).
24. Статья 101. НК РФ Вынесение решения по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/10900200/75e95103fdc963a40f1a0035da1e5ae7/> (дата обращения: 18.10.2025).
25. Налоговая защита бизнеса при ознакомлении с материалами налоговой проверки // ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/article/1604140/> (дата обращения: 18.10.2025).
26. Как обжаловать результаты налоговой проверки // Консалтинговая Группа ЭТАЛОН. URL: <https://www.etalon-cons.ru/blog/kak-obzhalovat-rezulatty-nalogovoj-proverki/> (дата обращения: 18.10.2025).
27. Обжалование решений налоговых органов // Правовест Аудит. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/kak-i-zachem-obzhalovat-resheniya-nalogovykh-organov/> (дата обращения: 18.10.2025).
28. Как работает упрощенный порядок рассмотрения налоговых жалоб с 2025 года // БУХ.1С. URL: <https://buh.ru/articles/kak-rabotaet-uproshchennyj-poryadok-rassmotreniya-nalogovykh-zhalob-s-2025-goda.html> (дата обращения: 18.10.2025).
29. Как обжаловать решение налоговой в 2025 году // МНП. URL: <https://www.mnp.ru/glavnye-temy/problemy-s-nalogovoj/kak-obzhalovat-reshenie-nalogovoj-v-2024-godu/> (дата обращения: 18.10.2025).
30. НК РФ Статья 139. Порядок и сроки подачи жалобы // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/a7b3457778a7593bbaea342244d140cb69034d9e/ (дата обращения: 18.10.2025).
31. НК РФ Статья 21. Права налогоплательщиков // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/959edfae28a28984592807c503be7a46ae1dbd8f/ (дата обращения: 18.10.2025).
32. Мораторий на проверки малого бизнеса в 2025 году // Главбух. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/387777-moratoriyna-proverki-malogo-biznesa-v-2024-godu> (дата обращения: 18.10.2025).
33. Какие изменения в налоговом контроле ФНС в 2025 году // Главбух. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/391293-chto-izmenilos-v-nalogovyh-proverkah> (дата обращения: 18.10.2025).

Электронные доказательства и принцип непосредственности в гражданском процессе

Храмова Елизавета Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуется соотношение традиционного принципа непосредственности и электронных доказательств в гражданском процессе. Обосновывается, что устаревшая практика отождествления цифровых данных с письменными доказательствами препятствует их корректному исследованию. Выделяя сущностные признаки электронных доказательств, автор предлагает новое понимание их источника как первичного цифрового объекта (файла, записи БД), подлежащего непосредственному изучению судом с использованием технических средств. Особое внимание уделяется необходимости исследования метаданных для установления достоверности.

Ключевые слова: непосредственность, электронные доказательства, источник электронных доказательств, цифровизация, гражданское судопроизводство, метаданные, достоверность доказательств.

В цивилистическом процессе незыблым основанием формирования судебского убеждения традиционно выступает принцип непосредственности. Его сущность заключается в требовании обращения суда к первоначальному, неопосредованному источнику сведений при иссле-

довании обстоятельств дела. Как справедливо отмечается в доктрине, данное требование подразумевает необходимость личного восприятия доказательств составом суда, что является залогом их достоверной оценки. В. Ф. Тараненко, обобщая существующие научные позиции, указы-

вает, что действие этого принципа распространяется как на сами доказательства, так и на те первоисточники, из которых извлекаются сведения о фактах [3, с. 228]. Таким образом, центральным для его реализации становится понятие источника доказательства, определяющего, на что именно должен быть направлен непосредственный познавательный акт суда.

Применительно к классическим видам доказательств в роли такого источника выступают материальные объекты или лица, которые в своей совокупности охватываются традиционной классификацией на личные, вещественные и смешанные доказательства. Однако стремительное развитие научно-технического прогресса приводит к появлению в судебной практике доказательств, чья природа не укладывается в рамки существующих процедур исследования. Речь идет об электронных доказательствах, основанных на цифровых технологиях. Их специфика обусловлена использованием принципиально иных способов фиксации, хранения, передачи и обработки информации, будь то электронные документы, данные из веб-архивов, сведения из социальных сетей и мессенджеров или автоматически генерируемые показания технических средств. Эта особенность ставит перед теорией и практикой вопрос о применимости к ним классического понимания принципа непосредственности и требует разработки адекватных процессуальных механизмов их исследования.

Вопрос о самостоятельной природе электронных доказательств и необходимости разработки специальных процедур для их исследования имеет глубокие доктринальные корни. Еще в 1984 году М. К. Треушников поднимал проблему классификации новых, технически опосредованных источников информации, задаваясь вопросом об их соотношении с традиционно признанными средствами доказывания [4, с. 32]. Исторически сложившаяся судебная практика, как советская, так и последующая российская, преимущественно шла по пути ассимиляции таких доказательств в рамках существующих категорий, относя их к письменным доказательствам или, в арбитражном процессе, к «иным документам и материалам», что не предполагало выработки специфического порядка их исследования.

В условиях середины 1980-х годов подобный подход мог считаться оправданным ввиду ограниченного распространения соответствующих технологий в гражданском обороте и повседневной жизни. Однако в современную эпоху повсеместной цифровизации сохранение данной концепции представляется методологически устаревшим. Она не только не отражает принципиальных особенностей электронных доказательств, связанных с их генезисом, формой фиксации и способом передачи, но и создает содержательный вакuum, препятствуя разработке четких, эффективных и отвечающих требованиям справедливого правосудия процедур их исследования, представления и оценки в ходе судебного доказывания.

Информация в электронной форме представляет собой сведения, обладающие комплексом специфиче-

ских характеристик. В соответствии с легальными дефинициями и доктринальным пониманием, это сведения, зафиксированные на материальном носителе, доступные для восприятия человеком посредством использования электронно-вычислительной техники и пригодные для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в автоматизированных информационных системах [1, с. 481].

Из данного определения вытекают сущностные признаки, позволяющие отграничить электронные доказательства от иных видов. Первым таким признаком является фиксация сведений на особом материальном носителе, которым выступает любое электронное устройство хранения данных (жесткий диск, флеш-накопитель, карта памяти, сервер). Критически важной особенностью здесь выступает отсутствие неразрывной, уникальной связи между физическим объектом-носителем и самой информацией, поскольку цифровые данные могут быть без утраты смысла и содержания перенесены на другой аналогичный носитель.

Второй основной признак заключается в том, что информация не может быть непосредственно воспринята человеком без применения специальных технических средств и процедур декодирования. В отличие от бумажного документа, прочесть который можно непосредственно, электронные данные требуют преобразования машиночитаемого двоичного кода в человекочитаемую форму (текст, изображение, звук) с помощью соответствующего аппаратного и программного обеспечения. Этот аспект имеет принципиальное значение для реализации принципа непосредственности, ставя вопрос о том, что именно — физический носитель, цифровой файл или его визуализация на экране — должно быть непосредственным объектом судебного исследования [2, с. 15].

Третья и четвертая характеристики носят технологический характер и взаимосвязаны. Информация должна быть структурно и форматно пригодна для передачи в сетях (например, интернет, локальные сети), под которыми понимаются технологические системы для обмена данными с использованием средств вычислительной техники. Одновременно она должна быть совместима с обработкой в информационных системах, то есть в комплексах, объединяющих базы данных, технические средства и технологии для работы с информацией. Эти признаки подчеркивают динамичную, процессуальную природу электронных доказательств, их зависимость от цифровой инфраструктуры и способность к тиражированию, трансформации и дистанционному распространению без потери тождества.

Классическая правовая доктрина, требующая обращения к первоисточнику доказательства, применительно к цифровой среде требует уточнения. В качестве такого первоисточника для электронного доказательства правомерно рассматривать его электронный носитель, то есть конкретный цифровой объект, в котором информация была изначально зафиксирована или через который она

была передана. Таким носителем может выступать файл определённого формата (PDF, DOCX), запись в базе данных, конкретная веб-страница в интернете или уникальное сообщение в системе мгновенного обмена. Все эти цифровые артефакты объединяет то, что они являются первичной, машиночитаемой средой существования информации, которую мы предлагаем определять как источник электронных доказательств [5].

Непосредственное исследование судом такого источника предполагает его изучение с применением соответствующих технических средств в аутентичном виде и формате, максимально приближенном к моменту его создания или передачи. Например, при исследовании электронного документа, направленного через систему документооборота, суду надлежит работать не с его бумажной распечаткой, а с изначальным файлом или набором файлов. Последнее уточнение принципиально, поскольку комплекс доказательственной информации часто включает не только основной контент, но и технологически сопутствующие ему данные, такие как файлы электронной подписи, обеспечивающие целостность и аутентичность.

При этом обращение к первоисточнику раскрывает два взаимосвязанных пласта информации, подлежащих судеб-

ному исследованию. Первый — это содержательные сведения, предназначенные для человеческого восприятия (текст, изображение, звукозапись). Второй, не менее значимый пласт составляют метаданные (данные о данных), к которым, следуя терминологии К. Тран, относятся технические параметры файла: дата и время создания, история изменений, сведения об авторе, цифровые следы и иные атрибуты, автоматически генерируемые цифровыми системами [6, с. 29]. Исследование этих метаданных является необходимым условием для последующей всесторонней оценки достоверности, аутентичности и доказательственной силы электронного доказательства в целом.

Предложенное понимание источника электронных доказательств, охватывающее как содержательный компонент, так и сопровождающие его метаданные, адаптирует классический принцип непосредственности к реалиям современного гражданского и административного судопроизводства. Оно создаёт концептуальную основу для последующей разработки конкретных и технологически грамотных процедур исследования цифровых доказательств, обеспечивающих соблюдение фундаментальных гарантий справедливого судебного разбирательства в цифровую эпоху.

Литература:

1. Левенкова, Е. С. Понятие и признаки электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессах / Е. С. Левенкова. — Текст: непосредственный // Молодой учёный. — 2019. — № 23 (261). — С. 481–483.
2. Оконенко, Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Оконенко Роман Иванович; Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. — Москва, 2016. — 158 с. — Текст: непосредственный.
3. Тараненко, В. Ф. Принципы арбитражного процесса и влияние советской процессуальной теории на их формирование: специальность 12.00.03 «Гражданское право»: докторская диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тараненко Владимир Филиппович; Всесоюзный юридический заочный институт. — Москва, 1983. — 228 с. — Текст: непосредственный.
4. Треушников, М. К. Творческие поиски в науке гражданского процессуального права / М. К. Треушников. — Москва: Городец, 2020. — 320 с. — Текст: непосредственный.
5. Эрзин, А. Д. Принцип непосредственности и источник электронных доказательств / А. Д. Эрзин. — Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2025. — № 2(126). — С. 175–180.
6. Tran, Q. Electronic Evidence in Civil and Commercial Dispute Resolution: A Comparative Perspective of UNCITRAL, the European Union, Germany and Vietnam / Q. Tran. — Cham: Springer, 2022. — 295 с. — Текст: непосредственный.

Понятие, цели, задачи и значение стадии возбуждения уголовного дела

Чимитцыренова Эржэна Витальевна, студент
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье изучается понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного судопроизводства. Рассматриваются различные точки зрения относительно сутиности стадии возбуждения уголовного дела, изучаются цели и задача стадии. Делается вывод о практическом значении стадии возбуждения уголовного дела как юридического фильтра, направленного на фильтрацию всех сообщений и заявлений о преступлениях для определения законного повода для возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадия уголовного судопроизводства, стадия возбуждения уголовного дела, цели и задачи возбуждения уголовного дела.

Уголовное судопроизводство как современный правовой институт является сложной правовой категорией, имеет собственное назначение, цель, задачи, роль в обеспечении публичного интереса и защиты прав граждан. Ввиду сложности общественных отношений, реализуемых в сфере уголовного судопроизводства, уголовный процесс имеет внутреннее строение (структуру), которое подразумевает последовательную реализацию. Стадии как элементы внутреннего строения уголовного судопроизводства имеют последовательное закрепление в нормах уголовно-процессуального законодательства. Стадии являются самостоятельными, но в то же время взаимосвязанными элементами, каждая стадия завершается принятием собственного итогового решения, что позволяет начать следующую стадию процесса. Соответственно, стадии между собой различаются [1, с. 104].

В качестве самостоятельной стадии уголовного судопроизводства выделяется стадия возбуждения уголовного дела, нормы о возбуждении уголовного дела обособлены законодателем в разделе VII УПК РФ, включающем две главы: глава 19 «Поводы и основания возбуждения уголовного дела» и глава 20 «Порядок возбуждения уголовного дела». Стадия возбуждения уголовного дела имеет отношение к досудебному производству, к его начальной стадии.

Анализ законодательных положений позволяет говорить о том, что существенное содержание стадии возбуждения уголовного дела заключается в принятии лицом заявления или сообщения о совершении преступления (либо о готовящемся или совершающем преступлении), его рассмотрение на наличие признаков состава преступления и своевременной реакции в виде принятия решения о возбуждении уголовного дела, либо отказе в его возбуждении в сроки, установленные законом. Любое из принятых решений должно быть законным и обоснованным [2, с. 176]. А. Т. Гольцов, определяя сущность стадии возбуждения уголовного дела пишет, что «возбуждение уголовного дела является квинтэссенцией уголовного преследования на этапе между проверкой сообщения о преступлении и предварительным расследованием» [3, с. 48].

Следует отметить, что несмотря на достаточно подробное законодательное регулирование, в УПК РФ отсутствует нормативное определение возбуждения уголовного дела, что порождает дискуссию в научном мире, равно как отсутствует и единая позиция относительно целесообразности выделения возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной стадии уголовного судопроизводства. Рассмотрим некоторые самые распространенные точки зрения:

1. Возбуждение уголовного дела традиционно рассматривается как институт уголовно-процессуального права,

то есть как относительно самостоятельная совокупность правовых норм уголовно-процессуального права, регулирующих однотипные общественные отношения, возникающие по поводу получения заявления или сообщения о преступлении органами и должностными лицами, наделенными правом их рассматривать и принимать по ним процессуальные решения.

2. Возбуждение уголовного дела — это специфическая процессуальная деятельность компетентных субъектов, наделенных законом комплексом прав и обязанностей по приему, рассмотрению, регистрации и разрешения сообщений и заявлений о преступных деяниях, поступивших в установленном порядке.

3. Возбуждение уголовного дела рассматривается как итог деятельности, итоговый документ, принятый уполномоченным лицом в виде постановления о возбуждении уголовного дела. В данном документе в обязательном порядке должно содержаться указание на признаки уголовно наказуемого деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Принятие данного документа означает собой одновременно два момента: окончание стадии возбуждения уголовного дела и начало стадии предварительного расследования, как следующего логического этапа уголовного судопроизводства. В отличие от стадии возбуждения уголовного дела, на стадии предварительного расследования применяется весь спектр уголовно-правовых средств и следственных действий, но без возбуждения уголовного дела их реализация невозможна [4, с. 945]. Следует подчеркнуть, что принятое решение о возбуждении уголовного дела вызывает необходимость совершения последующих логических действий, сущность которых составляет непосредственно производство предварительного расследования уголовного дела.

4. Под возбуждением уголовного дела, как первоначальной стадии уголовного судопроизводства следует понимать так же деятельность, направленную на решение вопроса о целесообразности уголовного преследования в зависимости от того, наличествуют ли в заявлении или сообщении о преступлении собственно признаки преступного деяния [5, с. 12].

Нормативное содержание главы 19 УПК РФ позволяет говорить о том, что собственной целью возбуждения уголовного дела является установление законности повода и достаточности основания для принятия одного из двух решений: возбуждения уголовного дела при установлении признаков преступления исходя из заявления, сообщения или иного повода возбуждения уголовного дела, либо отказе в его возбуждении в случаях.

Достижение цели стадии возбуждения уголовного дела осуществляется посредством постановки и последовательного решения определенных задач, которые так

же являются свойственными исключительно для данной стадии [6, с. 316]. В первую очередь, реализация цели стадии возбуждения уголовного дела решается посредством такого мероприятия как прием и регистрация информации о преступлении, осуществляемых в установленном законом порядке. При этом, информация может поступать как о совершенном, так о готовящемся и совершаемом на момент сообщения преступлении.

Другой задачей стадии возбуждения уголовного дела является установление законности повода возбуждения уголовного дела, указанного в законе. Далее определяется достаточность сведений для установления признаков состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ [7, с. 184]. Как отмечает А. В. Ульянова, «основной задачей стадии возбуждения уголовного дела является установление наличия в конкретном деянии, по которому поступило сообщение о преступлении, наличия этих самых признаков преступления, либо обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу» [8, с. 29].

Другая задача стадии возбуждения уголовного дела заключается в определении достаточной совокупности оснований, которая может служить основаниями для отказа в возбуждении уголовного дела в соответствии с перечнем, установленных законом.

Следующая, последовательно решаемая задача во исполнение цели стадии возбуждения уголовного дела является формирование итогового решения по поступившей информации о преступлении на основании оценки достаточности сведения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении. Решение принимается уполномоченным лицом и облекается в форму постановления с реквизитами, установленными законом. Данная задача имеет основополагающее значение для определения последующего направления развития уголовно-процессуальной деятельности в каждом конкретном случае.

Следующая задача — информирование заинтересованных лиц о принятом решении. Это необходимо для того, чтобы заинтересованные лица могли далее реализовать свои права и законные интересы, а также право на судебную защиту нарушенного права.

Исходя из цели и задач стадии возбуждения уголовного дела определяется и ее правовая природа — субъект, в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона уполномоченный принимать решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении, своим процессуальным решением определяет направление дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности, и в случае возбуждения уголовного дела дает начало производству по делу. Соответственно, если из проверки сведений, содержащихся в поводе, вытекает вывод об отсутствии признаков преступления, а равно если будут установлены данные, содержащие обстоятельства, которые исключают возможность производства по делу, должно быть принято решение об отказе в воз-

буждении уголовного дела, которое так же обозначает прекращение всякой деятельности, имеющей процессуальный характер.

Цель и задачи стадии возбуждения уголовного дела определяют роль данной стадии и ее значение для уголовного судопроизводства в целом. Так, роль стадии возбуждения уголовного дела заключается в установлении законности, обоснованности и достаточности поводов и основания для возбуждения уголовного дела и определения дальнейшего направления уголовно-процессуальной деятельности. Законность и обоснованность возбуждения уголовного дела во многом определяет законность и обоснованность предварительного расследования, а также выполнения назначения уголовного судопроизводства в целом.

Стадия возбуждения уголовного дела играет важную роль в соблюдении конституционных и отраслевых прав граждан. Реализуются права и законные интересы потерпевшего, а также защищаются интересы личности от незаконного уголовного преследования и осуждения. Защита прав и законных интересов личности на стадии возбуждения уголовного дела реализуется, в том числе, путем приобретения определенного правового статуса — потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и т. д..

В связи с этим, следует согласиться с точкой зрения Р. Т. Рафикова, который говорит о том, что возбуждение уголовного дела является правовым основанием возникновения процессуальных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле [9, с. 60]. Например, приобретение правового статуса потерпевшего дает возможность реализовать права, предусмотренные ст. 42 УПК РФ, включая права на подачу ходатайств, участие в следственных действиях и т. д.

Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела в современном представлении является самостоятельной стадией уголовного судопроизводства, включающей сложную процессуальную деятельность по оценке законности и обоснованности поводов и основания возбуждения уголовного дела уполномоченными субъектами. Самостоятельность данной стадии определяется исходя из наличия собственной цели, задач, круга участников, их прав и обязанностей, а также итогового решения, принимаемого уполномоченным лицом.

Стадия возбуждения уголовного дела традиционно носит название юридического фильтра, так как на данной стадии получает оценку информация о признаках преступления и отфильтровываются только те сведения, которые имеют юридическое значение для возбуждения уголовного дела, либо для отказа в его возбуждении. Значение данной стадии заключается в том, что на стадии возбуждения уголовного дела принимается решение, определяющее дальнейшее направление уголовно-процессуальной деятельности, а также определение процессуального статуса заинтересованных лиц, которые с обретением определенного процессуального статуса получают возможность реализовать свои права.

Литература:

1. Мисник, И. В. Возбуждение уголовного дела как стадия российского уголовного судопроизводства / И. В. Мисник, М. П. Перякина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 2(97). — С. 104–114.
2. Кожокарь, В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики / В. В. Кожокарь // Публичное и частное право. — 2019. — № 3(43). — С. 171–193.
3. Гольцов, А. Т. Возбуждение уголовного дела и «доследственные» проверки в российском уголовном судопроизводстве / А. Т. Гольцов // Евразийская адвокатура. — 2021. — № 3(52). — С. 47–57.
4. Шарипов, Н. Р. Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела / Н. Р. Шарипов // Правовая система и вызовы современности: Материалы XX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Уфа, 14–16 декабря 2023 года. — Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023. — С. 945–947.
5. Румянцева, М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы / М. О. Румянцева. — Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2019. — 148 с.
6. Ряполова, Я. П. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела / Я. П. Ряполова // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: сборник научных трудов 2-й Международной научной конференции, Курск, 27 марта 2020 года. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. — С. 315–317.
7. Огарь, Ю. А. Признаки преступления как предмет доказывания на стадии возбуждения уголовного дела / Ю. А. Огарь // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 07–08 июня 2024 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. — С. 182–186.
8. Ульянова, А. В. Возбуждение уголовного дела как стадия уголовного процесса / А. В. Ульянова // Центральный научный вестник. — 2020. — Т. 5, № 11(100). — С. 29–31.
9. Рафиков, Р. Т. Укрепление законности в работе правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела как средство защиты прав граждан / Р. Т. Рафиков // Oeconomia et Jus. — 2021. — № 1. — С. 60–65.

Постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании как самостоятельный повод для возбуждения уголовного дела

Чимитцыренова Эржэна Витальевна, студент
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье рассматривается постановление прокурора о направлении материалов для принятия решения о возбуждении уголовного дела. В связи с изменением и распределением процессуальных функций между участниками уголовного судопроизводства, обладающими властными полномочиями, прокурор был лишен права непосредственного возбуждения уголовного дела, что впоследствии было компенсировано правом направлять материалы проверки в соответствующий орган для принятия решения о возбуждении уголовного дела. В статье изучается правовая природа и сущность постановления прокурора, делается вывод о том, что данное постановление по своей правовой природе в большей степени относится к функции прокурорского надзора.

Ключевые слова: уголовный процесс, возбуждение уголовного дела, повод для возбуждения уголовного дела, прокурор, постановление прокурора.

На страже защиты прав граждан традиционно стоит прокуратура Российской Федерации, как правоохранительный орган со специальной компетенцией, наделенный значительными полномочиями в уголовном судопроизводстве. Как участник уголовного судопроизводства прокурор наделен определенным правовым статусом, которые реализуется в соответствии с функциями, выполняемыми прокурором на всех стадиях уголовного процесса, начиная с мо-

мента возбуждения уголовного дела и оканчивая вопросами исполнения приговора, либо его обжалования.

Стадия возбуждения уголовного дела в обязательном порядке предваряет стадию предварительного расследования и направлена на установление законности повода и основания возбуждения уголовного дела, соблюдение прав и законных интересов участников производства независимо от их процессуального статуса.

Полномочия прокурора на досудебной стадии направлены на реализацию его функций, во-первых, по осуществлению прокурорского надзора за законностью, в том числе и за деятельность органов предварительного расследования; во-вторых, направленных на реализацию функции уголовного преследования с целью привлечения к уголовной ответственности виновного; в-третьих, направленных на реализацию иных задач, которые поставлены перед ним законом. Для реализации основных направлений своей деятельности, прокурор наделен определенными властными полномочиями, представляющими собой определенную систему. При этом, полномочия могут различаться от конкретного этапа досудебной стадии, которая включает стадию возбуждения уголовного дела, непосредственно предварительное расследование и направление дела в суд с обвинительным заключением.

В связи с последовательной реализации законодателем идеи о разделении ведомственного контроля и прокурорского надзора за законностью деятельности предварительного расследования, в 2007 году законодателем, во-первых, был создан Следственный комитет России как самостоятельный орган, осуществляющий функцию предварительного расследования преступления, а также были внесены изменения в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1, 2], в соответствии с которыми часть надзорных полномочий была изъята у прокурора и передана начальнику следственного подразделения. Данное нововведение было положительно воспринято представителями науки и правоприменителями, так как в соответствии со всеобщим убеждением, невозможно одновременно осуществлять надзорную или контрольную деятельности и расследовать преступления [3, с. 121].

Кроме того, последовательная реализации новой концепции самостоятельности участников уголовного судопроизводства и разделение органов предварительного расследования и прокуратуры побудило законодателя лишить прокурора такого полномочия как возбуждение уголовного дела. Лишение прокурора данного полномочия было неоднозначно воспринято процессуалистами, более того, в процессуальных полномочиях участников образовался перекос, который впоследствии был нивелирован законодателем путем наделения прокурора таким полномочием как возможность направить в органы предварительного расследования постановление для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, с приложением необходимых материалов [4, с. 79].

Впоследствии это было компенсировано полномочием о формировании постановления прокурора о направлении в органы предварительного расследования материалов для принятия решения о возбуждении уголовного дела, что сформулировано законодателем в качестве одного из поводов для возбуждения уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 140 УК РФ) [5, с. 220].

Введение в текст уголовно-процессуального закона данного полномочия прокурора и прокурорского поста-

новления как повода к возбуждению уголовного дела, произошло вследствие пересмотра роли прокуратуры на досудебной стадии, следует отметить, что ранее прокурор обладал правом самостоятельно принимать решение о возбуждении уголовного дела. С внесенными изменениями данные полномочия были переданы Следственному комитету. Данное решение законодателя получило неоднозначную оценку в научном сообществе.

Первая группа представителей научного сообщества считают данное изменение существенным ущербом со стороны законодателя, а ныне сформированное положение прокурора не отвечает потребностям уголовного судопроизводства. Э. Р. Исламова полагает, что законодатель совершил ошибку, исключив прокурора из числа лиц, которые вправе возбуждать уголовное дело, так как это существенным образом усложнило порядок возбуждения уголовного дела и создало ненужные препятствия для осуществления правосудия [6, с. 156].

А. В. Чубыкин подчеркивал, что постановление прокурора о возбуждении уголовного дела являлось наиболее значимым в системе поводов, перечисленных в ст. 140 УПК РФ, соответственно, исключение прокурора из перечня лиц, уполномоченных возбуждать уголовные дела, необоснованно усложняет данный порядок, в первую очередь, увеличивает сроки расследования [7, с. 32].

Другая группа исследователей, напротив, выступает в поддержку исключения прокурора из круга лиц, которые имеют право принимать решение о возбуждении уголовного дела. Обоснование данной точки зрения опирается на позицию осуществления прокурором функции надзора за досудебным следствием, включая и стадию возбуждения уголовного дела. Соответственно, в случае, если решение о возбуждении уголовного дела было принято прокурором, то надзор за его деятельности в части возбуждения уголовного дела должны были осуществлять иные органы, имеющие еще более узкую специализацию. В. Н. Григорьева так же указывает на то, что с исключением прокурора из числа субъектов, имеющих право принимать решение о возбуждении уголовного дела, открывается большой потенциал для совершенствования уголовного судопроизводства и его стадий [8, с. 47]. С. И. Дикаев одновременно с этим подчеркивает, что прокурор все же не совсем утратил данную функцию, так как у него осталось полномочие для издания постановления как повода возбуждения уголовного дела, то есть органам предварительного расследования фактически дается повод и основание для возбуждения уголовного дела [9, с. 54].

По результатам комплексной оценки научной дискуссии о самостоятельности постановления прокурора в качестве повода к возбуждению уголовного дела в своей монографии М. О. Румянцева пишет: «... приходится согласиться с тем, что постановление прокурора является самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела, по сути, представляющим собой разновидность другого повода — сообщение о совершенном или готовя-

щемся преступлении, полученное из иного источника, не-
жели заявление о преступлении или явка с повинной» [10,
с. 52].

Оценивая приведённую выше дискуссию, полагаем, что в соответствии с той ролью, которую прокурор играет в уголовном судопроизводстве, правильным все же является современный порядок возбуждения уголовного дела и круг его участников, так как прокурор осуществляет функцию надзора, и особую значимость законодатель придает осуществлению прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела. Так, прокурор уполномочен направить законное и обоснованное постановление о совершенном или готовящемся преступлении, а также осуществляет полномочия контроля за вынесенными органами предварительного расследования постановлениями о возбуждении уголовного дела и об отказе в его возбуждении на основании ч. 4 ст. 146 УПК РФ. На наш взгляд, прокурор напротив, был избавлен от дублирующих функций и осуществления надзора за собственной деятельностью.

Следует согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые полагают, что наделение прокурора данным полномочием в большей степени соответствует не функции уголовного преследования, а функции надзора за органами предварительного расследования, соблюдению прав и свобод человека и гражданина, а также выполнению координирующей функции по борьбе с преступностью.

Учитывая, что возбуждение уголовного дела является предпосылкой начала уголовного преследования, данное полномочие прокурора представляется весьма важным. Вместе с тем, в законе остаются определенные недоработки, которые вызывают на практике определенные вопросы. Так, данное решение прокурора имеет властный характер и требует рассмотрения со стороны органов предварительного расследования, с другой стороны, следователь наделен процессуальной самостоятельностью, что предполагает при принятии любого процессуального решения руководство законом, рассмотренными обстоятельствами и исключительно собственным усмотрением. Возникает вопрос — возникает ли в таком случае конфликт между полномочиями следователя и прокурора, и насколько обязательно мнение прокурора для исполнения?

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (в ред. от 22.12.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
3. Малов, Г. В. Проблемы процессуального статуса прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / Г. В. Малов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 5–3(68). — С. 121–123.
4. Конорева, А. И. Проблемы участия прокурора в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / А. И. Конорева, Е. А. Хорунжая // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы

Полагаем, на данный вопрос следует ответить следующим образом. Постановление прокурора о направлении материалов для возбуждения уголовного дела в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ является одним из поводов для возбуждения уголовного дела, при этом, законодательная формулировка звучит как «для решения о возбуждении уголовного дела», что исключает обязательный характер возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем, содержание п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ все же нуждается в дополнении. Указывая на то, что прокурор направляет постановление, законодатель ничего не указывает о тех материалах, на основании которых прокурором был сделан вывод о наличии признаков преступления и необходимость возбуждения уголовного дела [11, с. 102]. Полагаем, что кроме постановления в орган предварительного расследования должны быть переданы и материалы, на основании которых прокурор сделал соответствующий вывод. В связи с этим, формулировка п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ должна звучать следующим образом: «постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, с приложением соответствующих материалов».

Таким образом, постановление прокурора о направлении материалов для возбуждения уголовного дела органом предварительного расследования представляет собой самостоятельный повод для возбуждения уголовного дела, возникшим в результате пересмотра функции и полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве. В результате принятых изменений, у прокурора было исключено наложение контролирующих, надзорных полномочий и полномочий в части возбуждения уголовного дела. На наш взгляд, прокурор напротив, был избавлен от дублирующих функций и осуществления надзора за собственной деятельностью.

Постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании является самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела, которое по своей правовой природе представляет собой реализацию уголовно-процессуальной функции прокурора по надзору за законностью деятельности органов дознания и предварительного расследования.

- применения: Сборник статей VI Международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 24 апреля 2020 года / Ответственный редактор Т. К. Рябинина, редколлегия О. С. Пашутина А. В. Лясковец; Юго-Западный государственный университет. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. — С. 78–82.
5. Зобов, В. В. Полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / В. В. Зобов, Н. Ф. Колосов // Форум. — 2024. — № 1(31). — С. 219–222.
 6. Исламова, Э. Р. Мотивированное постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (проблемы применения) / Э. Р. Исламова, А. В. Чубыкин // Крымский научный вестник. — 2016. — № 3(9). — С. 155–163.
 7. Чубыкин, А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Чубыкин. — М., 2014. — 203 с.
 8. Григорьев, В. Н. Постановление прокурора -новый повод для возбуждения уголовного дела? / В. Н. Григорьев // Законность. — 2011. — № 8(922). — С. 45–47.
 9. Дикарев, И. С. Четвёртый повод для возбуждения уголовного дела / И. С. Дикарев // Законность. — 2012. — № 3(929). — С. 53б-55.
 10. Румянцева, М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы / М. О. Румянцева. — Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2019. — 148 с.
 11. Гриненко, А. В. Начальная стадия уголовного судопроизводства по законодательству Российской Федерации / А. В. Гриненко // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 11 апреля 2019 года. — Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2019. — С. 98–108.

Общая характеристика преступлений против чести и достоинства личности

Шидаков Азамат Баширович, студент магистратуры
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье рассматриваются понятия «честь» и «достоинство» личности как объекты уголовно-правовой охраны, а также даётся общая характеристика преступлений, посягающих на эти нематериальные блага. Проанализированы законодательное регулирование и доктринальные подходы к определению чести и достоинства, раскрыт состав преступлений клеветы и оскорблений, их признаки и виды согласно уголовному законодательству. Рассматриваются особенности квалификации таких деяний, сложности доказывания и разграничения клеветы и оскорблений, вопросы практики применения норм, а также тенденции развития законодательства в данной сфере и отдельные аспекты зарубежного опыта.

Ключевые слова: честь, достоинство, клевета, оскорбление, диффамация, защита личных неимущественных прав.

Основные права человека включают право на уважение чести и достоинства личности. Честь и достоинство являются морально-этическими категориями, в то же время которые охраняемые государством. Достоинство обычно понимается как внутренняя самоценность личности (в Германии достоинство считается краеугольным камнем всей системы прав человека, основным, базовым правом — *Grundrecht* [13]), а также самооценка человека своих качеств. Честь же — социальная оценка личности со стороны общества, её репутация и доброе имя. Несмотря на близость этих понятий, между ними нельзя поставить знак тождества [8, с. 17].

Честь отражает оценку индивида другими людьми на основе существующих в обществе представлений о добре и зле, хорошем и плохом, тогда как достоинство связано с осознанием человеком собственной ценности [11, с. 76]. Эти блага неотчуждаемы и принадлежат каждому от ро-

ждения. Российское законодательство не содержит легального определения терминов «честь» и «достоинство», но их значимость закреплена на конституционном уровне. Конституция РФ устанавливает, что достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления (ст. 21 Конституции РФ). Также конституционно гарантировано право каждого на защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23). Это фундаментальный принцип, согласно которому государство признаёт ценность каждого человека независимо от его социальных качеств: личность *per se* (как таковая) обладает достоинством, требующим уважения и защиты.

Защита чести и достоинства личности осуществляется различными отраслями права. Прежде всего, гражданское законодательство предоставляет потерпевшим право на опровержение сведений, порочащих их честь, достоинство или деловую репутацию, и на компенсацию мо-

рального вреда (ст. 152 Гражданского кодекса РФ). Более серьёзные посягательства на эти блага пресекаются средствами уголовного права. В 2011 году статья УК РФ, устанавливающая ответственность за клевету, была декриминализована, уже в 2012 году уголовная ответственность за клевету была восстановлена в обновлённом виде (состав «оскорбление» при этом в УК не восстановили).

Клевета (ст. 128.1 УК РФ) является основным составом, непосредственно посягающим на честь и достоинство личности. Уголовный закон определяет клевету как «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ).

Объектом преступления выступают честь, достоинство и репутация личности, то есть социальная ценность личности, её общественный и самооценочный статус.

Объективная сторона клеветы выражается в активных действиях по распространению сведений ложного характера, которые порочат другого человека. Под распространением понимается доведение соответствующих сведений хотя бы до одного постороннего лица любым способом (устно, письменно, через СМИ или Интернет и т. д.). Обязательным признаком является заведомость ложности, виновный должен знать о недостоверности распространяемой информации.

Субъективная сторона клеветы — прямой умысел; лицо сознаёт общественно опасный характер своих действий и желает распространить именно ложные порочащие сведения.

Субъект преступления — вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Законодательством предусмотрены различные квалифицированные составы клеветы, усиливающие ответственность в зависимости от способа и содержания ложных сведений. Так, более строгие санкции установлены за клевету, совершённую публично (например, в публичном выступлении, через СМИ либо Интернет) или в отношении нескольких лиц (ч. 2 ст. 128.1); за клевету, совершённую с использованием служебного положения (ч. 3); за клевету о том, что лицо страдает опасным для окружающих заболеванием (ч. 4); а также за клеветническое обвинение лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления против половой неприкосновенности (ч. 5). Санкции за эти деяния варьируются от штрафов значительного размера (до нескольких миллионов рублей) до обязательных или принудительных работ и, в наиболее тяжких случаях, лишения свободы на срок до пяти лет. Уголовные дела о клевете относятся к делам частного обвинения — возбуждаются непосредственно потерпевшим и могут быть прекращены в связи с примирением сторон. Частноправовой порядок, с одной стороны, обеспечивает реализацию права потерпевшего на защиту своей чести и достоинства по его инициативе, а с другой — обуславливает определённые трудности в правоприменении, поскольку бремя доказывания ложности сведений фактически ложится на заявителя. Доказать заведомо ложный

характер сведений нередко затруднительно: необходимо установить не только факт распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, но и умысел лица на распространение именно ложной информации; значительная доля дел о клевете не завершается обвинительным приговором. Число оправданных и освобождённых от ответственности лиц по делам о клевете существенно превышает число осуждённых. Это свидетельствует о высокой сложности сбора доказательств по такого рода делам и порождает дискуссию о совершенствовании процедуры преследования за клевету.

Отдельные исследователи (например, Ю. М. Ткачевский) полагают, что клевету необходимо относить к материальным составам, сводя процессуальную стадию с материальной, потому что иначе состав работает уже тогда, когда потерпевший обращается в правоохранительные органы [10]. Может быть такая ситуация, когда потерпевший не затронут сведениями, но он видит, что эту ситуацию можно использовать и подает жалобу в правоохранительные органы, например, если потерпевший — публичный человек.

Оскорбление как деяние представляет собой унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме. В настоящий момент в общем случае оскорблению выведено из-под действия уголовного права и подпадает под статью КоАП РФ. Кодекс РФ об административных правонарушениях устанавливает ответственность за данное деяние в ст. 5.61 КоАП РФ. Часть 1 данной статьи формулирует оскорблению аналогично прежней уголовно-правовой норме: это «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей нормам морали и нравственности форме». Объект оскорблений тот же, что и у клеветы — честь и достоинство конкретного человека, личное нематериальное благо. Объективная сторона выражается в действии (высказывании, жесте или ином поведении), которое содержит явное неуважение, презрительную или непристойную форму обращения к потерпевшему с целью его унизить. При этом не имеет значения, соответствуют ли высказывания истине: в отличие от клеветы, оскорблению не связано с утверждением ложных фактов, а проявляется именно в форме выражения, нарушающей принятые нормы приличия. Субъект оскорблений — лицо, достигшее возраста привлечения к ответственности (по КоАП РФ — с 16 лет, для должностных лиц и иных субъектов — с 18 лет). Субъективная сторона — прямой умысел; виновный сознаёт унизительный характер своих слов или действий и желает таким образом оскорбить потерпевшего. Административное законодательство предусматривает наказание за оскорбление в виде административного штрафа. Размер штрафа дифференцируется в зависимости от статуса правонарушителя: для граждан, должностных и юридических лиц санкции различаются, а при публичном оскорблении (например, через публичное выступление или Интернет) штрафные меры повышаются (ч. 2 ст. 5.61 КоАП). Кроме того, если оскорб-

ление совершено лицом, занимающим государственную должность, в связи с осуществлением им служебных полномочий, предусматривается более строгая ответственность вплоть до дисквалификации (ч. 4, 5 ст. 5.61 КоАП). Таким образом, в современном законодательстве общее понятие оскорбления выведено за рамки УК, однако ответственность за него сохраняется в административном порядке.

Помимо общего состава клеветы и административного правонарушения оскорблении, российское уголовное законодательство содержит специальные и смежные составы, призванные защищать честь и достоинство отдельных категорий лиц или предусматривающие ответственность за действия, сопряжённые с унижением личности. К специальным уголовным составам относятся, например, оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) — уголовно наказуемое деяние, заключающееся в публичном оскорблении должностного лица при исполнении им служебных обязанностей либо в связи с их исполнением. Аналогично, ст. 336 УК РФ устанавливает ответственность за оскорбление военнослужащего одним военнослужащим (во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы). Эти составы по сути являются разновидностями оскорблений, но выделены законодателем в отдельные статьи УК РФ с целью усиленной охраны достоинства представителей власти и военной службы. Также уголовно наказуемо неуважение к суду, включающее оскорбление участников судебного разбирательства (ст. 297 УК РФ): это преступление посягает на авторитет правосудия и одновременно на честь и достоинство судей, присяжных или иных участников процесса. Ещё один специальный состав — клевета в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участнико го в отправлении правосудия, а равно прокурора, следователя, лица, производящего дознание (ст. 298.1 УК РФ). Данная статья введена для усиления ответственности за заведомо ложный порочащий выпад в адрес лиц, осуществляющих правосудие и правоохранительные функции. Она сходна по конструкции с общей нормой о клевете, но квалифицирующим признаком выступает специальный статус потерпевшего. Кроме того, ряд преступлений, не прямо посвящённых защите чести и достоинства, тем не менее включают в свою объективную сторону действия, связанные с унижением личности или посягательством на доброе имя. Так, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии отношений подчинённости (ст. 335 УК РФ) — т. е. «дедовщина» — подразумевает, среди прочего, унижение чести и достоинства потерпевшего военнослужащего в процессе неправомерных взаимоотношений. В сфере межнациональных отношений возбуждение ненависти либо вражды (ч. 1 ст. 282 УК РФ) часто проявляется через унижающие достоинство высказывания в отношении представителей какой-либо расы, национальности, религии или социальной группы. Оскорбление религиозных чувств верующих фактически криминализовано

в рамках статьи 148 УК РФ (нарушение права на свободу совести и вероисповедания), где одной из форм преступления являются публичные действия, выражющие явное неуважение к обществу и совершаемые в целях оскорблении религиозных чувств. Наконец, фальсификация доказательств обвинения по уголовному делу (ч. 4 ст. 303 УК РФ) можно рассматривать как особую форму посягательства на честь и доброе имя человека, когда невиновное лицо путём подлога улик обвиняется в тяжком преступлении, что порочит его честь. Таким образом, институт защиты чести и достоинства пронизывает сразу несколько глав Особенной части УК РФ, охватывая как общие составы (клевета), так и специальные и смежные нормы, направленные на охрану отдельных аспектов этого блага.

Практика сталкивается с рядом проблем. Как уже отмечалось, дела о клевете относятся к частному обвинению, и многие из них прекращаются вследствие примирения сторон или из-за недоказанности умысла на распространение ложных сведений. Суды обязаны тщательно выяснять, имело ли место именно распространение информации (а не выражение субъективного мнения или оценочного суждения, которое не может быть проверено на истинность), и было ли установлено, что сведения не соответствуют действительности. Разграничение клеветы и смежных правонарушений представляет определённую сложность. Важным критерием является характер высказывания: если оно содержит утверждение о факте, который можно проверить и который порочит репутацию лица, то при его ложности вопрос решается в плоскости клеветы; если же высказывание представляет собой оскорбительную форму выражения мнения о личности (например, использование бранных слов, уничижительных прозвищ), не утверждая конкретных фактов, то такое деяние подпадает под понятие оскорблений. Судебная практика выработала позицию, согласно которой оценочные суждения и мнения, даже негативные, не влекут ответственности за клевету, так как отсутствует признак фактического утверждения.

Существует разница между публичным оскорблением конкретного лица и мелким хулиганством (ст. 20.1 КоАП РФ), особенно когда оскорбительные выражения употреблены в общественном месте. В эти случаях нужно оценить, было ли действие направлено преимущественно на унижение конкретного потерпевшего (тогда квалифицируется как оскорбление), либо имело место нарушение общественного порядка без явного акцента на личности потерпевшего (можно квалифицировать как хулиганство). Также разграничивается клевета и заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ): последний отличается тем, что ложные сведения о совершении преступления доносятся именно в органы власти для привлечения лица к ответственности, тогда как клевета охватывает распространение ложных обвинений в любом ином виде перед третьими лицами. Важный аспект — доказательство умысла. Лицо может распространять порочащие сведения, искренне полагая их истинными; в таком случае отсутствует признак

заведомой ложности. Однако гражданско-правовая защита в подобных ситуациях всё равно доступна потерпевшему — он вправе требовать опровержения и извинений даже за распространение недоказанных негативных сведений, если распространитель не смог подтвердить их правдивость в порядке ст. 152 ГК РФ.

Зашита чести и достоинства личности от посягательств является международной общепризнанной ценностью, но подходы к криминализации диффамации (распространения порочащих сведений) различны в зависимости от страны. В ряде государств (например, в США, Великобритании, странах Скандинавии) уголовные наказания за диффамацию либо полностью устраниены, либо фактически не применяются. В то же время многие европейские страны сохраняют уголовно-правовые нормы о клевете и оскорблении (например, Германия, Франция, Италия), хотя чаще всего санкции по ним ограничены штрафами, а лишение свободы применяется крайне редко. Международные организации (ООН, Совет Европы, ОБСЕ) рекомендуют государствам декриминализировать диффамацию, полагая, что гражданско-правовых средств достаточно для защиты чести и репутации, и что само существование уголовной ответственности за высказывания может оказывать «сдерживающий эффект» на свободу выражения мнений. Европейский Суд по правам человека в своих решениях (например, по делам *Lingens v. Austria*, *Handyside v. United Kingdom* и др.) подчёркивает необходимость пропорциональности вмешательства в свободу слова при защите репутации: штрафы и другие мягкие меры предполагаются уголовным наказанием, особенно тюремному заключению, которое рассматривается как мера, оправданная лишь в исключительных случаях, таких как разжигание ненависти или призывы к насилию [12].

В России после повторной криминализации клеветы в 2012 году санкции по ст. 128.1 УК РФ неоднократно повышались (в 2021 году введены реальные сроки лишения свободы за квалифицированные виды клеветы). Кроме того, расширено понятие публичной клеветы с учётом развития информационных технологий (включая ответственность за распространение ложных порочащих сведений через сеть Интернет).

Оскорблениe было декриминализовано и перенесено в административное законодательство, что воспринимается критически. В отечественной уголовно-правовой доктрине высказывается мнение, что отказ от уголовного наказания за оскорблениe был преждевременным, поскольку административных санкций недостаточно для предотвращения тяжких последствий, к которым может

привести систематическое унижение личности (вплоть до трагических случаев, связанных с доведением лиц до самоубийства) [6].

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть вопрос о возврате уголовной ответственности за оскорблениe при отягчающих обстоятельствах, по аналогии с зарубежным законодательством, либо об усилении административной ответственности. Пока эти идеи не реализованы, однако постановка вопроса свидетельствует о важности обеспечения действенной охраны чести и достоинства.

Честь и достоинство личности, таким образом, выступают личными нематериальными благами, охрана которых является обязанностью государства. Уголовное законодательство Российской Федерации формирует систему правовых норм, призванных защитить граждан от наиболее опасных посягательств на их честь, доброе имя и личное достоинство. К числу таких посягательств относятся клевета — умышленное распространение заведомо ложных сведений, и оскорблениe — унижение личности. Анализ состава указанных правонарушений показывает, что законодатель чётко разводит их объективные и субъективные признаки, одновременно дополняя друг друга. Российская правоприменительная практика стремится соблюдать баланс между защитой достоинства личности и свободой слова, однако на практике имеет место значительный процент оправданий по делам о клевете, вызванный сложностью доказывания, а административные дела об оскорблении нередко заканчиваются малыми штрафами, не всегда компенсирующими моральный вред. Тем не менее сама по себе уголовно-правовая охрана чести и достоинства выполняет важную превентивно-воспитательную функцию, декларируя недопустимость посягательств на личность в информационной и коммуникационной сфере. В перспективе совершенствование законодательства в данной области должно учитывать как отечественный опыт (например, целесообразность изменения порядка возбуждения дел о клевете, повышения эффективности расследования таких дел), так и лучшие зарубежные практики, ориентированные на минимизацию репрессивных мер и усиление роли гражданско-правовых способов защиты репутации. Соблюдение прав и свобод человека, включая право на честь и достоинство, требует постоянного поиска оптимального соотношения между их охраной и другими конкурирующими ценностями, что и обуславливает дальнейшее развитие уголовно-правовых норм о диффамации в русле гуманизации и приведения их в соответствие с современными реалиями информационного общества.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.; с поправками).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2025).

5. Блюмкин В. А. О чести и достоинстве советского человека. — М., 1974.
6. Вертепова Т. А. Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны // Уголовная политика: теория и практика. — 2015. — № 3. — С. 85–88.
7. Марогулова И. Л. Защита чести и достоинства личности. — М., 1998.
8. Мархотин В. И. Охрана чести и достоинства личности по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Киев, 1980.
9. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Насколько правила о защите чести, достоинства и деловой репутации достаточны и эффективны? // Закон. — 2024. — № 1.
10. Ткачевский Ю. М. Уголовная ответственность за клевету // Законодательство. 1999. № 11. С. 23. «Гарант»: справочно-правовая система. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/3541552/> (дата обращения: 25.01.2026)
11. Ярошенко К. Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. — М., 1990.
12. Sherstoboeva E. Defamation law in Russia in the context of the council of Europe (coe) standards on media freedom. С. 71 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swlaw.edu/sites/default/files/2020-12/8 %20-%20Sherstoboeva %2020.12.15.pdf#:~:text=7,hate %20speech %20or %20incitement %20to> (дата обращения: 11.01.2026).
13. Юрлова М. Д. Достоинство как Grundrecht в германской политico-правовой традиции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstvo-kak-grundrecht-v-germanskoy-politiko-pravovoy-traditsii> (дата обращения: 27.01.2026).

Актуальные проблемы правового регулирования рабочего времени

Шудрук Александр Васильевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автором анализируются особенности правового регулирования рабочего времени в России, а также проблемы и противоречия в его правоприменении.

Ключевые слова: рабочее время, трудовой договор.

Важным этапом заключения трудового договора является ознакомление работника с правилами внутреннего трудового распорядка и иными локальными нормативными актами, непосредственно связанными с трудовой деятельностью работника, а также с коллективным договором. Такая обязанность работодателя установлена в ст. 68 Трудового кодекса Российской Федерации (далее по тексту ТК РФ). Правила внутреннего трудового распорядка являются локальным нормативным актом работодателя, определяют трудовой распорядок в организации, в том числе правила приема и увольнения работников, основные права, обязанности и ответственность сторон трудового договора, режим работы, время отдыха, применяемые к работникам меры поощрения и взыскания, а также иные вопросы регулирования трудовых отношений у данного работодателя (ст. 189 ТК РФ). Кроме того, правила внутреннего трудового распорядка должны детально определять режим рабочего времени работника (ст. 100 ТК РФ), в том числе особенности ведения суммированного учета рабочего времени (ст. 104 ТК РФ), перерывов для отдыха и питания (ст. 108 ТК РФ), устанавливать даты выплаты заработной платы (ст. 136 ТК РФ).

Работник должен быть ознакомлен со всеми правами и обязанностями сторон непосредственно при приеме

на работу, однако на практике данная гарантия для работника зачастую реализуется формально. По законодательству достаточно подписи работника на документах, подтверждающих ознакомление, что затрудняет доказательство того, что работодатель действительно ознакомил его с содержанием документов.

Рабочее время и время отдыха имеет для работника принципиальное значение. Оно определяет начало и окончание рабочего дня — времени, когда работник выполняет свою трудовую функцию (ст. 91 ТК РФ). Именно за труд в период рабочего времени работодатель обязан выплачивать заработную плату работнику. Более того, продолжительность рабочего дня влияет на состояние здоровья организма работника. Время отдыха необходимо работнику для восстановления своих сил, здоровья, исполнения семейных обязанностей. А длительные переработки, несоблюдение норм отдыха и отсутствие гибкого графика повышают риск профессионального выгорания, стрессовых расстройств и хронической усталости, а также может привести к более серьезным последствиям, таких как несчастный случай на производстве.

В соответствии со ст. 214 ТК РФ обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда возлагаются на работодателя, который обязан обеспечить режим труда

и отдыха работников в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Кроме того, согласно ст. 216.3 ТК РФ на работодателя возлагается санитарно-бытовое обслуживание работников в соответствии с требованиями охраны труда. В этих целях работодателем по установленным нормам оборудуются санитарно-бытовые помещения, помещения для приема пищи, комнаты для отдыха в рабочее время и психологической разгрузки, организуются посты для оказания первой помощи, укомплектованные аптечками для оказания первой помощи, устанавливаются аппараты (устройства) для обеспечения работников горячих цехов и участков газированной сладкой водой и другое.

Достаточно критично к законодательному закреплению норм, регулирующих рабочее время, относится профессор Г. В. Хныкин, который считает, что проблемы, связанные с рабочим временем, порождены современным законодателем. В качестве первой проблемы он выделяет слабую законодательную технику в связи с тем, что в разделе IV «Рабочее время» ТК РФ отсутствуют институциональные принципы и основные государственные гарантии. Соответственно эта проблема не интересует ученых-цивилистов и не обсуждается ими. Далее ученый критикует «отсутствие норм об учете рабочего времени, и странность нахождения сверхурочной и ночной работ в общих положениях, и исчерпывающий перечень и невнятность в описании специальных режимов труда и отдыха, включая беспредельность работодателей». Второй проблемой ученый считает установление продолжительности труда, которая превратилась в фикцию в связи с тем, что правовые нормы ТК РФ и практика их применения в области рабочего времени оказались несовместимыми.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ — Текст: электронный URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=ml84tzk53d135365981 (дата обращения: 14.01.2026).
2. Косаковская Е., Хныкин Г. Национальная система квалификаций и системы оплаты труда: правовая сущность и регулирование. [Текст]: монография. — М: Проспект, 2021.- 200 с.
3. Официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики — Текст: электронный — URL: <https://www.rosstat.gov.ru/>(дата обращения: 19.01.2026).

Анализ судебной практики показывает, что такая проблема существует. Иски о продолжительности рабочего времени, оплате сверхурочной работы и тому подобном регулярно становятся предметом рассмотрения в судебных органах.

Согласно данным Росстата больше всего времени на работу тратят в рыболовстве (почти 9 часов), пассажирском транспорте (8 часов), добыче металлических руд и в здравоохранении (7,9 часа). Также длительный рабочий день отмечают в профессиях, связанных с физическим трудом и повышенной нагрузкой — это преподаватели, журналисты, строители, рабочие, курьеры. Самый короткий рабочий день зафиксирован в водном и воздушном транспорте (чуть больше 6 часов), добыче угля (около 7 часов) и производстве мебели (7,1 часа).

В то же время наблюдается и противоположная тенденция. Исследования Росстата показали, что россияне в 2025 году стали меньше работать — в среднем длина трудового дня составила 7 часов и 32 минуты. По оценкам аналитиков, причин для сокращения рабочего дня несколько: рынок труда становится более сбалансированным благодаря распространению гибкого графика, удалённой и проектной работы; в компаниях всё чаще встречаются частично занятые сотрудники; развиваются цифровые платформы, где в основном задействованы самозанятые; кадровый дефицит стал локальным, а не повсеместным.

Таким образом, действующее трудовое законодательство о рабочем времени устанавливает обоснованные нормы рабочего времени с учетом интересов обеих сторон. Однако при регулировании неполного и ненормированного рабочего времени отсутствуют четкие предписания, что может порождать многочисленные проблемы и противоречия в правоприменении.

Лицензирование в механизме государственного регулирования энергетического рынка: проблемные аспекты и направления совершенствования

Ялаева Алсу Расиховна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье автор исследует вопросы лицензирования энергетического рынка. В исследовании отмечается, что лицензирование энергетических рынков следует рассматривать как обязательный специальный режим допуска, установленный отраслевыми законами, однако такие режимы расположены в разных отраслевых актах и разных подзаконных

актах и по этой причине границы требований и процедур размываются. По итогу автор отмечает существующие проблемы в данной сфере и предлагает способы по их устранению.

Ключевые слова: правовое регулирование энергетических рынков, лицензирование, специальный режим допуска.

В настоящее время стоит объективно признать, что энергетический рынок играет важнейшую роль в экономике России, а это, в свою очередь, подталкивает государство на более тщательное экономическое и правовое регулирование общественных отношений в этой сфере и одним из инструментов такого регулирования является лицензирование, позволяющее установить обязательные требования к участникам рынка, обеспечить контроль их соблюдения и тем самым минимизировать риски для потребителей, энергетической безопасности и устойчивости функционирования инфраструктуры [3, с. 268].

Стоит отметить, что положения Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее — Закон о лицензировании) в п. 1 ст. 12 устанавливает закрытый перечень видов деятельности, требующих лицензии. В настоящее время таких видов деятельности насчитывается 55, на которые распространяет свое действие Закон о лицензировании. В то же время в п. 2 ст. 1 Закона о лицензировании установлены виды деятельности хоть и требующие лицензии, но выведенные из-под действия этого закона, поскольку вопрос лицензирования регулируется иными специальными нормативными правовыми актами. К таким видам деятельности относятся, например, деятельность по использованию атомной энергии (подп. 1 п. 2 ст. 1), деятельность по пользованию недрами (подп. 15 п. 1 ст. 1) [1, с. 960].

В этой связи лицензирование в сферах использования атомной энергии и пользования недрами следует рассматривать как обязательный специальный режим допуска, установленный отраслевыми законами, а не как процедуру по общим правилам, что предусмотрено положениями Закона о лицензировании.

Значение данной деятельности настолько велико для государства, что требует более жесткого контроля, а потому осуществление данной деятельности без лицензии исключено, а нарушение данного правила может повлечь привлечение лица к ответственности вплоть до уголовно-правовой.

А. И. Грищенко верно подмечает, что в энергетике лицензирование выступает не просто как «формальный допуск», а как ядро активного публичного регулирования [2, с. 30].

В этой связи лицензирование стоит рассматривать не как очередную административную процедуру, а как механизм правовой защиты публичных интересов.

Так, согласно п. 1 ст. 26 Закона об атомной энергии под лицензией понимается документ, который подтверждает право на осуществление определенных видов деятельности при условии обеспечения безопасности их осуществления. Виды деятельности поименованы в п. 4 ст. 26 Закона об атомной энергии. Например, это деятельность по размещению, сооружению, эксплуатации и вы-

воду из эксплуатации ядерных установок, радиационных источников, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ и т. д. Лицензия должна содержать указание на владельца лицензии, требования и условия, необходимые в целях обеспечения безопасности выполнения работ, а также срок действия лицензии. На разные виды деятельности по использованию атомной энергии может быть выдана 1 общая лицензия.

В ст. 11 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (далее — Закон о недрах) содержатся положения о лицензировании деятельности по пользованию недрами. Недра являются народным достоянием, поэтому лицензирование и тщательный контроль являются одними из принципов недропользования. Согласно п. 1 ст. 11 Закона о недрах лицензией признается специальное государственное разрешение на пользование недрами. Лицензия имеет строго определенную форму, скрепленную печатью и содержащую определенный набор информации; форма утверждена приказом Минприроды России № 782, Роснедр № 13 от 25.10.2021 «Об установлении формы лицензии на пользование недрами и порядка оформления, государственной регистрации и выдачи лицензий на пользование недрами» (далее — Приказ № 782/13). Лицензия обязательно должна содержать границы участков, в рамках которых предоставляется право использования недр, а также иные данные и сведения, установленные в п. 1 ст. 12 Закона о недрах. Как и в случае с лицензиями по использованию атомной энергии, одна лицензия по пользованию недрами может быть выдана на осуществление нескольких видов деятельности по недропользованию.

Приказ № 782/13 детально регулирует порядок получения лицензии, выступая административным регламентом предоставления соответствующей государственной услуги. Допускается переоформление лицензии на иное лицо, если, напр., произошло отчуждение права на использование недр в рамках гражданских правоотношений сторон. В то же время лицензирование с точки зрения правового содержания лицензия носит строго адресный, персонализированный характер, в связи с чем не допускается наследственное правопреемство в лицензионных отношениях по недропользованию.

Таким образом, общий Закон о лицензировании определяет правовой каркас, однако в энергетике данные сегменты выведены в специальный режим из-за опасности и значимости, то есть требуются иные подходы в регламентации лицензирования.

В то же время существует проблема, что специальные режимы лицензирования расположены в разных отраслевых актах и разных подзаконных актах и по этой причине границы требований и процедур размываются и не всегда становятся понятными участниками соответствую-

ющих правоотношений, это также приводит к росту дисcreции органов публичной власти, что также создает риски злоупотребления своими полномочиями.

Р. Д. Цурановой отмечает проблему отсутствия четкости в законодательном регулировании процедуры рассмотрения документов при предоставлении права пользования недрами, а это в свою очередь создает возможность для злоупотребления со стороны органа власти, а потому

в законодательстве должны быть отражены четкий и исчерпывающий перечень оснований для отказа» [4, с. 95].

То есть участники правоотношений сталкиваются не с предсказуемым режимом, а с «лабиринтом» из разного массива нормативных актов. В этой связи стоит собрать обязательные лицензионные требования в энергетической сфере либо в рамках единого нормативного акта, либо отразить в соответствующем реестре.

Литература:

1. Ахтямов А. М. К вопросу о соотношении разрешения и лицензии // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / под ред. А. И. Каплунова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. — С. 959–962
2. Грищенко А. И. Государственное регулирование атомной энергетикой: правовые проблемы // Энергетическое право. — 2006. — №. 1. — С. 23–33.
3. Тарба Ш. В. Сравнительно -правовой анализ лицензирования деятельности в области использования атомной энергии в Российской Федерации и зарубежных государствах / Ш. В. Тарба, С. Ю. Канарейкин // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 6. — С. 267–272.
4. Цуранова А. И. Правовой механизм обеспечения рационального использования недр при геологическом изучении, разведке и добыче полезных ископаемых. — Москва: Проспект, 2017. — 112 с.

Некоторые проблемы правовой регламентации энергетических рынков

Ялаева Алсу Расиховна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

В статье автор исследует вопросы правовой регламентации энергетических рынков. Одна из проблем — это большое количество разрозненных актов в данной сфере, отсутствие единого акта, который бы задавал общие рамки. Нормативно правовая перегруженность приводит к дублированию положений, к коллизиям, а также к сложностям реализации правовых норм. Другая проблема заключается в отсутствии определения термина «энергия» в законодательстве, более того в научной литературе также присутствует спор на эту тему.

Ключевые слова: правовое регулирование энергетических рынков, законодательная инфляция, энергия как объект права.

Одна из основных проблем регламентации энергетического рынка является большой нормативный массив. По этому поводу было верно подмечено В. В. Романовой, которая отметила, что эффективность энергетического правопорядка напрямую зависит от эффективности системы правового регулирования, которая состоит из множества элементов и под которыми стоит понимать многочисленные нормативные акты, в том числе и подзаконные акты [6, с. 15].

В настоящее время энергетический правопорядок определяется как общим, так и специальным регулированием, то есть по каждой отрасли энергетики существует свое специальное законодательство.

Стоит отметить, что нами не предлагается собирать все требования в рамках одного закона, речь идет о создании общей рамки, где будут присутствовать единые дефи-

ниции, принципы допуска, минимальные гарантии, стандарты и уже впоследствии данные требования будут конкретизироваться в рамках отраслевых нормативных актов.

Д. Е. Пшеничников также пишет про проблему отсутствия единого нормативного правового акта в сфере регулирования энергетических отношений [5, с. 569]. Отмечается, что единый закон позволит унифицировать рынок с точки зрения правового регулирования тех вопросов, которые являются общими для всех видов энергетических рынков.

Действительно, на сегодняшнее время все виды энергетических рынков регулируются разными федеральными законами. Создание единого федерального закона может облегчить правовое регулирование, снять имеющиеся расхождения и разнотечения в вопросах терминологического аппарата, принципов построения энергетических

рынков, вопросов государственного контроля (надзора), ответственности лиц за причинение вреда жизни и здоровью и т. д.

Как минимум в сфере вопроса обеспечения энергетической безопасности целесообразно было бы принять федеральный закон, поскольку Энергетическая доктрина по своему правовому содержанию не является нормативным правовым актом, формально-юридически не является обязательным для исполнения субъектами права. Федеральный закон в данном случае повышал бы значимость провозглашенных там идей, тезисов, сделав их более значимыми и серьезными.

Дополнительной слабостью является нормативная «инфляция» и реактивное регулирование данных отношений. Под нормативной инфляцией понимается перегруженность правовых норм в вопросе регулирования тех или иных отношений, тогда как реактивное регулирование — это запоздалое принятие актов, то есть когда акты принимаются как бы вдогонку событиям, что, разумеется, является большим недостатком.

А. О. Иншакова особо отмечает большое количество подзаконных актов в данной сфере, особенно Указов Президента РФ. Как итог это приводит к усложнению правового положения энергетических компаний, так как упущение одного нормативного акта может привести к фатальной ошибке [2, с. 41].

Более того многие акты пересекаются друг с другом, а также постоянно меняются. Нормативные правовые акты в данной сфере отличаются особой сложностью в понимании и восприятии. Это влечет рост коррупционных факторов, указанных в постановлении Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Например, нечеткие и противоречивые формулировки являются таким коррупционным фактором, как юридико-лингвистическая неопределенность. Все это влияет на нестабильность правового регулирования, его постоянную изменчивость, отсутствие системности указывается и в юридической среде.

Другой проблемой является то, что в правовом регулировании данных отношений термин «энергия» является основополагающим, однако ни в законодательстве, ни в доктрине права отсутствует единое понимание.

Так, в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) нет указания на то, что энергия является объектом гражданских прав, следовательно, необходимо классифицировать эту категорию с учетом обозначенных в норме объектов гражданских прав.

Литература:

1. Баязитова А. Г. Правовая природа энергии как объекта договора энергоснабжения // Государственная служба и кадры. — 2022. — № 1. — С. 110–115.
2. Иншакова А. О. Объекты гражданских прав: учебник для вузов / под ред. А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 419 с.

В доктрине имеются различные подходы к пониманию того, что есть энергия. Так, одни исследователи считают, что энергия является функциональным аналогом вещи, но не вещью как таковой, поэтому наиболее правильно определяться энергию в качестве «иного имущества» по смыслу ст. 128 ГК РФ. Присутствует позиция, в соответствии с которой энергия понимается как имущественное право [1, с. 115]. Иногда же вовсе предлагается выделить новый объект гражданских прав в виде энергии, дополнив тем самым положения ст. 128 ГК РФ [3, с. 32].

Определение правовой природы энергии как объекта гражданского права очень важно, поскольку от этого зависит то, какие нормы права подлежат применению к правоотношениям по поводу такой энергии, а какие нет. Если исходить, напр., из вещно-правовой природы энергии, то, во-первых, энергия могла бы выступать предметом залога или удержания, во-вторых, энергия должна была бы быть телесной, осязаемой в силу традиционного понимания вещи как физической вещи, существующей в объективном мире. Поскольку эти условия не удовлетворяются, то можно сделать вывод о несостоятельности вещно-правовой концепции.

Считать, что энергия является имущественным правом требования тоже, как нам кажется, неверно, поскольку энергия как таковая тоже не может быть предметом залога, не может быть прекращено по одному из оснований для прекращения обязательства (зачет, новация, отступничество, надлежащее исполнение и т. д.).

Г. А. Могилевский полагает, что энергия является товаром «особого рода», которая может переходить от одних лиц к другим, а потому на такой объект гражданских прав должен распространяться правовой режим характерный для вещей, однако автор подчеркивает необходимость учитывать «необычность» энергии. То есть вещная модель используется в данном случае как фикция [4, с. 179].

Наиболее верным, на наш взгляд, является подход о том, что энергия является «иным имуществом». Законодатель в ст. 128 ГК РФ специально прямо указал на возможность существования такого «иного имущества», поскольку допускал возникновения такого объекта, которое не будет укладываться в существующую систему объектов гражданских прав. Главное, что энергия как некая мощность обладает всеми признаками объекта гражданских прав — по поводу ее возникают, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности. Однако, как нам кажется верным, необходимо в ст. 128 ГК РФ обозначить энергию как объект гражданских прав — это подчеркнет ее важность, а также устранит споры среди ученых-правоведов на данную тему.

3. Кресс В. В. Теоретические аспекты определения места энергии (энергетических ресурсов) в системе объектов гражданских прав // Lex Russica (Русский закон). — 2024. — Т. 77, № 5(210). — С. 29–35.
4. Могилевский Г. А. Энергия как объект гражданских прав: актуальные вопросы понятия и содержания // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — №. 2–2 (77). — С. 178–180.
5. Пшеничников Д. Е. Актуальные проблемы правового регулирования в сфере энергетики в Российской Федерации // Молодой ученый. — 2024. — № 21 (520). — С. 568–572.
6. Романова В. В. Развитие российской науки энергетического права: достигнутые результаты и актуальные задачи //Правовой энергетический форум. — 2019. — №. 4. — С. 14–19.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Страна нейтралитета под знаком крылатых скакунов

Атаева Джахансолтан Данатаровна, преподаватель экономики;

Атаева Язгуль Махтумовна, преподаватель химии;

Мухаммедова Гульнур Мухамметназаровна, преподаватель архивного дела

Средняя профессиональная школа коммунального хозяйства г. Мары (Туркменистан)

Статья посвящена феномену нейтралитета Туркменистана и его взаимосвязи с историко-культурной традицией, в частности с образом ахалтекинской лошади, вынесенной в девиз года «Страна нейтралитета под знаком крылатых скакунов».

Ключевые слова: Туркменистан, нейтралитет, крылатый скакун, культура.

Феномен нейтралитета Туркменистана представляет собой уникальное явление в современной международной системе, отличающееся редкой последовательностью и устойчивостью, которые на протяжении десятилетий обеспечивали стране стабильность внутреннего управления, авторитет на внешней арене и способность выстраивать дипломатические отношения на принципах равноправия и взаимного уважения. Этот статус, закрепленный международными организациями, включая Организацию Объединенных Наций, не возник внезапно или формально, а является результатом многолетнего исторического опыта, в ходе которого народ Туркменистана прошел через многочисленные периоды трансформаций, социального и культурного напряжения, освоения новых экономических моделей и сохранения уникальной идентичности, что в совокупности сформировало глубокое понимание необходимости самостоятельного, ответственного извешенного подхода к вопросам государственной политики. Девиз года, выраженный формулой «Страна нейтралитета под знаком крылатых скакунов», не является простым лозунгом или декоративной символикой; он отражает стратегическую концепцию, в которой органично соединяются историческая преемственность, культурная идентичность и современная государственная стратегия, предлагая визуально и концептуально емкий образ, олицетворяющий движение страны вперед, основанное на гармонии с внутренними ресурсами, историческим наследием и geopolитическими реалиями региона [3, с. 52–54].

Постоянный нейтралитет Туркменистана следует рассматривать как стратегически выверенное решение, сформированное под влиянием множества факторов, включая исторические уроки прошлых столетий, экономические

и социальные условия, культурные особенности и географическое положение страны. Этот выбор не был случайным и не возник под внешним давлением; напротив, он стал логическим следствием многовековой традиции стремления к сохранению независимости, самодостаточности и внутренней стабильности. На протяжении десятилетий туркменский народ вырабатывал особое понимание роли государства в обеспечении мира, безопасности и устойчивого развития, исходя из принципа, что государственная сила проявляется не в агрессивном давлении на соседей, а в способности сохранять суверенитет, реализовывать внутренние приоритеты и укреплять социальную ткань общества. В этих условиях нейтралитет выступает не как ограничение или формальный статус, а как активный инструмент планирования будущего, позволяющий строить долгосрочные стратегии, прогнозировать экономические и социальные процессы и минимизировать риски, связанные с внешними конфликтами и политической нестабильностью в регионе [1, с. 44–52].

Особую роль в реализации и институционализации концепции нейтралитета сыграл Президент Туркменистана, чья государственная деятельность и личная приверженность принципам мира, справедливости и развития стали важнейшим фактором укрепления национальной идентичности и международного авторитета страны. Под его руководством нейтралитет перестал быть абстрактной декларацией и превратился в реальный механизм, обеспечивающий политическую, экономическую и социальную стабильность. Его стратегическое мышление сочетает в себе глубокое понимание исторических реалий, уважение к культурной и духовной традиции, аналитический подход к современным вызовам и способность принимать решения, которые обеспечивают долгосрочную перспек-

тиву развития страны. Благодаря такому подходу Туркменистан стал образцом того, как национальная политика, основанная на мирном курсе, последовательности и уважении к внутренним ценностям, может создавать устойчивую, предсказуемую и одновременно динамичную модель государственного устройства [4, с. 134–136].

Образ крылатого скакуна, вынесенный в девиз года, является не просто декоративным элементом или фольклорной деталью, а глубоко символичным культурным кодом, отражающим многовековую историю туркменского народа и его цивилизационное самосознание. Ахалтекинская лошадь, известная своей необычайной красотой, выносливостью и благородством, на протяжении столетий фигурировала в письменных источниках, летописях, народных сказаниях, художественных произведениях и изобразительном искусстве, формируя устойчивый символ движения, силы, грации и ответственности перед обществом и будущими поколениями. Этот символ, сохранившийся и адаптированный к современности, выполняет функцию не только эстетического украшения, но и интегративного элемента, объединяющего историческое наследие, национальную идентичность и государственную политику. В культурной памяти туркменского народа скакун олицетворяет идеалы, к которым стремится государство: благородство действий, гармонию с окружающей средой, способность к динамическому и целенаправленному развитию, сочетание силы и уравновешенности, что делает образ крылатого скакуна естественным метафорическим продолжением концепции нейтралитета [2, с. 10].

Экономическое развитие Туркменистана в условиях нейтралитета является ярким примером того, как политический статус страны может формировать условия для устойчивого и стратегически выверенного экономического роста. Экономическая политика государства ори-

ентирована на рациональное использование природных ресурсов, диверсификацию экономических секторов, развитие инфраструктуры и поддержание внешнеэкономических связей на принципах взаимной выгоды и доверия. Нейтралитет в этом контексте обеспечивает стране пространство для гибкой и самостоятельной внешнеэкономической стратегии, позволяя Туркменистану сохранять автономность решений, привлекать инвестиции и развивать отрасли, ключевые для внутреннего устойчивого развития, без необходимости подчиняться внешним геополитическим давлениям. Под руководством Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова экономика рассматривается как инструмент, обеспечивающий социальное благополучие населения, укрепление национального суверенитета и долгосрочное процветание, что полностью соответствует принципам стратегического планирования и национальной концепции нейтралитета [5, с. 15–21].

Таким образом, девиз года «Страна нейтралитета под знаком крылатых скакунов» является не случайным, а глубоко концептуально выверенным образом, который отражает сущностные характеристики туркменской государственности и объединяет в себе политическую, экономическую и культурную стратегию страны. В этом контексте фигура Президента страны Сердара Бердымухамедова выступает не просто как руководитель, а как символ преемственности, мудрости, дальновидности и уверенного движения вперед — движения, которое, подобно полету крылатого скакуна, сочетает свободу и ответственность, стремительность и гармонию, силу и благородство, формируя устойчивую модель национального развития и международного авторитета, на которой базируется современное и будущее процветание Туркменистана.

Литература:

1. Мурадов Р. Нейтралитет Туркменистана как фактор внутренней стабильности и социального развития //Образование и наука в XXI веке. — 2025. — №. 67–1 (том 2).
2. Мыраттурдыева Н., Бяшимова С., Тедженова Г. Нейтралитет Туркменистана—действенный фактор обеспечения мира, безопасности и устойчивого развития //Образование и наука в XXI веке. — 2025. — №. 67–3 (том 4).
3. Перманова Ш., Оразгельдиева Н., Меканов С. Постоянный нейтралитет Туркменистана как фактор устойчивого развития и международного сотрудничества //Образование и наука в XXI веке. — 2025. — №. 67–1 (том 2).
4. Реджепова Г., Атаева А. Веха нейтралитета: Туркменистан в международный год мира и доверия //Символ науки. — 2025. — №. 5–1. — С. 134–136.
5. Худайбергенова Г., Чашемова А., Аррыкова В. Историческое значение нейтралитета Туркменистана: 30 лет суверенной внешней политики //Образование и наука в XXI веке. — 2025. — №. 67–1 (том 2). — С. 15–21.

Политика зеленой инфраструктуры в условиях ресурсно-ориентированной экономики на примере России и Норвегии

Игнатенко Степан Владимирович, студент;

Чередова Людмила Анатольевна, студент

Научный руководитель: Нечай Екатерина Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Страны с ресурсно-ориентированной экономикой сталкиваются с фундаментальным противоречием между краткосрочной рентной логикой и долгосрочными целями устойчивого развития городов. Несмотря на схожую экономическую базу (зависимость от экспорта углеводородов), внедрение зеленой инфраструктуры и повышения качества городской среды, в России и Норвегии демонстрируют значительные различия, обусловленные в первую очередь политико-институциональными факторами.

Сравнительный политico-институциональный анализ Российской Федерации и Королевства Норвегия выявляет, что ключевыми различиями между двумя государствами являются: модель управления (консенсусная/иерархическая), механизмы распределения капитала, получаемого от продажи природных ресурсов; а также степень интеграции принципов зеленой инфраструктуры в системное стратегическое планирование.

На основании анализа делается вывод о том, что при схожей экономической базе именно качество институтов и эффективность их работы определяет возможность инвестировать капитал, получаемый из природной ренты, в зеленую инфраструктуру.

Ключевые слова: зеленая инфраструктура, сине-зеленая инфраструктура, ресурсно-ориентированная экономика, рента, институциональная ловушка, городское планирование.

Политика зеленой инфраструктуры в Норвегии

Норвегия представляет собой уникальный пример государства, в котором зависимость экономики от природных ресурсов не стала препятствием для экологической модернизации, но, напротив, была превращена в ее прочный финансовый фундамент. Главным фактором успеха стала институциональная эффективность государства и общества конвертировать прибыль, получаемую от продажи природных ресурсов, в системную политику устойчивого развития.

Основой норвежской экологической политики является консенсусная модель управления, характеризующаяся высоким уровнем кооперации между государственными органами, научным сообществом, экологическими правительственные и неправительственные организациями (Norwegian environment agency, Bellona (признана нежелательной на территории РФ)), бизнес-ассоциациями. Экологические инициативы, включая проекты ЗИ, проходят этапы широких публичных обсуждений и экспертной оценки, что гарантирует легитимность принятых решений и минимизируют риск социального сопротивления. Так, к примеру, в своей работе по сохранению культурных ланд-

шафтов Норвежское агентство по охране окружающей среды сотрудничает с сельскохозяйственным сектором, Управлением по охране культурного наследия и несколькими научно-образовательными сообществами. Данная модель соответствует корпоративистской традиции, где основные социальные группы вовлечены в выработку политики, что обеспечивает ее стабильность и легитимность.

Кроме того, стратегические решения в области климата и городского развития, такие как «Закон о планировании и строительстве» [9]¹ или «План действий по климату до 2030 года» [10]² Норвежского банка, формируются вне зависимости от краткосрочных выборов и парламентских циклов, отражая единогласное мнение о приоритетах устойчивого развития. Данная модель принятия решений также позволяет интегрировать передовые научные подходы, такие как природо-ориентированные решения³ и концепцию «сине-зеленой инфраструктуры»⁴, в официальные стратегии и нормативные документы на национальном и муниципальном уровнях.

«Закон о планировании и строительстве» устанавливает иерархическую систему планирования (национальный, региональный, муниципальный уровни), в рамках которой экологические цели внесены в муни-

¹ «Закон о планировании и порядке рассмотрения строительных дел», широко известный как «Закон о планировании и строительстве» (норв. *Plan- og bygningsloven*), регулирует все территориальное планирование, использование земель, застройку и охрану окружающей среды на национальном, региональном и муниципальном уровнях. Принят 27 июня 2008 года.

² «План действий по климату до 2030 года» — это стратегический документ от Управления инфраструктуры Норвежского банка, который описывает, как фонд будет управлять климатическими рисками и возможностями в своем инвестиционном портфеле. План включает цели по сокращению выбросов и увеличению инвестиций в зеленые технологии.

³ Природо-ориентированные решения — это подходы, использующие природные особенности, процессы и элементы для решения социально-экологических задач.

⁴ Концепция сине-зелёной инфраструктуры — это гибридная концепция, объединяющая зелёные пространства и водные системы для создания устойчивой экосистемы, которая обеспечивает экосистемные услуги и улучшает благополучие жителей.

ципальные планы. Реализация этих планов сопровождается обязательной оценкой воздействия на окружающую среду для всех проектов, что стимулирует природно-ориентированные решения, а также правом муниципалитетов на защиту ценных природных территорий через зонирование (муниципалитеты обладают правом выделять и защищать зеленые зоны, береговые линии, сельскохозяйственные земли и другие ценные территории через зонирование). Таким образом, закон создает правовую систему, в которой указаны конкретные стратегии и механизмы воплощения проектов зеленой инфраструктуры, что делает данную политику системной и предсказуемой.

Основой норвежской модели является механизм управления природной рентой. Доходы от нефтегазового сектора систематически направляются в Государственный пенсионный фонд глобального значения (Government Pension Fund Global). Фонд действует как гарант финансовой устойчивости государства и инструмент межпоколенного распределения богатства, что позволяет муниципалитетам планировать долгосрочные инвестиции в зеленую инфраструктуру, не опасаясь резких сокращений бюджета из-за колебаний цен на нефть. Эффективность такого подхода, основанного на долгосрочном планировании и целевых инвестициях, подтверждается детальными технико-экономическими расчётами для конкретных городских проектов, демонстрирующими высокую социально-экономическую отдачу от вложений в сине-зелёную инфраструктуру (см., напр., исследование по району Грефсен в Осло) [8].

Таким образом, политика зеленой инфраструктуры в Норвегии демонстрирует, что ресурсно-ориентированная экономика может стать драйвером, а не барьером для экологической модернизации при наличии трех ключевых условий: 1) консенсусных политических институтов, обеспечивающих долгосрочное планирование и участие представителей гражданского общества; 2) прозрачного и целевого механизма преобразования природной ренты в инвестиции в устойчивое развитие; 3) системной интеграции принципов ЗИ в климатическую, экологическую и градостроительную политику на всех уровнях управления.

Российский опыт

Российский опыт демонстрирует, как аналогичная экономическая база — зависимость от экспорта углеводородов — в ином политико-институциональном контексте порождает противоречие между краткосрочной рентной логикой и целями устойчивого развития. Реализация политики зеленой инфраструктуры в России характеризуется не системной интеграцией, а фрагментарностью и высокой зависимостью от конъюнктурных решений.

В России доминирует иерархическая, централизованная модель принятия решений, кардинально отличающаяся от норвежского консенсуального корпоративизма. Если в Норвегии зеленая инфраструктура интегриро-

вана в единую систему планирования «сверху-вниз» и «снизу-вверх», то в России наблюдается разрыв между федеральными стратегиями и их реализацией на региональном и муниципальном уровнях. Нормативные требования федерального законодательства (например, ФЗ «Об охране окружающей среды» [11]) на практике систематически игнорируются: как отмечают надзорные органы, региональные и муниципальные власти нередко санкционируют изменение границ зеленых зон и упрощенные процедуры оценки ущерба для реализации коммерческих проектов в ущерб экологическому каркасу [7]. Сложившуюся ситуацию можно интерпретировать через концепцию институциональной ловушки [1], когда неэффективная норма — в данном случае централизованное принятие решений при формально федеративном устройстве — становится устойчивой. Ее устойчивость поддерживается эффектом координации: регионы и муниципалитеты, адаптировавшиеся к логике исполнения спущенных сверху указаний, несут высокие издержки при попытке перехода к самостоятельному, долгосрочному стратегическому планированию, необходимому для развития зеленой инфраструктуры. Дополнительными стабилизирующими факторами выступают эффект сопряжения — глубокая встроенность этой нормы в бюджетный процесс, систему отчетности и вертикаль власти, а также культурная инерция сложившейся управлеченческой практики. В результате система оказывается запертой в институциональной ловушке, которая воспроизводит несогласованность действий и препятствует формированию гибкой, многоуровневой политики зеленой инфраструктуры, аналогичной норвежской.

Институциональное различие между норвежской и российской моделями наиболее отчётливо проявляется в механизмах управления природной рентой. Если в Норвегии нефтегазовые доходы аккумулируются в целевых фондах долгосрочного развития, то в России они преимущественно консолидируются в рамках текущего государственного бюджета. Такая фискальная архитектура формирует устойчивую зависимость от конъюнктуры мировых рынков и воспроизводит рентоориентированное поведение экономических агентов, сосредоточенных на перераспределении ресурсных потоков, а не на создании устойчивых общественных благ.

Эта модель создаёт системные институциональные барьеры для реализации политики зелёной инфраструктуры, действуя через комплекс взаимосвязанных механизмов. Во-первых, группы интересов, связанные с сырьевым и строительным секторами, осуществляют нормативно-правовое лobbирование, направленное на смягчение экологических требований для ускоренной реализации капиталоёмких проектов. Иллюстрацией данного механизма являются поправки в Федеральный закон «Об охране озера Байкал» [2], принятые в конце 2020 — начале 2021 года для облегчения строительства инфраструктуры Особой экономической зоны (ОЭЗ) «Ворота Байкала». Эти изменения, инициированные, по мнению

экспертов финансово-экономического журнала *Forbes* [5], в интересах туристско-строительного комплекса, позволили исключить строительство объектов ОЭЗ из перечня запрещённых видов деятельности в центральной экологической зоне Байкала. Это ослабило природоохраный режим уникальной территории, создав прецедент для фрагментации экологического каркаса в угоду коммерческим проектам. На практике подобное лоббирование повсеместно выражается в упрощении процедур оценки воздействия на окружающую среду и изменении видов разрешённого использования земель, что ведёт к фрагментации природных территорий и ослаблению правовых основ экологического каркаса.

Во-вторых, ориентация на краткосрочное освоение средств порождает устойчивые бюджетные диспропорции, выражющиеся в системном перекосе финансирования в пользу «серой» инфраструктуры — магистралей и транспортных развязок — в ущерб комплексным программам восстановления природных территорий. Как следствие, финансирование зелёных инициатив приобретает точечный, проектный характер, подчиняясь логике сиюминутных имиджевых или политических задач, а не долгосрочному стратегическому планированию устойчивого развития.

Таким образом, рентно-ориентированная модель не просто ограничивает ресурсное обеспечение зелёной инфраструктуры, но и формирует институциональную среду, в которой соответствующие проекты системно уступают в конкуренции за финансирование и нормативные преимущества более быстрым и коммерчески ориентированным инфраструктурным решениям. Существующая ситуация воспроизводит условия, при которых краткосрочная экономическая логика преобладает над долгосрочными целями экологической устойчивости и качества городской среды.

Кроме того, в отличие от норвежской модели, в России институты для широкого публичного обсуждения и формирования консенсуса по экологическим вопросам развиты слабо. Гражданское общество и независимые экспертные сообщества зачастую имеют ограниченный доступ к процессу принятия ключевых решений, что снижает легитимность политики, увеличивает риски социального сопротивления и затрудняет учет локальных особенностей при планировании зеленой инфраструктуры.

Ситуация усложняется региональным неравенством, в связи с чем возникает дилемма: сосредоточить усилия и инвестиции в наиболее развитых урбанизированных центрах (где запрос на качество среды максимален) или пытаться нивелировать неравенство через распределение средств в менее развитые регионы. В отсутствие четких национальных приоритетов и механизмов выравнивания это приводит к лоскутности политического ландшафта зеленой инфраструктуры. Города-миллионники характеризуются наличием собственной стратегии, бюджета и реализованных проектов, подкрепленных законами. Москва, например, имеет законодательную основу в виде Закона

города Москвы от 13 ноября 2024 г. № 27 «Об охране и использовании зеленого фонда в городе Москве» [3]. Этот документ не просто декларирует намерения, а устанавливает правовые механизмы и институциональную основу для системной политики. Закон вводит ключевые для современной «зеленой» повестки понятия «зеленого каркаса» (как связной экологической сети, Статья 7) и «экосистемных функций» (прямых и косвенных выгод, таких как регулирование микроклимата и адаптация к его изменениям, Статья 1). Через отраслевую схему развития зеленого фонда (Статья 8) экологические цели переводятся в планировочные решения, а также устанавливаются обязательные показатели озелененности (Статья 6). Периферийные же регионы с низкой бюджетной обеспеченностью характеризуются отсутствием темы зеленой инфраструктуры в повестке, экология сводится к санитарно-гигиеническому минимуму. Их участие в федеральных проектах часто ограничивается формальным выполнением нормативов по озеленению («посадили дерево») без учета инфраструктурной роли зеленых зон, а собственные стратегии развития не содержат понятий «экологический каркас» или «зеленая инфраструктура».

Таким образом, политика зеленой инфраструктуры в России служит иллюстрацией того, как потенциал ресурсной экономики для финансирования перехода к устойчивому развитию блокируется институциональными ограничениями. К ним относятся: иерархическая и централизованная модель управления, создающая координационные проблемы; механизм распределения ренты, поощряющий краткосрочные интересы и рентоориентированное поведение; слабое вовлечение гражданского общества и экспертов; а также глубокое региональное неравенство. В результате, несмотря на наличие отдельных успешных проектов и рамочных стратегических документов, политика зеленой инфраструктуры в России остается фрагментированной и зависимой от конъюнктуры, что приводит к процикличности экологических расходов: в периоды высоких цен на нефть возможны единовременные вливания в определенные проекты, тогда как в периоды падения цен программы зеленой инфраструктуры откладываются или сокращаются в первую очередь.

Заключение

Проведенный сравнительный политико-институциональный анализ подходов к формированию зеленой инфраструктуры в Норвегии и России позволяет утверждать, что траектории экологической модернизации определяются не столько моделью экономики, сколько качеством управлений институтов. Норвежский опыт демонстрирует модель системной интеграции, где консенсусная система управления, прозрачный механизм преобразования природной ренты через Государственный пенсионный фонд и иерархически выстроенное законодательство создают устойчивую основу для долгосрочных инвестиций в зеленую инфраструктуру. Это превращает

зависимость от углеводородов из потенциального препятствия в драйвер «зеленой» трансформации.

В свою очередь, российская практика иллюстрирует иной сценарий, при котором аналогичная экономическая база порождает фрагментарную и конъюнктурную политику. Доминирование иерархической, централизованной модели принятия решений, ориентация бюджета на краткосрочное освоение ренты, слабое вовлечение экспертного и гражданского сообщества, а также глубокое региональное неравенство формируют комплекс институциональных барьеров. Эти барьеры воспроизводят ситуацию, в которой проекты зеленой инфраструктуры системно проигрывают в конкуренции за ресурсы и нормативные приоритеты более быстрым коммерческим инициативам, что ведет к процикличности экологических расходов и фрагментации экологического каркаса.

Таким образом, исследование подтверждает центральный тезис о решающей роли политico-институциональных факторов. Наличие ресурсной ренты является необходимым, но недостаточным условием для перехода к устойчивому развитию городов. Ключевое

значение имеет способность государства и общества создавать институты, способные трансформировать этот финансовый поток в стратегические инвестиции в общественные блага долгосрочного характера. Следовательно, в России должен закрепиться переход от точечного озеленения к признанию зеленой инфраструктуры в качестве многофункционального экологического каркаса. Подобная трансформация невозможна без должной законодательной базы, в которой обосновывается обязательная интеграция принципов зеленой политики во все уровни территориального планирования. Это меры, необходимость которых прямо вытекает из диагноза, поставленного в академических исследованиях состояния экологических каркасов российских городов [6]. Норвежский пример, таким образом, служит не образцом для прямого заимствования, а доказательством принципиальной возможности адаптации модели ресурсно-ориентированной экономики к целям экологической устойчивости при наличии дееспособных институтов, способных обеспечить долгосрочную перспективу таким преобразованиям.

Литература:

1. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Российская экон. Школа. М., 1998. 42с URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/99-04-020-polterovich-v-m-institutsionalnye-lovushki-i-ekonomicheskie-reformy-rossiyskaya-ekon-shkola-m-1998-42s/viewer> (Дата обращения 10.01.2026).
2. Законопроект № 387575–8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране озера Байкал» и отдельные законодательные акты Российской Федерации URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/387575-8> (Дата обращения 7.01.2026).
3. Закон города Москвы от 13 ноября 2024 г. № 27 «Об охране и использовании зеленого фонда в городе Москве» URL:<https://www.mos.ru/authority/documents/doc/54786220/> (Дата обращения 10.01.2026).
4. Иллюстрации концепции зеленой инфраструктуры/ Европейская комиссия URL: https://environment.ec.europa.eu/topics/nature-and-biodiversity/green-infrastructure_en (Дата обращения 5.01.2026).
5. Почему поправки в закон об охране Байкала угрожают сохранению экосистемы озера? // Forbes. 2024. URL: <https://www.forbes.ru/sustainability/515625-rosemu-popravki-v-zakon-ob-ohrane-bajkala-ugrozaut-sohraneniu-ekosistemy-ozera> (дата обращения: 9.01.2026).
6. Климанова О. А., Колбовский Е. Ю., Илларионова О. А. Экологический каркас крупнейших городов Российской Федерации: современная структура, территориальное планирование и проблемы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле, 2018. Т. 63. № 2. С. 127–146. URL:<https://doi.org/10.21638/11701/sbp07.2018.201>
7. Ермохин А. А. Анализ исторического развития зелёной инфраструктуры/ StudArctic forum. 2020. № 4. С. 2. URL: <https://saf.petsru.ru/journal/article.php?id=5041> (Дата обращения: 10.01.2026).
8. Wilbers G.-J., de Bruin K., Seifert-Dähn I. et al. Investing in Urban Blue-Green Infrastructure—Assessing the Costs and Benefits of Stormwater Management in a Peri-Urban Catchment in Oslo, Norway // Sustainability. 2022. Vol. 14, Iss. 3. P. 1934. <https://doi.org/10.3390/su14031934>
9. «Закон о планировании и порядке рассмотрения строительных дел» (норв. Plan- og bygningsloven). URL: <https://www.regjeringen.no/en/documents/planning-building-act/id570450/> (Дата обращения: 5.01.2026)
10. План действий по климату до 2030 года» от Управления инфекциями Норвежского банка URL: <https://www.norge.ru/news/2025/10/22/207481.html> (Дата обращения: 05.01.2026)
11. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17718> (Дата обращения 9.01.2026)
12. Законопроект № 161119–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране озера Байкал» и статью 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/161119-8> (Дата обращения: 9.01.2026)

СОЦИОЛОГИЯ

Государственная политика в сфере культуры: основные направления, механизмы реализации, проблемы и перспективы развития

Малханов Александр Данилович, студент магистратуры

Научный руководитель: Родионова Дарья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье рассматривается государственная культурная политика современной России как ключевой инструмент сохранения духовных оснований общества, национальной идентичности и культурного суверенитета. Анализируется нормативно-правовая база, включая стратегические документы и государственные программы, которые определяют цели, приоритеты и механизмы развития культурной сферы. Раскрывается содержание основных целей культурной политики: поддержание единого культурного пространства, укрепление гражданской идентичности, передача традиционных ценностей и создание условий для самореализации личности. В работе представлены количественные и качественные результаты реализации национального проекта, показывающие масштаб проведенных ремонтов, технического обновления учреждений и расширения онлайн-доступа к культурным ресурсам. Отдельно анализируются текущие проблемы: неравномерность культурного развития регионов, дефицит квалифицированных кадров, недостаточная ресурсная обеспеченность и снижение культурного потребления со стороны населения. Рассматриваются внешние вызовы, связанные с информационным и ценностным давлением, и обосновывается необходимость защиты культурного пространства России как элемента национальной безопасности. Делается вывод о том, что дальнейшее совершенствование государственной культурной политики требует системного управления, развития партнерства государства, общества и бизнеса, а также расширения использования цифровых и проектных инструментов.

Ключевые слова: государственная культурная политика, культурный суверенитет, национальный проект Культура, культурное наследие, инфраструктура культуры, духовно-нравственные ценности, цифровизация культуры.

State policy in the sphere of culture: main directions, implementation mechanisms, problems, and development prospects

Malkhanov Alexander Danilovich, master's student

Scientific advisor: Rodionova Daria Nikolaevna, phd in sociology, associate professor
Buryat State University named after Dorzhi Banzarov (Ulan-Ude)

The article examines the state cultural policy of modern Russia as a key tool for preserving the spiritual foundations of society, national identity, and cultural sovereignty. It analyzes the legal framework, including strategic documents and government programs, which define the goals, priorities, and mechanisms for developing the cultural sector. The article reveals the main objectives of the cultural policy, which include maintaining a unified cultural space, strengthening civic identity, transmitting traditional values, and creating conditions for personal self-realization. The article presents quantitative and qualitative results of the national project, showing the scale of renovations, technical upgrades of institutions, and increased online access to cultural resources. Current problems are analyzed separately: uneven cultural development in the regions, a shortage of qualified personnel, insufficient resource availability, and a decline in cultural.

Keywords: state cultural policy, cultural sovereignty, the national project Culture, cultural heritage, cultural infrastructure, spiritual and moral values, and digitalization of culture.

Культура является фундаментальной основой развития общества, определяющей духовно-нравственные ориентиры, национальную идентичность и ци-

вилизационную самобытность государства. В условиях современных глобализационных процессов и возрастающего внешнего культурного давления вопросы формиро-

вания и реализации эффективной государственной культурной политики приобретают особую актуальность [1].

Государственная культурная политика Российской Федерации представляет собой систему целей, принципов, задач и мероприятий, направленных на укрепление гражданской идентичности, сохранение единого культурного пространства, обеспечение культурного суверенитета страны и реализацию творческого потенциала каждого человека [2]. Правовую основу государственной культурной политики составляют Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808, и Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р [3].

Государственная культурная политика определяется как совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также комплекс мероприятий, направленных на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры [4]. Основные принципы государственной культурной политики включают:

- территориальную и социальную справедливость и равенство всех граждан в правах, свободах и возможностях участия в культурной жизни;
- единство и взаимодополняемость культурной деятельности государства, бизнеса и общественных институтов;
- приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- обеспечение культурного суверенитета и защита культурного пространства от деструктивных внешних воздействий;
- повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве.

Согласно Основам государственной культурной политики, главной целью является обеспечение приоритетного культурного и гуманитарного развития как основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны. К ключевым целям относятся:

1. Сохранение единого культурного пространства Российской Федерации.
2. Укрепление гражданской идентичности и единства российского общества.
3. Создание условий для воспитания гармонично развитой личности и реализации каждым человеком его творческого потенциала.
4. Передача от поколения к поколению традиционных для российского общества ценностей, норм и обычаев.
5. Обеспечение культурного суверенитета страны и повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве.

Правовую основу государственной культурной политики Российской Федерации составляет система взаимосвязанных документов:

– Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808;

– Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 11 сентября 2024 г. № 2501-р;

– Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры», утвержденная постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317;

– Указ Президента РФ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года.

11 сентября 2024 года Правительством Российской Федерации была утверждена обновленная Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, которая определяет приоритетные направления развития культурной сферы на ближайшие семь лет. Среди ключевых задач Стратегии:

о формирование государственного заказа на создание качественного контента, в том числе произведений литературы, искусства, печатной продукции, национальных фильмов;

– сохранение культурного наследия и исторической памяти;

– обеспечение максимальной доступности культурных благ для широких слоев населения;

– продвижение в культурном пространстве традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

– противодействие деятельности недружественных государств, направленной на разрушение базовых моральных и культурных норм и подрыв культурного суверенитета Российской Федерации [12].

Национальный проект «Культура» является ключевым инструментом достижения целей и задач государственной культурной политики. Проект реализуется с 2019 года и включает три федеральных проекта:

1. «Культурная среда» — направлен на модернизацию инфраструктуры культуры, включая строительство и капитальный ремонт сельских домов культуры, модернизацию детских театров, создание модельных библиотек, реконструкцию муниципальных музеев.

2. «Творческие люди» — направлен на развитие творческого потенциала, поддержку деятелей культуры и искусства, непрерывное повышение квалификации работников культуры.

3. «Цифровая культура» — направлен на внедрение цифровых технологий в культурное и образовательное пространство, создание виртуальных концертных залов, обеспечение онлайн-доступа к культурным ценностям.

На реализацию государственной программы «Развитие культуры» предусмотрены значительные бюджетные ассигнования. В 2022–2024 годах общее финансирование составило более 440 млрд рублей, при этом на 2022 год было выделено более 146 млрд рублей, на 2023 год — также более 146 млрд рублей, на 2024 год — более 148 млрд рублей [5].

На реализацию федеральных проектов, входящих в национальный проект «Культура», в период с 2022 по 2024 годы было предусмотрено более 129 млрд рублей [6]. При

этом кассовое исполнение национального проекта «Культура» составляет 100 %, что свидетельствует о высокой эффективности использования выделенных средств.

Таблица 1. Финансирование сферы культуры в 2022–2024 гг

Показатель	2022 год	2023 год	2024 год
Финансирование госпрограммы «Развитие культуры», млрд руб.	146+	146+	148+
Финансирование нацпроекта «Культура» (федеральные проекты), млрд руб.	-	-	129+ (общий объем)
Кассовое исполнение, %	100	100	100

По итогам реализации национального проекта «Культура» достигнуты следующие результаты [7]:

- проведен капитальный ремонт 2700 учреждений культуры;
- для 6000 учреждений закуплено современное технологическое оборудование;
- открыты Центры культурного развития в Кабардино-Балкарской и Чеченской республиках, Хабаровском крае и Тульской области;
- свыше 60 миллионов граждан посмотрели онлайн-трансляции мероприятий и посетили виртуальные выставки;
- создано 320 виртуальных концертных залов на площадках учреждений культуры;
- около 800 специалистов успешно прошли профильную переподготовку и профессиональное обучение;
- реализовано 36 выставочных проектов ведущих федеральных и региональных музеев;
- вручено 400 стипендий творческим деятелям культуры [8].

Нацпроект реализуется во всех 89 субъектах Российской Федерации, при этом 99 % всех выделяемых средств работают в регионах. Особое внимание уделяется новым субъектам Российской Федерации: в 2023 году федеральные музеи организовали и провели порядка 300 выставочных проектов в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях.

Важным инструментом повышения доступности организаций культуры для молодежи является программа социальной поддержки «Пушкинская карта», охватывающая граждан в возрасте от 14 до 22 лет [9]. Программа позволяет молодым людям бесплатно посещать театры, музеи, выставки, концерты и другие культурные мероприятия, способствуя формированию устойчивого интереса к культуре и искусству.

При описании текущего положения дел в российской культурной сфере и практики реализации государственной культурной политики можно выделить целый комплекс устойчивых проблем. В первую очередь обращает на себя внимание запаздывающая модернизация инфраструктуры: многие учреждения культуры, особенно расположенные в сельской местности и небольших городах, функционируют в устаревших зданиях, не имеют современного оснащения и не позволяют реализовывать

актуальные форматы культурной деятельности. Темпы обновления сети домов культуры, клубов, библиотек, музеев и других организаций заметно отстают от реальных потребностей населения и от тех задач, которые декларируются в стратегических документах. В результате доступ к качественным культурным услугам оказывается пространственно и социально неравномерным.

Не менее значимой является проблема ресурсного обеспечения. Значительная часть учреждений культуры не располагает достаточным количеством финансовых, кадровых и материально-технических ресурсов, чтобы внедрять современные технологии, развивать новые виды услуг, расширять работу с различными категориями посетителей. Особенно остро ощущается нехватка современного технологического оборудования: мультимедийных комплексов, звуковой и световой аппаратуры, специализированного программного обеспечения, средств цифровой трансляции и хранения контента. Это сдерживает переход к новым форматам работы, таким как онлайн-мероприятия, интерактивные экспозиции, гибридные образовательные программы, что в свою очередь снижает привлекательность учреждений культуры для молодежи и активной части населения.

Ситуацию дополнительно осложняют глубокие региональные различия. Между крупными городами и удаленными территориями сохраняется существенный разрыв как по количеству учреждений культуры на душу населения, так и по уровню качества предоставляемых услуг. В одних регионах формируются современные культурные кластеры, создаются новые сцены, креативные пространства, реализуются масштабные проекты, а в других жители вынуждены довольствоваться минимальным набором традиционных мероприятий. Подобная асимметрия ведет к тому, что культурные права граждан реализуются не в равной мере, а культурная политика фактически приобретает фрагментарный характер. Медленное обновление материально-технической базы лишь закрепляет эти различия: капитальные ремонты, реконструкции и строительство новых объектов часто откладываются, что приводит к физическому износу зданий и ухудшению условий работы коллективов.

Отдельного внимания заслуживает положение дел в системе художественного и эстетического образования. Детские школы искусств, которые выполняют важнейшую

функцию по раннему выявлению и поддержке одаренных детей, а также по формированию у подрастающего поколения устойчивого интереса к искусству, нередко воспринимаются как второстепенное звено. Их потенциал в формировании культурной среды и воспитании будущих зрителей, слушателей, участников творческих практик используется не в полной мере. При этом кадровая составляющая также вызывает серьезные опасения: система подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников культуры и искусства не всегда отвечает современным требованиям, в регионах ощущается острый дефицит профессиональных кадров, а наиболее талантливые специалисты нередко переезжают в столичные и крупные городские центры, где выше уровень оплаты труда и профессиональных возможностей.

Еще одной проблемой становится изменение структуры расходов населения. Доля затрат на посещение культурных мероприятий, приобретение билетов в театры и музеи, участие в платных кружках, студиях и иных формах культурного досуга сокращается по сравнению с обязательными статьями семейного бюджета. Для значительной части граждан участие в культурной жизни постепенно превращается из регулярной потребности в эпизодическое событие. Это ведет к уменьшению числа постоянных посетителей учреждений культуры, снижению вовлеченности людей в коллективные формы творчества и общественной активности. Как следствие, ослабевают механизмы передачи культурного опыта между поколениями, формирование и воспроизводство культурного капитала общества оказывается под угрозой: культурные практики уступают место более простым и зачастую поверхностным форматам развлечений.

Особо острый характер приобретают внешние вызовы, связанные с информационным и идеологическим воздействием недружественных государств и структур. Через различные медиийные каналы, развлекательный контент, социальные сети распространяются модели поведения и ценностные установки, которые подрывают традиционные представления о семье, браке, нравственных нормах, исторической памяти. Целенаправленная дискредитация национальных культурных символов, попытки исказить исторические события, навязывание чуждых культурных образцов ведут к эрозии культурного суверенитета. В условиях развернувшегося информационного противостояния защита национального культурного пространства, поддержка собственных духовных и художественных традиций, развитие отечественного культурного продукта становятся не только гуманитарной, но и стратегически важной задачей, напрямую связанной с обеспечением национальной безопасности.

Для решения обозначенных вызовов и повышения результативности государственной культурной политики планируется комплекс организационных и управленческих преобразований. В первую очередь это касается оптимизации процессов согласования действий между орга-

нами власти всех уровней — от федерального центра до местных администраций. Предусматривается внедрение более четких протоколов взаимодействия, которые минимизируют пересечения полномочий и ускорят принятие решений по культурным инициативам.

Дополнительно акцентируется внимание на формировании централизованной платформы для отслеживания и анализа показателей эффективности. Такая система позволит в реальном времени оценивать успехи программ, выявлять узкие места и оперативно корректировать стратегии на основе объективных данных. Особый упор делается на гармонизацию усилий различных ведомств при запуске и сопровождении культурных начинаний, что обеспечит целостный подход к реализации проектов.

Одним из ведущих векторов развития становится выравнивание культурного ландшафта по всей территории страны. Здесь речь идет о приведении сети учреждений культуры в соответствие с установленными стандартами плотности и доступности: чтобы жители любого уголка, будь то мегаполис или глубинка, имели равные шансы на участие в культурной жизни. Это подразумевает не только строительство и реконструкцию объектов, но и унификацию стандартов обслуживания, чтобы качество услуг не зависело от географического положения.

Критически важным шагом признается ускоренное освоение цифровых инструментов в культурной среде. Планируется развертывание обширных электронных хранилищ — от оцифрованных архивов редких рукописей до интерактивных галерей и библиотек в виртуальном формате. Онлайн-платформы для прямых трансляций спектаклей, концертов и лекций сделают культурные ресурсы доступными для людей с ограниченными возможностями передвижения или живущих в труднодоступных районах, фактически стирая барьеры пространства и времени.

Развитие сектора творческих профессий и креативных отраслей позиционируется как мощный драйвер экономического роста и социального прогресса. Государство намерено ввести специальные инструменты поддержки — от налоговых льгот и грантов до упрощенных процедур регистрации для стартапов в сфере дизайна, медиаискусства и контент-продакшена. Важно создать атмосферу, где идеи могут свободно воплощаться, а инициаторы получают ресурсы для масштабирования, при этом активно развивая модели совместных инвестиций между властью и частным сектором.

В geopolитическом контексте, несмотря на ограничения и внешнее давление, продолжается укрепление связей в культурной сфере с партнерами из стран, разделяющих общие ценности. Особое место занимает экспорт достижений российского искусства, литературы и музыки, а также популяризация языка как моста к мировой аудитории. Программы обмена, совместные фестивали и выставки помогают сохранять и продвигать национальное творчество за пределами страны, укрепляя мягкую силу и позиции на международной арене. Культурная дипломатия превращается в стратегический

актив, способствующий формированию позитивного образа России и расширению сети надежных союзников.

Заключение

Государственная культурная политика Российской Федерации представляет собой комплексную систему мер, направленных на сохранение и развитие культурного потенциала страны, укрепление гражданской идентичности, обеспечение культурного суверенитета. Принятие Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года и успешная реализация национального проекта «Культура» свидетельствуют о понимании государством стратегической важности культурной сферы для развития общества.

Вместе с тем существуют значительные проблемы, требующие решения: недостаточная инфраструктура куль-

туры, особенно в регионах; дефицит квалифицированных кадров; снижение культурной активности населения; недостаточная межведомственная координация. Преодоление этих проблем требует не только увеличения финансирования, но и совершенствования механизмов управления, развития государственно-частного партнерства, внедрения современных технологий.

В условиях современных geopolитических вызовов культура становится важнейшим фактором сохранения национальной идентичности, суверенитета и цивилизационной самобытности России. Дальнейшее развитие государственной культурной политики должно основываться на принципах сохранения традиционных ценностей, обеспечения доступности культурных благ для всех граждан, поддержки творческого потенциала и защиты культурного пространства от деструктивных внешних воздействий.

Литература:

1. Основы государственной культурной политики / Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. URL: <http://kremlin.ru/events/administration/21027> (дата обращения: 25.01.2026).
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры» / Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317 (с изменениями на 25 декабря 2024 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091763> (дата обращения: 25.01.2026).
3. О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года / Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 г. № 2501-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1307324530> (дата обращения: 25.01.2026).
4. Кабмин утвердил новую Стратегию государственной культурной политики // Енисейское управление Ростехнадзора. 16.09.2024. URL: <http://enis.gosnadzor.ru/news/67/10670/> (дата обращения: 26.01.2026).
5. Более 440 млрд рублей предусмотрены на госпрограмму «Развитие культуры» в 2022–2024 годах // Министерство культуры Российской Федерации. URL: https://culture.gov.ru/press/news/bolee_440_mlrd_rublej_predusmotreny_na_gosprogrammu_razvitie_kultury_v_2022_2024_godakh_/ (дата обращения: 26.01.2026).
6. Финансирование нацпроекта «Культура» в 2021–2023 // ТАСС. 30.09.2020. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/9593451> (дата обращения: 26.01.2026).
7. В Госдуме подвели итоги нацпроекта «Культура» // Парламентская газета. 11.05.2024. URL: <https://www.pnp.ru/culture/v-gosdume-podveli-itogi-nacproekta-kultura.html> (дата обращения: 26.01.2026).
8. Итоги реализации НП «Культура» по итогам 2022 года / Совет Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/zoS4IWaYYD7vgqEjJzLSCSboFyY6jw9T.pdf> (дата обращения: 27.01.2026).
9. Проблемы предлагаемой стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года // Cinemaplex. 18.09.2024. URL: <https://cinemaplex.ru/2024/09/19/problemy-predlagаемoj-strategii-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki-na-period-do-2030-goda.html> (дата обращения: 27.01.2026).

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Концепты «ан-Нур» («свет») и «'акль» («разум») как основа семантического поля «просвещение» в Священном Коране

Джореева Камила Кадыркулыевна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье рассматриваются концепты «ан-Нур» («свет») и «'акль» («разум») как ключевые элементы семантического поля «просвещение» в Священном Коране. Анализируются различные контексты, в которых эти термины употребляются, а также их взаимосвязь и влияние на понимание духовного и интеллектуального развития человека в исламской традиции. Исследуется, как концепт света символизирует божественное руководство и знание, а разум выступает как инструмент для его восприятия и осмыслиения. Получение знаний является одной из важнейших обязанностей человека. Пророк Мухаммед (мир ему и благословение) придавал огромное значение приобретению знаний, сказав: «Стремление к знаниям является обязанностью каждого мусульманина и каждой мусульманки» (хадис приведен имамом ат-Табарани и имамом аль-Байхаки).

Ключевые слова: Священный Коран, просвещение, свет, разум, знания

Введение

Исламская цивилизация с самого своего зарождения утвердила знание и интеллектуальное постижение в качестве одной из центральных религиозных ценностей. Священный Коран, будучи основополагающим источником исламского мировоззрения, изобилует аятами, призывающими к размышлению, познанию и духовному прозрению. В рамках коранической картины мира идея просвещения (ат-танвир, аль-хидая) формирует обширное семантическое поле, ключевыми узлами которого выступают концепты «ан-Нур» (свет) и «'акль» (разум). Нур символизирует божественное откровение, истину и руководство, исходящее от Аллаха, в то время как 'акль представляет собой данный человеку инструмент для восприятия, осмыслиения и следования этому свету.

С точки зрения исламской традиции, религия ведет человека к праведному пути и богообязненности. В ней все дела и поступки совершаются на основе знаний, ниспосланных в Коране и Сунне Пророка (мир ему и благословение).

Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили тексты Священного Корана, в частности аяты, содержащие лексемы с корнем н-в-р (свет) и концепт разума, а также сунна Пророка Мухаммеда (мир ему и благословение). В качестве ключевых интерпретационных источников были

привлечены классические труды, которые можно разделить на следующие группы:

1. Лингвистические и экзегетические: анализ, опирающийся на работы Османа ат-Твейджри и определения из словаря «аль-Муджам аль-Васит»; тафсир Ибн Касира, презентирующий методологию опоры на саляфов (ранних толкователей).

2. Философско-теологические: трактат аль-Газали «Мишкат аль-анвар» («Ниша света») и его фундаментальный труд «Ихъя 'улюм ад-дин» («Возрождение религиозных наук»).

Материалом анализа послужили статьи Мусы Казима Гюльчюра «Разум в Священном Коране» и О. Челика «Понятие света в Священном Коране».

Методология исследования является междисциплинарной и включает:

1. Семантико-контекстуальный анализ коранического текста для выявления значений и употребления ключевых терминов.

2. Историко-культурный анализ для понимания генезиса и развития исследуемых концептов в арабо-мусульманской традиции.

3. Сравнительно-аналитический метод для сопоставления интерпретаций света и разума в экзегетической (Ибн Касир) и философско-мистической (аль-Газали) традициях.

4. Конструктивный метод, направленный на реконструкцию семантического поля, где центральные концепты и их взаимосвязи выстраиваются в единую логическую систему.

Структура семантического поля «просвещение»

Реконструкция семантического поля показывает его четкую иерархическую структуру:

1. Ядро: образуют ключевые коранические термины «ан-Нур» (свет) и «аль-‘акль» (разум). Их функция заключается в задании базовой оппозиции «источник откровения — инструмент его постижения», что делает данную диаду системообразующей:

- «ан-Нур» — это божественный источник истины, откровения и руководства (хидая), исходящий от Аллаха;

- «аль-‘акль» — это дарованный человеку инструмент для восприятия, осмыслиения и следования этому свету.

2. Ближнюю периферию составляют понятия, непосредственно вытекающие из взаимодействия составляющих ядра:

- «аль-‘ильм» (знание) — продукт, рождающийся при озарении разума божественным светом;

- «аль-хидая» (руководство) — направление, задаваемое светом;

- «аль-басыра» (проницательность) — способность духовного зрения, внутреннее прозрение.

3. Дальняя периферия включает элементы, являющиеся следствием и практическим воплощением процессов, происходящих в ядре и ближней периферии:

- «ат-тафаккур» (размышление) — активный процесс работы разума над божественными знамениями.

- «аль-‘амаль ас-салих» (праведное дело) — конечная цель и практическое воплощение просвещения.

4. Контрастный фон:

- «аз-зулумат» (тьма) — концептуальная противоположность, символизирующая невежество и заблуждение. Идея перехода «из мрака к свету» (2:257) подчеркивает, что просвещение — это путь преобразования.

Концепт «ан-Нур» (свет)

Ислам придает большое значение знаниям и образованию, понимая их как просвещение разума и сердца. Семантическое поле «просвещение» в Коране формируется вокруг ряда взаимосвязанных концептов, где «ан-Нур» и «‘акль» занимают центральное положение.

Лингвистический анализ показывает, что в арабо-мусульманской традиции просвещение (ат-танвир) метафорически понимается как рассвет, рассеивающий тьму. В словаре «аль-Му‘джам аль-Васит» «просвещать» означает «проливать свет», то есть давать знание, направлять. Таким образом, просвещение становится синонимом руководства (аль-хидая), направляющего от мрака к истине [6, с. 40–41].

Лексическое значение арабского слова «нур», связанное со смыслами «освещать», «озарять», понимается как свет, который сам явный и делает явными другие предметы. Концепт «Нур» в Коране упоминается 43 раза в разных формах [3, с. 1].

Центральное место занимает «Аят о Свете» (24:35) из суры «Ан-Нур». Ибн Касир, опираясь на толкования саляфов, ин-

терпретирует его как притчу о свете веры и Корана в сердце верующего. Каждый элемент притчи (ниша, светильник, стекло, масло) символизирует чистоту сердца, источник веры и ее неизменную суть, а фраза «свет поверх света» может означать сочетание света разума и света откровения [4, с. 83–87].

Аль-Газали в «Мишкат аль-анвар» развивает эту тему, проводя аналогию между физическим и духовным зрением. Он указывает на ограниченность зрения глаз и превосходство «внутреннего зрения» — разума. При этом Коран для света разума — то же, что солнце для света глаз: источник озарения в мире духовных истин. Подобно тому как глазам необходим физический свет, разуму требуется свет откровения, чтобы быть озаренным [1, с. 79–91].

Семантика понятия «‘акль» (разум)

Классическая исламская мысль предлагает глубокий анализ понятия разума (‘акль). Ар-Рагиб аль-Исфахани заложил основу для понимания его двойственной природы: как познавательной силы (кувва) и как совокупности обретенных знаний (‘ильм). Различают разум:

1. Матбу‘ (природный, врожденный) — базовый интеллектуальный потенциал.

2. Масмū‘ (приобретенный) — реализованный через обучение и размышление.

Лингвистический анализ, отраженный в трудах Ибн Манзура, проясняет функциональную сущность разума, исходя из корня ‘-к-л (удерживать, связывать). Разум понимается как сила, сдерживающая от необдуманных поступков и обуздывающая страсти [9].

Коран содержит множество аятов, призывающих к размышлению (тафаккур). Всевышний говорит: «...которые поминают Аллаха стоя, сидя и на боку, и размышляют о сотворении небес и земли: „Господь наш! Ты не сотворил это понапрасну. Пречист Ты! Защити же нас от мучений в Огне“» (3:191). Ибн Касир подчеркивает, что такое размышление над творениями ведет к постижению мудрости Творца и является отличительной чертой обладателей разума.

Образовательный императив в исламе ясно выражен в первых ниспосланных аятах: «Читай во имя Господа твоего, который сотворил все создания... который научил [человека] посредством калама, научил человека тому, чего он не знал» (96:1–5) [8].

Аль-Газали в «Возрождении религиозных наук» ставит разум на особое место, называя его первым и драгоценнейшим творением Аллаха. Он подчеркивает связь разума со знанием, которое является его плодом, а также с праведным действием как конечной целью [6, с. 40–41].

Результаты исследования

Анализ коранического текста позволил:

1. Установить смысловое ядро концепции просвещения, образованное взаимосвязанными понятиями «ан-Нур» (божественный источник) и «аль-‘Акль» (инструмент постижения).

2. Определить логику системы, где все остальные ключевые понятия (знание, руководство, размышление, праведное дело) логически выводятся из взаимодействия этого ядра.

3. Подтвердить целостность модели, описывающей путь от невежества (тьмы) к знанию через духовное озарение и интеллектуальную деятельность.

Таким образом, кораническое просвещение предстает как динамичный процесс, в котором божественное откровение и человеческий разум совместно ведут к практическому праведному действию [2].

Заключение

В заключение на основании проведенного исследования можно утверждать, что концепция просвещения

в Коране представляет собой целостную семантическую систему. В центре этой системы находится ядро, включающее два неразрывно связанных концепта: «ан-Нур» (свет) как божественный источник истины и «аль-Акль» (разум) как человеческую способность этот свет воспринять. Их взаимодействие задает основу для всего процесса познания. Остальные важные понятия логически выводятся из этого ядра, выстраиваясь в четкую цепочку: через размышление (тафаккур) разум постигает знания, что приводит к знанию ('ильм) и духовному прозрению (басыра), а итогом обязательно становится праведное действие ('амаль салих). Противопоставление света и тьмы подчеркивает, что просвещение в исламской традиции — это путь от невежества к истине через синтез божественного руководства и интеллектуального усилия человека.

Литература:

1. al-Ghazali, A. H. M. Mishkât Al-Anwar (The niche for the lights) / A. H. M. al-Ghazali; translation with introduction by William Henry Temple. — Lahore : Ashraf, 1952.
2. аль-Газали, А. Х. М. Возрождение религиозных наук. В 10 т. Т. 1 / А. Х. М. аль-Газали. — Махачкала : Нуруль Иршад, 2011.
3. Çelik, Ö. Kur'ân-ı Kerîm'de Nûr Kavramı / Ö. Çelik // Marmara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. — 1998. — № 6. — S. 123–171.
4. Tafsir ibn Kathir. Vol. 7 / Imam Abu Al-Fida Ismail Ibn Kalhir. — Safi-ur-Rahman Al-Mubarakpuri-Riyadh, 2003.
5. Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь / А. А. Али-заде. — Москва: Ансар, 2007.
6. Ат-Твейджри, А. Просвещение как исламское понятие / А. О. ат-Твейджери // Minbar. Islamic Studies. — 2009. — № 2 (1).
7. Шихабуддин, Д. Р. Уникальное пособие для ищущих знание: Методы и этика приобретения шариатского знания / Д. Р. Шихабуддин; пер.: Шарафутдинов Д. А. — Москва : Изд-во Благотворительного фонда «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002.
8. Священный Коран. — URL: <https://quran-online.ru> (дата обращения: 06.02.2026).
9. GÜLÇÜR, M. K. Kur'ân-ı Kerîm'de Akıl / M. K. GÜLÇÜR. — URL <https://dinveilim.com/kuran-i-kerimde-akil/> (дата обращения: 06.02.2026).

Неология как развивающаяся область языкоznания: углубленный анализ теоретических подходов и критериев определения неологизмов

Коваленко Марина Николаевна, студент магистратуры
Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского

В статье предпринят углубленный анализ неологии как самостоятельной, динамично развивающейся области языкоznания, фокусирующейся на изучении новых слов и идиоматических выражений. Рассмотрены ключевые этапы в истории становления неологии, вклад выдающихся лингвистов в ее теоретическое и методологическое развитие, а также существующее многообразие теоретических подходов к определению и классификации неологизмов. Особое внимание уделяется детальному рассмотрению критериев, позволяющих надежно классифицировать языковую единицу как неологизм, включая такие аспекты, как темпоральность, субъективное восприятие новизны, отсутствие фиксации в авторитетных словарях, окказиональность, отражение актуальных общественных тенденций и креативный характер новообразования. Также рассматриваются процессы неологизации в различных сферах языка, включая терминологию, сленг и медиа-дискурс. Цель исследования — систематизация и углубление понимания сутиности неологии как лингвистической дисциплины, а также анализ ее перспектив в контексте динамично меняющегося языкового ландшафта.

Введение

Неология как специализированный раздел языкоznания, занимающийся систематическим исследованием новых слов, словосочетаний и других языковых единиц, представляет собой исключительно актуальную и перспективную область в современной лингвистике. Язык, по своей природе динамичная и адаптивная система, постоянно подвергается воздействию различных факторов, таких как технологический прогресс, социокультурные изменения и глобализация, что приводит к непрерывному процессу создания новых лингвистических единиц. Изучение неологизмов позволяет не только отследить динамику языковых изменений, но и получить ценную информацию о социальных, культурных и технологических процессах, определяющих развитие общества.

Несмотря на то, что отдельные элементы теории неологизмов были фрагментарно разработаны еще в первой половине XX века усилиями выдающихся лингвистов, таких как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба и др., институционализация неологии как самостоятельной теоретической дисциплины произошла лишь во второй половине столетия. В этот период существенный интеллектуальный вклад в развитие неологии внесли фундаментальные работы Е. В. Розен, А. А. Брагиной, Р. А. Будагова и многих других исследователей. Важно отметить, что, в отличие от консервативных и устоявшихся наук, неология характеризуется значительным разнообразием терминологии и принципиальным отсутствием единого, общепринятого методологического подхода, что, в свою очередь, отражает ее динамичный и эволюционирующий характер. Это многообразие подходов предоставляет широкое поле для дальнейших исследований и дискуссий, но также требует четкой систематизации и критического анализа существующих концепций.

Исторические этапы становления и развития неологии

В российской лингвистической традиции концептуальные основы неологии были заложены еще в первой половине XX века трудами таких выдающихся ученых, как А. А. Потебня, М. М. Покровский, В. И. Чернышев, А. М. Селищев, Н. С. Державин и Л. В. Щерба. Эти исследователи, каждый в рамках своей научной парадигмы, внесли ценный вклад в понимание процессов языкового обновления и механизмов появления новых лексических единиц. Потебня, например, акцентировал внимание на роли внутренней формы слова в процессе его создания и восприятия, что имеет непосредственное отношение к пониманию креативного потенциала неологизмов. Щерба, в свою очередь, разрабатывал теорию языковой системы и речевой деятельности, что стало важной теоретической базой для изучения функционирования неологизмов в речи.

Формирование неологии в качестве полноправной и независимой области лексикологии связано со второй

половине XX века. В этот период значительную роль сыграли работы Г. О. Винокура, А. А. Брагиной, Р. А. Будагова, В. Г. Гака, Н. И. Фельдман, Е. В. Розен и других. Именно их исследования позволили систематизировать накопленный эмпирический материал, разработать теоретические модели и сформулировать основные принципы анализа неологизмов. Брагина, в частности, провела глубокий анализ механизмов создания неологизмов в русском языке, выделив различные способы словообразования и их связь с социокультурными изменениями. Розен сосредоточилась на изучении неологизмов в немецком языке, что позволило выявить общие закономерности и специфические особенности неологизации в разных языках. Следует отметить, что неология постоянно находится в состоянии развития и поиска новых подходов, что является естественным для любой активно развивающейся науки. Этот поиск включает в себя как разработку новых теоретических моделей, так и применение современных методов исследования, таких как корпусная лингвистика и компьютерный анализ текстов.

Многообразие теоретических подходов к определению неологизмов: компаративный анализ

Ключевым объектом исследования в неологии является новое слово, лексическое новообразование, которое в специализированной лингвистической литературе обозначается посредством целого ряда синонимичных терминов, таких как «новообразование», «инновация», «неология» и т. п. Отсутствие единого стандарта терминологии само по себе свидетельствует о сложности и многоаспектности феномена неологизма и о продолжающихся научных дискуссиях относительно его точной дефиниции. Этот факт подчеркивается многими исследователями, в частности, Л. П. Катлинской указывается, что «вопрос о том, что такое неология в собственно лингвистическом смысле, по сей день остается открытым». Различные подходы к определению неологизмов отражают разнообразие исследовательских перспектив и теоретических ориентаций в современной лингвистике.

Наиболее распространенным и общепринятым термином является «неология», заимствованный из французского языка (*néologisme*), который буквально переводится как «новое слово». Однако со временем семантический объем этого термина значительно расширился, и сегодня под неологизмом понимаются самые различные новые языковые единицы, от отдельных слов и словосочетаний до фразеологизмов и заимствований. Эта расширительная трактовка создает определенные трудности в однозначной интерпретации термина и затрудняет его применение в строгих лингвистических исследованиях. Например, термин «неология» может использоваться для обозначения как совершенно нового слова, созданного «с нуля», так и для обозначения нового значения уже существующего слова.

Н. З. Котелова в своих работах отмечает существование нескольких различных лингвистических теорий, каждая из которых предполагает свою собственную интерпретацию языковой сущности неологизма: «стилистическая», «динамическая», «психолингвистическая», «лексикографическая», «денотативная», «структурная» и «конкретно-историческая». Более детальное рассмотрение этих теорий позволяет лучше понять разнообразие подходов к изучению неологизмов.

— **Стилистическая теория**, например, акцентирует внимание на новизне как на фундаментальном и определяющем критерии неологизма, при этом подчеркивая, что ощущение новизны носит субъективный характер и зависит от индивидуального восприятия говорящего. Согласно этой теории, неологизмы в первую очередь привлекают внимание своей необычностью и способностью создавать экспрессивный эффект. Примером может служить использование сленговых выражений в литературных произведениях для придания речи персонажей большей реалистичности и живости.

— **Динамическое направление**, сформировавшееся относительно недавно, рассматривает неологизмы в контексте языка как непрерывно изменяющейся и развивающейся системы. Этот подход акцентирует внимание на взаимодействии неологизмов с уже существующими элементами языка и на их роли в формировании новых языковых тенденций.

— **Психолингвистическая теория** анализирует неологизмы через призму когнитивных процессов и индивидуального мышления, учитывая, что восприятие новизны может существенно варьироваться в зависимости от личного опыта и культурного контекста. Этот подход позволяет понять, как новые слова усваиваются и интегрируются в когнитивную систему человека. Залевская А. А. подробно описывает эти процессы.

— **Лексикографическая теория** определяет неологизмы как языковые единицы, еще не зафиксированные в существующих словарях. Хотя этот критерий является достаточно формальным, он позволяет провести четкую границу между неологизмами и устоявшейся лексикой. Однако, следует учитывать, что процесс фиксации слова в словаре может занимать значительное время, и многие активно используемые неологизмы могут оставаться за пределами лексикографической фиксации на протяжении длительного периода.

— **Денотативная теория**: Согласно этой теории, неологизмы — это обозначения новых явлений и понятий. Они возникают для удовлетворения потребности в вербализации нового опыта и отражают изменения в окружающей действительности. Примером могут служить неологизмы, связанные с развитием информационных технологий, такие как «смартфон», «блокчейн» и «метавселенная».

— **Структурная теория** требуют структурной уникальности и формальной новизны для неологизмов. Этот подход акцентирует внимание на способах словообразо-

вания и морфологических структурах новых слов. Например, создание новых слов путем аффиксации (добавления префиксов или суффиксов) или словосложения.

— **Конкретно-историческая теория** ощущение новизны основывается на историческом контексте. То есть, слово может считаться неологизмом только в определенный период своей истории. Например, слово «компьютер» было неологизмом в середине 20 века, но сегодня оно является общеупотребительным словом.

Ключевые критерии отнесения языковой единицы к категории неологизмов

Обобщая подходы Н. М. Шанского и Н. З. Котеловой, можно выделить следующие ключевые критерии, позволяющие с достаточной степенью уверенности отнести ту или иную языковую единицу к категории неологизмов: Важно подчеркнуть, что ни один из этих критериев не является абсолютно достаточным сам по себе, и для надежной классификации языковой единицы как неологизма необходимо учитывать их совокупность.

— **Темпоральность**: Неологизмы — это языковые единицы, которые характеризуются новизной именно в конкретный исторический период. Это означает, что слово, которое считалось неологизмом в определенный момент времени, может перестать быть таковым по мере его распространения и укоренения в языке. Примером может служить слово «селфи», которое несколько лет назад было активно обсуждаемым неологизмом, а сегодня является общеупотребительным словом.

— **Новизна**: Неологизмы служат для обозначения новых реалий, понятий и явлений, возникающих в обществе, и зачастую вытесняют устаревшие обозначения. Этот критерий отражает связь неологизмов с социальными, культурными и технологическими изменениями. Например, появление новых форм коммуникации в интернете привело к возникновению таких неологизмов, как «лайк», «репост» и «стрим».

— **Отсутствие в авторитетных словарях**: Отсутствие фиксации слова или словосочетания в авторитетных словарях может служить индикатором его неологического статуса. Однако, как уже отмечалось выше, этот критерий не является абсолютным, так как процесс включения новых слов в словари может быть достаточно длительным.

— **Окказиональность**: Неологизмы нередко носят окказиональный характер, то есть употребляются лишь в определенных контекстах или сферах коммуникации. Такие слова обычно не получают широкого распространения и могут быстро исчезнуть из употребления. Примером могут служить авторские неологизмы, создаваемые писателями и поэтами для придания своим произведениям особой выразительности.

— **Современность**: Неологизмы, как правило, отражают современные тенденции, события и изменения, происходящие в обществе. Они являются своеобразным «зер-

калом» современности и позволяют отследить динамику социальных и культурных процессов.

— **Креативность:** Процесс образования новых слов и выражений зачастую связан с творческой деятельностью и отражает стремление к выразительности и оригинальности в языке. Этот критерий подчеркивает роль языкового творчества в процессе неологизации.

Неология и различные сферы языка

Процессы неологизации активно проявляются в различных сферах языка, каждая из которых обладает своими специфическими характеристиками и закономерностями.

— **Терминология:** Развитие науки и техники приводит к постоянному появлению новых терминов, необходимых для обозначения новых понятий и явлений. Терминологические неологизмы, как правило, характеризуются высокой точностью и однозначностью, так как они предназначены для использования в специализированных контекстах.

— **Слэнг:** Слэнг является динамичной и экспрессивной формой языка, в которой неологизмы возникают особенно часто. Слэнговые неологизмы обычно используются в неформальной обстановке и отражают социальные и культурные ценности определенной группы людей.

Литература:

1. Барнхарт, Р. К. New English Dictionary. New York, 1973.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
3. Брагина, А. А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1973.
4. Будагов, Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977.
5. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
6. Гак, В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
7. Державин, Н. С. Статьи о литературе и культуре. М.: Наука, 1957
8. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 2007.
9. Катлинская, Л. П. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. М., 1978.
10. Котелова, Н. З. Первый опыт описания русских неологизмов. // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 5–26.
11. Кудрявцева, Л. А. Динамика семантических изменений в лексике русского языка конца XX — начала XXI века: монография. — Луганск: Знание, 2008.
12. Намитокова, Р. Ю. Современный русский язык: учеб. пособие. Майкоп: Изд-во АГУ, 2002.
13. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
14. Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка. Учебное пособие. — Флинта, 2005.
15. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1958.
16. Розен, Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. М.: Просвещение, 1976.
17. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928.
18. Тогоева, С. И. Неология в когнитивном аспекте: (на материале русского и французского языков) [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 /Тогоева Светлана Ивановна. — Москва, 2000.
19. Фельдман, Н. И. О терминологизации неологизмов. // Вопросы языкознания. 1976. № 1.
20. Чернышев, В. И. Избранные труды. М.: Просвещение, 1970.
21. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972.
22. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

— **Медиа-дискурс:** Средства массовой информации играют важную роль в распространении неологизмов и формировании языковых норм. Неологизмы, используемые в медиа-дискурсе, могут быстро приобретать широкую популярность и становиться частью общеупотребительной лексики.

Вывод

Неология как научная дисциплина находится в состоянии постоянного развития и поиска новых методологических подходов. Современные исследования в области неологии направлены на выявление закономерностей возникновения и функционирования новых языковых единиц, а также на изучение их влияния на развитие языка и общества. Перспективы дальнейших исследований в области неологии связаны с применением современных методов анализа данных, таких как корпусная лингвистика и машинное обучение, а также с изучением роли неологизмов в процессе межкультурной коммуникации и глобализации. Неология остается одной из наиболее интересных и перспективных областей лингвистики, способной дать ценную информацию о динамике языка и общества.

Лингвистические и когнитивные трудности усвоения английского языка взрослыми

Свирилова Дарья Сергеевна, преподаватель английского языка
Онлайн-школа English & Lifestyle

В статье рассматриваются лингвистические и когнитивные трудности усвоения английского языка взрослыми изучающими в контексте ESL/EFL. Анализируются особенности фонетической, грамматической и лексической интерференции родного языка, а также влияние когнитивных и аффективных факторов, включая рабочую память и языковую тревожность, на процесс обучения. Методологической основой исследования послужили анализ отечественных и зарубежных научных источников и обобщение педагогического опыта преподавания английского языка взрослым обучающимся. Полученные выводы подтверждают необходимость адаптации методических подходов к когнитивным особенностям взрослой аудитории и создания поддерживающей образовательной среды, способствующей повышению эффективности усвоения английского языка.

Ключевые слова: усвоение второго языка, ESL/EFL, когнитивные трудности, лингвистическая интерференция, языковая тревожность.

В условиях глобализации и расширения международной профессиональной и образовательной мобильности владение английским языком становится необходимым условием успешной социальной и профессиональной интеграции. В связи с этим наблюдается устойчивый рост числа взрослых, изучающих английский язык как второй или иностранный. В отличие от детей и подростков, взрослые обучающиеся обладают сформированной языковой системой родного языка, развитым когнитивным аппаратом и значительным жизненным опытом, что, с одной стороны, может способствовать осознанному обучению, а с другой — создавать дополнительные лингвистические и когнитивные барьеры в процессе усвоения иностранного языка.

Современные исследования в области усвоения второго языка (Second Language Acquisition) указывают на то, что возрастной фактор оказывает комплексное влияние на процесс изучения языка, затрагивая как лингвистические, так и когнитивные аспекты обучения. У взрослых изучающих английский язык нередко наблюдаются трудности в области фонетического восприятия, грамматической автоматизации и активного словоупотребления, а также повышенная языковая тревожность и замедленная обработка языковой информации. При этом традиционные методики преподавания английского языка зачастую ориентированы на младшую аудиторию и не в полной мере учитывают когнитивные особенности взрослых обучающихся.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа лингвистических и когнитивных трудностей, с которыми сталкиваются взрослые изучающие английский язык, а также потребностью в разработке педагогических подходов, адаптированных к их учебным возможностям и потребностям. Учет когнитивных характеристик взрослого возраста, таких как особенности рабочей памяти, внимание и мотивация, представляется ключевым фактором повышения эффективности обучения английскому языку в контексте ESL/EFL.

Целью данного исследования является анализ лингвистических и когнитивных трудностей усвоения английского языка взрослыми изучающими, а также определение педагогических импликаций, направленных на преодоление выявленных барьеров. В соответствии с поставленной целью в работе предполагается решение следующих задач: рассмотреть основные теоретические подходы к усвоению второго языка во взрослом возрасте; выявить типичные лингвистические и когнитивные трудности взрослых изучающих; обозначить педагогические стратегии, способствующие оптимизации процесса обучения английскому языку.

Теоретические основания и обзор литературы

Проблематика усвоения второго языка во взрослом возрасте занимает важное место в современной прикладной лингвистике и психолингвистике. В рамках теории усвоения второго языка (Second Language Acquisition, SLA) возраст рассматривается как один из ключевых факторов, влияющих на успешность обучения. Исследователи отмечают, что взрослые изучающие, в отличие от детей, в большей степени опираются на осознанные когнитивные стратегии и аналитическое мышление, что определяет специфику процесса обучения иностранному языку Эллис Р. [1], ДеКайзер Р. [2].

Согласно когнитивному подходу к SLA, усвоение языка во взрослом возрасте тесно связано с функционированием рабочей памяти, вниманием и процессами автоматизации. Ряд исследований указывает на то, что с возрастом снижается нейропластичность, что может затруднять формирование фонологических и грамматических навыков, особенно на уровне автоматизированного использования языка Бялисток Э. [3]. В результате взрослые обучающиеся нередко демонстрируют высокий уровень осознанного знания языковых правил при недостаточной беглости речи.

Одной из наиболее значимых лингвистических трудностей у взрослых, изучающих английский язык явля-

ется интерференция родного языка. Перенос фонетических, грамматических и синтаксических структур родного языка на изучаемый язык приводит к формированию устойчивых ошибок, которые со временем могут фоссализироваться и становиться труднопреодолимыми Селлинкер Л. [4]. Особенно ярко интерференция проявляется в области произношения и интонации, где взрослые обучающиеся испытывают сложности с восприятием и воспроизведением новых фонемных контрастов.

Грамматические трудности взрослых, изучающих языки также связаны с особенностями когнитивной обработки информации. Взрослые обучающиеся часто стремятся к точности и контролю, что замедляет процесс речепорождения и препятствует формированию автоматизированных грамматических навыков. Ограниченностя активного словарного запаса, в свою очередь, обусловлена как недостаточным объемом языкового ввода, так и высокой когнитивной нагрузкой при усвоении лексических единиц в новых контекстах.

Наряду с лингвистическими факторами значительную роль в усвоении английского языка взрослыми изучающими играют когнитивные и аффективные переменные. Исследования показывают, что рабочая память взрослых обучающихся может быть перегружена при выполнении сложных языковых задач, особенно в условиях ограниченного времени Бэддели А. [5]. Кроме того, взрослые изучающие часто демонстрируют повышенный уровень языковой тревожности, связанный со страхом ошибок, негативным предыдущим учебным опытом и высокими ожиданиями от собственных результатов Horwitz E. [6], и др.

В контексте педагогики ESL/EFL данные факторы требуют пересмотра традиционных методических подходов. Современные исследования подчеркивают необходимость адаптации учебных материалов и стратегий обучения с учетом когнитивных особенностей взрослых обучающихся, а также создания поддерживающей образовательной среды, способствующей снижению тревожности и повышению мотивации Richards J., Rodgers T. [7]. Таким образом, анализ теоретических и эмпирических работ позволяет сделать вывод о комплексном характере лингвистических и когнитивных трудностей взрослых изучающих и необходимости их учета в практике преподавания английского языка.

Методология исследования

Настоящее исследование носит описательно-аналитический характер и опирается на качественный подход, что обусловлено целью выявления и систематизации лингвистических и когнитивных трудностей, с которыми сталкиваются взрослые изучающие английский язык. Выбор данного подхода позволяет комплексно рассмотреть особенности процесса усвоения иностранного языка во взрослом возрасте с учетом как теоретических положений, так и практического педагогического опыта.

Методологической основой исследования послужил анализ отечественных и зарубежных научных публикаций в области усвоения второго языка, психолингвистики и методики преподавания английского языка взрослым обучающимся. В ходе анализа были отобраны работы, посвященные возрастному фактору в SLA, когнитивным ограничениям взрослых изучающих, а также влиянию аффективных переменных на процесс обучения иностранному языку. Это позволило выявить основные подходы к интерпретации лингвистических и когнитивных трудностей и определить наиболее значимые факторы, влияющие на успешность усвоения английского языка во взрослом возрасте.

Дополнительно в рамках исследования использовалось обобщение педагогического опыта преподавания английского языка взрослым обучающимся в контексте ESL/EFL. Анализ наблюдений за учебным процессом включал выявление типичных затруднений, возникающих у взрослых изучающих при освоении фонетического, лексического и грамматического материала, а также оценку реакции обучающихся на различные методические приемы. Особое внимание уделялось проявлениям языковой тревожности, особенностям когнитивной нагрузки и стратегиям, используемым взрослыми обучающимися для компенсации возникающих трудностей.

Полученные данные анализировались с применением тематического анализа, что позволило сгруппировать выявленные трудности по основным категориям: лингвистические, когнитивные и аффективные. Такой подход обеспечил целостное представление о характере проблем, с которыми сталкиваются взрослые изучающие английский язык, и создал основу для формулирования педагогических выводов и рекомендаций, представленных в последующих разделах статьи.

Анализ и обсуждение результатов

Анализ теоретических источников и педагогических наблюдений позволяет выделить ряд типичных лингвистических и когнитивных трудностей, характерных для взрослых изучающих английский язык. Эти трудности носят комплексный характер и проявляются на разных уровнях языковой системы и учебного процесса, что требует их рассмотрения во взаимосвязи.

Лингвистические трудности усвоения английского языка взрослыми изучающими

Одной из наиболее выраженных лингвистических трудностей взрослых студентов является фонетическая интерференция родного языка. Взрослые обучающиеся часто испытывают сложности с восприятием и воспроизведением фонем, отсутствующих в родном языке, а также с освоением ритмико-интонационных особенностей английской речи. В отличие от детей, взрослые изучающие демонстрируют меньшую гибкость в перестройке фоно-

логической системы, что приводит к сохранению акцента и устойчивых произносительных ошибок.

Грамматические трудности взрослых изучающих английский язык во многом обусловлены стремлением к осознанному контролю речепорождения. Взрослые обучающиеся склонны анализировать языковые формы и правила в процессе коммуникации, что замедляет темп речи и препятствует автоматизации грамматических навыков. В результате даже при высоком уровне декларативных знаний грамматическая точность в спонтанной речи может оставаться низкой. Особое место занимают фоссилизированные ошибки, которые формируются под влиянием интерференции родного языка и закрепляются в результате длительного использования некорректных языковых моделей.

Лексические трудности проявляются прежде всего в ограниченности активного словарного запаса. Несмотря на наличие значительного пассивного словаря, взрослые изучающие часто испытывают затруднения при использовании лексических единиц в продуктивных видах речевой деятельности. Это связано как с высокой когнитивной нагрузкой при выборе лексических средств, так и с недостаточной частотой использования новых слов в аутентичных коммуникативных ситуациях.

Когнитивные и аффективные барьеры

Когнитивные трудности взрослых изучающих английский язык тесно связаны с особенностями функционирования рабочей памяти и процессов обработки информации. Взрослые обучающиеся, как правило, обладают более ограниченными ресурсами рабочей памяти по сравнению с детьми, что особенно заметно при выполнении комплексных языковых заданий, требующих одновременной обработки формы и содержания. Это может приводить к перегрузке когнитивной системы и снижению качества усвоения нового материала.

Существенную роль в процессе обучения играют аффективные факторы, в частности языковая тревожность. Взрослые изучающие часто демонстрируют повышенный страх ошибок, связанный с высоким уровнем самоконтроля и негативным опытом предыдущего обучения. Языковая тревожность снижает готовность к устному взаимодействию и ограничивает возможности практического применения языковых навыков, что, в свою очередь, замедляет процесс усвоения английского языка.

Мотивация взрослых обучающихся, как правило, носит инструментальный характер и связана с профессиональными или личными целями. Однако при отсутствии быстрого прогресса мотивация может снижаться, что негативно отражается на устойчивости учебной деятельности. Таким образом, когнитивные и аффективные барьеры образуют взаимосвязанную систему факторов, влияющих на успешность обучения взрослых изучающих английский язык.

Педагогические импликации

Выявленные лингвистические и когнитивные трудности определяют необходимость адаптации педагогических подходов к обучению взрослых изучающих английский язык. Эффективная методика должна учитывать ограниченные когнитивные ресурсы взрослых обучающихся и опираться на осознанное обучение, развитие метакогнитивных стратегий и постепенную автоматизацию языковых навыков.

Особое значение приобретает создание поддерживающей образовательной среды, направленной на снижение языковой тревожности. Использование коммуникативно-ориентированных заданий, поэтапное усложнение учебного материала и ориентация на практические цели обучения способствуют повышению уверенности взрослых обучающихся и активизации их речевой деятельности. Кроме того, связь учебного материала с профессиональным и жизненным опытом обучающихся позволяет повысить мотивацию и усилить значимость изучаемого языка.

Заключение

Проведённый анализ теоретических источников и педагогических наблюдений позволяет сделать вывод о том, что усвоение английского языка взрослыми, изучающими английский язык, сопровождается рядом специфических лингвистических и когнитивных трудностей. К числу наиболее значимых относятся фонетическая и грамматическая интерференция родного языка, ограниченность автоматизированных языковых навыков, а также когнитивные ограничения, связанные с функционированием рабочей памяти и повышенной языковой тревожностью.

Полученные результаты подтверждают, что взрослые изучающие английский язык обладают особыми когнитивными характеристиками, которые требуют адаптации традиционных подходов к преподаванию ESL/EFL. Осознанное обучение, развитие метакогнитивных стратегий и учет аффективных факторов представляются ключевыми условиями повышения эффективности обучения английскому языку во взрослом возрасте. Особое значение имеет создание поддерживающей образовательной среды, способствующей снижению тревожности и повышению мотивации обучающихся.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных выводов в преподавательской и методической практике при работе со взрослыми изучающими английский язык. Представленные результаты могут быть использованы при разработке учебных программ и материалов, ориентированных на особенности взрослой аудитории. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим изучением эффективности конкретных педагогических стратегий и расширением анализа за счет межкультурного и межъязыкового контекста.

Литература:

1. Эллис Р. Усвоение второго языка / R. Ellis. Oxford: Oxford University Press, 2008.
2. Декейзер Р. Теория овладения навыками и усвоение второго языка // Second Language Research. 2017. Т. 33, № 2.
3. Бялишток Э. Двуязычие в развитии: язык, грамотность и познание. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
4. Селинкер Л. Интерязык // International Review of Applied Linguistics. 1972. Т. 10.
5. Бэддели А. Рабочая память // Вопросы психологии. 1992. № 5.
6. Horwitz E., Horwitz M., Cope J. Foreign Language Classroom Anxiety // Modern Language Journal. 1986. № 70.
7. Richards J., Rodgers T. Approaches and Methods in Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Евангельский сюжет «Моление о чаше» в картине Н. Н. Ге «Христос в Гефсиманском саду» и в поэме Н. М. Минского «Гефсиманская ночь»

Старкова Елена Игоревна, студент
Московский педагогический государственный университет

В статье автор рассматривает произведения искусства, в основу которых лег эпизод из Священного Писания — «Моление о чаше», проводит параллель между картиной «Христос в Гефсиманском саду» Н. Н. Ге и поэмой «Гефсиманская ночь» Н. М. Минского.

Ключевые слова: поэма, Н. М. Минский, Н. Н. Ге, литература, искусство, картина, евангельский сюжет.

Библейские сюжеты часто выступают источником вдохновения для создания огромного ряда произведений мировой художественной культуры, литературы и музыки. В докладе мы рассматриваем два произведения искусства, в основу которых лег эпизод из Священного Писания — «Моление о чаше». Цель нашей работы — провести параллель между картиной «Христос в Гефсиманском саду» Николая Николаевича Ге и поэмой «Гефсиманская ночь» Николая Максимовича Минского, найти общее и различное в понимании данного евангельского сюжета поэта, творящего с помощью слова и художника, создающего с помощью красок. Задачами доклада являются:

1. Раскрытие самого эпизода «Моление о чаше», его толкование в богословии и светской культуре;
2. Рассмотрение истории создания произведений, замыслов живописца и художника;
3. Разбор воплощений замыслов Н. Н. Ге и Н. М. Минского в произведениях, их сравнение;
4. Рассмотрение реакций современников на произведения живописца и художника.

Итак, «Моление о чаше» — это один из наиболее ярких и привлекающих внимание эпизодов Евангелия. Напомним, что «Моление о чаше» — это молитва Иисуса Христа в Гефсиманском саду, описанная у трёх евангелистов — Марка, Луки и Матфея. Господь после Тайной Вечери оправляется в Гефсиманию вместе с учениками: Петром, Иоанном и Иаковом, которые вскоре засыпают, Христос же находится в борении: скорбит, молится до «кровавого пота», просит Бога-Отца пронести мимо Него «Чашу сию». Большинством толкователей Евангелия под «Чашей сей» понимается предстоящие страдания на Голгофе Иисуса Христа.

Камнем преткновения в понимании евангельского повествования является момент, когда Иисус Христос «... начал ужасаться и тосковать. И сказал им (ученикам): душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь, и бодрствуйте» [Мк. 14:34]. Почему же Господь «содрогается от ужаса предсмертных мучений? Не лучше ли было Ему идти на смерть, как потом шли Его последователи, без страха и даже с радостью?» [3]. Разве не в этом состоял весь план Божий, чтобы Иисус Христос пошёл на крест как жертва за грехи человечества? По этому поводу у исследователей евангелия и православных богословов есть несколько точек зрения. В нашей работе мы опирались на толкования Феофилакта Болгарского, Иоанна Златоуста, Троицкие листки XIX века, религиозного писателя Б. И. Гладкова.

Стоит выделить именно толкование Б. И. Гладкова евангельского эпизода «Моление о чаше», так как оно было особо популярно в начале XX века. Писатель в своей работе приходит к выводу, что в Гефсимании Господь подвергался искушениям дьявола и как Человек, и как Бог, скорбел же он от предательства и греховности народа. В догматическом богословии считается, что главной причиной, по которой Иисус Христос испытывал страдания, это тяжесть грехов, легших на Спасителя: грехов всего мира от сотворения до скончания века. Если и в церковной среде нет единой точки зрения на Гефсиманское борение, неудивительно, что живописцы и поэты, так живо откликнувшись в творчестве на этот драматический эпизод, вкладывали свои смыслы. Важно отметить, что XIX век ознаменовался темой «Христос — человек, Христос — историческая личность», которой активно

увлекались деятели искусства и стремились воплотить в своих произведениях. Перейдем непосредственно к картине «Христос в Гефсиманском саду» Н. Н. Ге и поэме «Гефсиманская ночь» Н. М. Минского.

Начнём с истории создания и замыслов произведений. В картине «Христос в Гефсиманском саду» содержатся истоки позднего творчества Н. Н. Ге, эмоциональный накал и экспрессия формы «Страстного цикла» 1890-х годов. Христос в своей человеческой ипостаси, проживающий свою земную жизнь среди людей, чувствующий и страдающий, — этой теме Ге останется верен до самого конца жизни. Время написания поэмы Н. М. Минского «Гефсиманская ночь» (1884 год) совпадает с киевским периодом в творчестве поэта, когда на его манеру сильно влияли эстетические идеи кружка так наз. «новых романтиков». Так, Минский декларировал права художника, то есть человека творческого, на максимальную свободу вдохновения, поэтому у поэта была сознательная установка на откровенную переделку известного евангельского эпизода в духе апокрифической легенды, где в главном герое, то есть в образе Иисуса Христа больше видна именно человеческая ипостась, а не Божественная, на первый план выходит сатана и его искушения [1].

Перейдем к воплощению замыслов в рассматриваемых нами произведениях. Так, картина Н. Н. Ге реалистична и кажется больше фотографией, чем живописью, и тем более иконой. Произведение получило известную свободу от евангельского сказания, главным образом благодаря пейзажу, который занимает в произведении очень важное место. Н. Н. Ге раскрывает очарование лунной ночи, физическую ощущимость лунного освещения, ночную жизнь сада. Природа во власти глубокого покоя. Сразу проведём параллель с поэмой, в которой пейзаж также играет значительную роль, поэт рисует прекрасные картины летней ночи: «Прохлада ночи летней, / Сменивши знойный день, струилась вокруг них. / И спящий мир в тот час прекрасен был и тих. / Бледнея, месяц плыл по голубой пустыне. / Бессонный ключ, звяня, тиши ночи нарушил, / И где-то мирт расцвел, и бальзамин дышал» [2].

Умиротворенности и гармонии бытия живописец противопоставляет сомнения и тревогу Иисуса Христа. В окончательном варианте Ге сохранил строго центрическое положение Господа. Неподвижная фигура, окутанная призрачным воздухом, с застывшим выражением печали вызывает ощущение фатальности, кто-то может увидеть обречённость и готовность к предстоящей жертве. В поэме мы также находим противопоставление окружающего мира: умиротворённость природы, веселость и безумства людей и скорбь Господа: «И он ускорил шаг, печали не тая, — / Но песня вслед за ним вилася, как змея». Отметим, что отличие от иконописного изображения Христос у Ге не молится, а находится без движения. В поэме Минского Господь, наоборот, только в пути к Гефсиманскому саду: «И вот, уж миновав Иосафат пустой, / Он полгоры прошел, скорбя невыразимо» [2]. Основными образами в поэме является Христос и Дьявол — два начала, две

конфликтующие силы. Как отмечают исследователи творчества поэта, в лице Дьявола и Христа Минскому важно столкнуть два различных поминания искупительной жертвы Спасителя. В картине Н. Н. Ге центральной фигурой остается именно Господь, на картине нет даже Его учеников, хотя в евангельском сюжете им отводится значительное место.

В поэме «Гефсиманская ночь» Минский подробно раскрывает две точки зрения на страдания Христа: дьявол выражает чисто гуманистический взгляд на миссию Спасителя, смысл которой ограничивается искоренением зла и грехов в человеческом мире и установлением «рай на земле». В противовес уверению Дьявола о бесполезности предстоящей великой жертвы Христа выдвигается идея высшей необходимости этой жертвы, оправдание которой лежит за пределами этого мира. Христос совершает подвиг во имя торжества мистической правды, исходящей от воли Отца [1].

Как сам поэт отмечал в письме председателю Общества любителей российской словесности Н. С. Тихонравову: «...это свободная от условий эпохи апокрифическая легенда, проникнутая, однако, евангельской истиной о неизбежности искушения и борьбы перед всяkim подвигом, даже величайшем в мире» [1].

Для Н. Н. Ге было важно показать Христа Человеком: страдающим, готовящимся к смерти, но принявшим волю Бога. Реалистичность — главный приём в картине «Христос в Гефсиманском саду». Ге ушёл и от церковного канона, и от устоявшейся художественной традиции в изображении Спасителя. Сам живописец гордился, что он «сломал тициановского и давинчевского Христа» [4].

Очень интересны реакции современников на произведения Н. Н. Ге и Н. М. Минского. Воспитанные в христианской традиции, они увидели в творчестве живописца на евангельскую тему прежде всего подмену, выхолащивание Благой Вести. Картина «Христос в Гефсиманском саду» Н. Н. Ге не была понята современниками, она показалась российской публике и критике «до дерзости небрежной». Произведение критиковали — кто за энергичный тип непримиримого, кто за неправильность и небрежность рисунка и форм, особенно шеи, всего тела и рук [4]. Подобную критику произведения «Христос в Гефсиманском саду» Н. Н. Ге находим в журнале «Всемирная иллюстрация», 1870, № 67 и 68: «Картину позволили выставить: она никого не поразила, никого не обратила; она упала, как камень, в глубокий колодезь. Г. Ге писал свою картину не для русского народа, писана для немногих у нас: для рационалистов, для людей, близких западному развитию. <...> Выражение лица страшно и безнадежно; какая-то суровая, сдержанная ненависть отпечатлевается в каждой черте этого лица; оно неумолимо, грозно. Таким Христом мог быть всякий решительно человек».

Произведение Н. Н. Ге получила положительную оценку у М. А. Врубеля, которыйставил картину очень высоко и находил в «Христе в Гефсиманском саду» «что-то демоническое» [5]. Кроме того, Л. Н. Толстой также очень

высоко оценивал творчество живописца, он считал картины Ге на сюжет страстного финала Евангелия «эпохой в христианской живописи», видел в них принципиально «новое отношение к христианским сюжетам».

Интересна реакция на картину одного из постоянных критиков передвижных выставок Н. К. Михайловского: «Иисус... написан превосходно. Но я не понимаю, почему это Иисус. Дело не в излишнем реализме. Пусть Христос будет изображен еще реальнее, но... я, естественно, хочу видеть в Христе Христа, то есть те черты, которые ему усваивает Евангелие. За Христом шли ученики, толпы народа, а в Христе г. Ге нет ничего от вождя. Христос был проповедником любви, кротости, всепрощения — я не вижу этих черт в картине Ге...» [6]. «Московские епархиальные ведомости» указывали, что молитва Христа лишина смирения и не может удовлетворить религиозное чувство.

С поэмой Н. М. Минского «Гефсиманская ночь» дела обстояли совсем по-иному. Так, поэты, писатели, современники «зачитывались», ей восхищались. И. Е. Репин, ознакомившись с поэмой, писал Н. М. Минскому:

Литература:

1. Стихотворения и поэмы: сборник / Н. М. Минский, А. М. Добролюбов; вступ. ст., сост. и примеч. А. А. Кобринского и С. В. Сапожкова. — СПб.: Академический проект, 2005. — 696 с.
2. Минский, Н. М. Гефсиманская ночь (поэма) // Полное собрание стихотворений: в 4 т. / Н. М. Минский. — 4-е изд. — СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1907. — Т. 1.
3. Толкование Евангелия / Б. И. Гладков. — [Сергиев Посад]: Свято-Троиц. Сергиева лавра, 2004. — 842. (Печатается по изд. Б. И. Гладков. Толкование Евангелия. 4-е изд. СПб., 1913).
4. Репин И. Об искусстве: живопись, литература, музыка/ Илья Репин. — М.: Слово, 2019. — С. 310 -311.
5. Н. Н. Ге. Письма, статьи, критика, воспоминания современников. Вступит. статья сост. И примеч. Н. Ю. Зограф. М. «Искусство», 1978.
6. Арбитман Э. Жизнь и творчество Н. Н. Ге. — Волгоград: ПринТерра, 2007. — 320 с.

«Большое спасибо Вам за «Гефсиманскую ночь». Какая сильная вещь! Как сильна вообще литература! Какие острые жгучие стрелы подвластны ей!» [4]

Однако представленная в мае 1884 г. в цензуру, поэма «Гефсиманская ночь» была запрещена к печати Комитетом духовной цензуры на том основании, что «содержание стихотворения не согласно с евангельским сказанием о последних днях земной жизни Христа Спасителя и самое душевное его состояние во время молчания в Гефсиманском саду представлено под видом искушения Иисуса Христа злым духом в таких поэтических образах, которые недостойны величия и святости божественного искупителя».

Таким образом, Н. Н. Ге и Н. М. Минский переинициают евангельский сюжет в своих произведениях, их целью является освобождение картины и поэмы от традиционных установок, они стремятся вложить свои смыслы, своё понимание. Деятели искусства успешно достигают своей цели: Н. Н. Ге прибегая в картине к удивительной реалистичности, а Н. М. Минский, создавая в поэме апокрифическую легенду вместо евангельского сюжета, выдвигая на передний план яркий образ дьявола и его искушения.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 6 (609) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.02.2026. Дата выхода в свет: 25.02.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.